

№ 49

ФЕВРАЛЬ

1930

1. Б. КАНДИДОВ — Транспорт заграничной религиозной литературы в РСФСР в годы гражданской войны.
2. М. БАРАНОВСКИЙ — Пекинская духовная миссия
3. Б. ЗАХОДЕР — Православная миссия в Урмии.
4. В. ЛЕТУНОВ-ЕФРЕМОВ — Философский идеализм и проблема материи.
5. Н. РУМЯНЦЕВ — Масляница.
6. С. РЕЙНАК — Апостолы у людоедов.
7. Г. КРАМЕР — Еретики.

Религия—дурман для народа.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ-СБОРНИК
НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

„АТЕИСТ“
ЕГО ОТДЕЛЫ:

1) **Религиозно-исторический и культурно-исторический**—статьи по вопросам истории религии и культуры как в нашем, т.е. материалистическом, освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный фактический материал, исследователей, особенно иностранных, поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

2) **Церковь и государство.** Отдел посвящен разоблачению контр-революционной и шантажной деятельности церковников какого бы то ни было культа.

3) **История атеизма.**

4) **Хроника антирелигиозного движения у нас и за рубежом.**

5) **Библиографический**— сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и ее критики, выходящих у нас и за рубежом.

Редакционный Совет: *И. Вороницын, Е. Грекулов, проф. В. Т. Дитякин, проф. С. А. Каменев, проф. Н. П. Каменьщиков, проф. С. Г. Лозинский, проф. В. К. Никольский, Н. Румянцев, И. Шпицберг* (отв. редактор).

ПОДПИСКА С ПЕРЕСЫЛКОЙ ПО ПОЧТЕ:

На 1930 год на 12 месяцев	7 р. — к.
„ 6 „	4 „ — „
Отдельный номер	— 75 „
Журнал „АТЕИСТ“ за 1925—26 г.г. распродан.	
Комплект журнала за 1927 г. (№№ 15—22)	5 „ — „
„ 1928 г. (№№ 23—35)	7 „ — „
„ 1929 г. (№№ 36—48)	7 „ — „

Москва, 1. Гранатный пер., дом 1.

Издательство „АТЕИСТ“. Тел. 4-53-12.

Борис Кандидов.

Транспорт заграничной религиозной литературы в РСФСР в годы гражданской войны.

Для характеристики разносторонней деятельности церковников и сектантов в годы гражданской войны следует указать на их многочисленные попытки транспортировать в РСФСР различные виды религиозного дурмана путем пересылки через границы легально и нелегально религиозной литературы.

Самый факт Октябрьской революции показал церковникам и сектантам, что религиозная обработка трудящихся в нашей стране поставлена, очевидно, не достаточно хорошо. Они решают: лучше поздно чем никогда. Работа в этом направлении началась еще с 1918 года. В годы гражданской войны, несмотря на блокаду, несмотря на огненное кольцо белогвардейских фронтов, подобную литературу старались транспортировать в РСФСР всевозможным путями, вплоть до посылок через контрабандистов и шпионов. Но особенно широко развернулась эта работа по „христианизации“ трудящихся страны советов после того, как Красная армия сбросила в море врангелевские банды.

„В Швейцарии,—сообщал толстовский журнал,—в г. Берне, с 1919 г. существует русское книгоиздательство—„Жизнь и Книга“, цель которого печатать книги для ввоза в Россию. В виду того, что в России книжное дело за последние годы сильно пало из-за отсутствия бумаги, книгоиздательство „Жизнь и Книга“ поставило себе задачей печатать книги в возможно большем количестве (как мы слышали, не менее 100 тысяч экземпляров каждого издания) и по самой низкой цене, а затем, при восстановлении путей сообщения, доставлять их в Россию.. Нам пришлось видеть уже несколько выпущенных книг. Это—изящные томики небольшого формата, страниц в 200—300, отпечатанные на прекрасной бумаге, в переплетах ценой от 1 до 2 франков“. *) Далее говорилось, что образцы подобных изданий уже имеются в Советских республиках. Содержание одной из таких книг, названной „Молитва и ее значение“, Г. Э. Фосдика было вкратце сообщено на страницах упомянутого журнала. Здесь,—сообщали толстовцы,—„высказывалась вера в страшный суд“ (должно

*) Журнал „Истинная свобода“, № 1 за 1919 г.

быть, над коммунистами! Б. К.), „оправдываются война и государственное насилие“ (очевидно поход империалистов против Советских республик, интервенция) и т. п.

В самом деле, любопытно, что иностранный капитал, посылая белогвардейцам танки, аэропланы, пушки, снаряды, патроны и т. п., и т. п., в то же время считал необходимым посылать в пределы Советских республик литературу с призывами „молиться“ и с оправданием угнетения и грабительских войн. Эту литературу толстовцы приветствовали. Отзыв на эту книгу заканчивался словами, что материал дает „лучшее благо, которое только доступно людям“. Ясно, что, если бы трудящиеся Советских республик сменили винтовки на кадила, тогда от этого для империалистов и белогвардейцев, несомненно, получилось бы „высшее благо“, так как молящихся рабов оседлать очень не трудно.

После сообщения такой радостной весты, как транспорт подобной „духовной пищи“, толстовцы поместили стихи Булгакова:

„ ... Ризы господней касаюсь духовным крылом,
К светлой хотел бы припасть побледневшей щекою
И, успокоившись, боже, безмолвным рабом
В сладком блаженстве остаться навеки с тобою...“

Призывы к „безмолвному рабству“, конечно, вполне соответствовали радостным сообщениям о транспорте религиозного дурмана в Советские республики.

Какие широкие планы строили заграничные религиозные организации насчет возможности привести население нашей страны „в веру христианскую“,—можно видеть по тексту следующего воззвания, опубликованного в июне 1918 г. в американской прессе:

„...Мы должны спешить нести евангельское благовестие в Россию, так как важнейшая нужда русского народа—понять и осуществить в своей жизни спасательную силу евангелия.

Никогда еще со времен самого начала христианства не становилась доступной для евангельских благовестников такая огромная масса родной нам белой расы. После ужасов этой самой ужасной из всех войн по окровавленным полям нашей земли должны пойти один за другим вестники „божьего мира“. В евангелизации нуждаются не только сто миллионов великороссов, но и 7 миллионов евреев, 20 миллионов поляков, 30 миллионов малороссов или украинцев, миллионы магометан (татары, курды, киргизы и пр.), армян, румын и греков и сверх того—болгары, сербы, черногорцы, кроаты, словаки и другие, родственные им, славянские племена.

Времени терять нельзя. Ведь дверь в России открылась не только для благовестия о живом боге, но и для пропаганды атеизма и материализма, которая приняла уже громадные размеры. Религия быстро теряет свое влияние над сердцем народа, и в непродолжительном времени массы простосердечных религиозных русских могут быть вовлечены в полное неверие. Деятельность многих лиц, стоявших у кормила правления России, возымела уже свое погубное влияние. Теперь миллионы народа находятся в ожидании. Они хотят чего-либо другого, нового. Что же это будет? Атеизм или евангелие? Если евангелие, то благодаря условиям, существующим сейчас в

Европе, Америка должна взять на себя главную ответственность в том, чтоб пойти на встречу этой нужде, иначе эта величайшая миссионерская возможность, которая когда-либо открывалась, превратится в полную неудачу.

В высшей степени необходимо немедленно напечатать и пустить в обращение, по меньшей мере, миллион русских библий, три миллиона евангелий и достаточное количество лучшей русской евангельской литературы. Затем, должно подготовить для работы в России благовестников, книгонош и других христианских работников.

Для того, чтобы этот план евангелизации России мог быть осуществлен, мы должны немедленно позаботиться о распространении евангельского благовестия среди русских и других славян в нашей собственной стране и Канаде. После того, как они обратятся к господу и получат здесь соответствующее духовное воспитание, они могут вернуться на свою родину полезными работниками для нее. Объединенная молитва всех детей божиих повсюду должна возноситься к богу за этот, столь долгое время находившийся в пренебрежении, народ.

Мы чувствуем, что пришло время, когда необходимо созвать конференцию евангельских работников и сочувствующих делу евангелизации для молитвы за это дело и обсуждения его. Все обстоятельства складываются господом в этом направлении. Согласно этому, мы нижеподписавшиеся, приглашаем всех, чье сердце затронуту духом божьим, собраться на первую всеобщую конференцию за евангелизацию России, имеющую быть от 24-го по 28 июня в г. Чикаго, в Табернакле Муди.

Из руководящих проповедников на конференции между прочим присутствуют: д-р Диксон, пресвитер Табернакля Сперджена в Лондоне и лорд Родеток, сын известного Родетока, который 40 лет тому назад проповедывал евангелие в Петрограде.

Христианские служители и все друзья, кто не может прибыть на конференцию, но кто желал бы иметь некоторое участие в ее работе, призываются устраивать на местах специальные молитвенные собрания во время недели конференции, а в день 23-го июня посвятить беседу о миссионерском деле*. *)

Планы, как видим, составлялись весьма грандиозные, и при этом провозглашалось, „что мы должны спешить“. Так широко разгорались аппетиты этого религиозного похода, что мракобесы сочли нужным готовить сети для всех национальностей Советских республик: для великороссов, украинцев, татар, курдов, киргизов, армян и т. д. и т. д.

Оказывается, „времени терять нельзя“, так как экономическое раскрепощение сопровождается „опасностью“ пропаганды атеизма и материализма. Беда велика, так как раскрепощенные духовно рабами уже не будут. Оказывается, что именно Америка должна в виду такого положения начать усиленную работу. При этом подготовка предполагалась самая широкая: миллионы библий и евангелий, целые кадры агитаторов и книгонош „должно подготовить для работы в России“.

*) Было перепечатано в журнале „Гость“, № 8 за 1918 г.

Тут же предлагается конкретное разрешение проблемы о том, откуда взять кадры проповедников, хорошо знающих русский язык. Характерно, что организаторами этого начинания „за евангелизацию России“ являлись такие лица, как лорд Родетек.

К сожалению, у нас нет сведений о работе этой конференции, состоявшейся в городе Чикаго, городе американских „свинных королей“.

Основное назначение литературы, которую транспортировали в Советскую Республику, как можно видеть по имеющимся у нас образцам, заключалось в том, чтобы парализовать революционную активность трудящихся нашей страны, внушить им мысль, что не в этой реальной жизни, а, дескать, на небесах надо строить свое благополучие и, в то же время, поскольку капиталисты тогда надеялись победить Советскую власть, эта „духовная пища“ на разные лады пропагандировала смирение и терпеливое примирение с тяготами жизни. Значит, если бы вернулась власть прежних хозяев жизни, то тогда идеи и понятия, выросшие на подобном „литературном базисе“, могли бы быть опорой для угнетателей.

Чем раб смирнее, тем лучше рабовладельцу. Эксплоататоры всех стран прекрасно знают, что религиозный яд—лучшее средство массовой отравы. Вот почему они и стремились организовать массовую пересылку литературы с проповедью христианских рабских добродетелей в страну Революции.

Видное место в этой литературе отводилось мифу о христе. Фантастического христа, этот многовековой пример для угнетенных рабов всех стран, и здесь считали нужным преподносить трудящимся Советской Республики, как образ, которому надо служить и исполнять его заповеди. Поэтому мы видим, что например, „Общество для распространения библии и христианской литературы“, посылавшее в Советскую республику большое количество религиозных листков, на первой странице журнала „Слова мира и спасения“ поместило следующие слова: „Путеводитель к христу для всех“. Эта же организация издавала также „Вестник любви и истины“ и много всяких других листков и брошюр.

На примере листков и журналов этого издательства мы считаем полезным остановиться для характеристики классового содержания „духовной пищи“, посылаемой в Советские республики. Эти издания особенно любопытны были тем, что тут мы не встретим ни одного слова призывающего к открытой борьбе с Советской властью, к ее ниспровержению. Конечно, церковники и сектанты посылали к нам также и листки ярко антисоветского содержания, но тут подобных призывов встречать не приходится. В этом факте сказалась осторожность организаторов литературного транспорта, прекрасно понимавших, что бывают положения, когда гораздо выгоднее действовать осторожно, исподтишка, дипломатически.

Посмотрим несколько образцов, чтобы на фактах иметь право прийти к определенным выводам. Большое количество статей и стихов тут посвящено темам о необходимости мира (конечно, классового!) и любви, (конечно, к врагам!). Этот мир противопоставлялся революционной борьбе и тут же проповедывалась рабья мораль.

Вот, например, в номере 6 за 1920 г. была напечатана статья „Мир сердца“.

„Как часто случается,—говорилось в этой статье,—что в скорбные времена человек рассыпается в жалобах и ропоте против действий божиих, доходя даже до ядовитых слов и враждебных действий... Может ли благоволение божие почивать на подобных противленцах, которые более или менее презирали его заповеди, которые так исказили образ божий в человеке, которые носят сей наряд с грехом, миром и деянием сатаны? И может ли божия любовь и милость, его мир быть с теми, которые в открытом восстании склонны если бы это было возможно, его самого свергнуть с престола? Никогда!

Разнузданность, распушенность нашего времени, это неповиновение всякому божественному авторитету, проявляется среди молодежи уже в опасных формах. Какая одичалость, особенно в городах, где среди огромной массы столь многие апостолы неверия и неповиновения проповедуют высоко опасную свободу... Эти явления причиняют благоразумным государственным деятелям и всем истинным друзьям народа мучительнейшие заботы. Где этому исход? Какие плоды вырастут от этого посева? Должны ли революции поглотить всех и все? Здесь все безвозвратно подвергнется пагубе, если не вернуться к авторитету божью, к слову вседержителя, которого покинули.

Поэтому, мой друг, я имею все основания тебя просить, убедительно увещевать тебя: Прийди к Иисусу, дай ему спасти тебя, ему, князю мира! Порви с жаждою денег, с себялюбием, жаждой наслаждения и удовольствий! Спасайся от обвала на спасительной скале, на кресте Иисуса!...

Таким образом приходит сердце к настоящему миру, к которому приглашает Иисус, говоря: „Приидите ко мне, все трудящиеся и обремененные, и я успокою вас“. Это относится к потерянному грешнику. И когда, следуя этому призыву, достигают покоя совести, то господь продолжает далее: „возьмите иго мое на себя, и научитесь от меня; ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго мое благо и бремя мое легко“.

О чем же свидетельствует вся эта несколько длинная цитата? Оказывается, трудящимся не нужно роптать и доходить до враждебных действий. Сколько бы их не угнетали,—будьте терпеливы.

„На противленцах“ то есть, на тех, кто не желает примириться с господствующими в капиталистическом обществе порядками не может быть „благословения божьего“, так как они, видите ли, в себе „исказили образ божий“, нарушили рабские заповеди повиновения, смирения, терпения и любви к своим угнетателям.

Великое зло в том, что „среди огромной массы столь многие апостолы неверия и неповиновения проповедуют высоко-опасную свободу“. Конечно, было бы лучше, если бы трудящиеся оставались рабами. Беда в том, что революции могут „поглотить всех и все!“ И в этом случае „все безвозвратно подвергнется пагубе“. Какой же выход советуют святые отцы? Единственный выход в том, чтобы трудящиеся „пришли к Иисусу“, и по его призыву кроткой и смиренной овцы—несли бы хомут свой.

Возьмем другой листок—№ 7. Помещенная здесь статья „Как стать счастливыми“, разбирает различные примеры из жизни: страдание узника, богача, бедняка и т. д. Вывод, опять таки, таков: „все суета“, не нужно стремиться к улучшению своего положения и нужно лишь обратиться к Иисусу христу. Вот он—подлинный спаситель капиталистического общества.

Заключительные слова № 5 были таковы: „... Спешите же в раскрытые объятия спасителя-Иисуса, сына божия. Лишь там вы укрыты, спасены, спасены навеки!“. Статья „Вы заблуждаетесь ценою ваших душ“ в номере 4-м заканчивалась следующим призывом: „...Так по-же и вы еще сегодня в объятия Иисуса и не ходите дальше по своим собственным мыслям навстречу вечности; да, не заблуждайтесь ценою твоей бессмертной души!“

В этом последнем приглашении „не ходите по собственным мыслям“ ярко подчеркнута всегдашнее желание эксплуататоров, чтобы эксплуатируемые думали так, как советуют им капиталисты и попы. А вот если нарушить этот совет,—будет беда, их душу возьмет дьявол, так кстати помогающий господу капиталу установить нарушенное равновесие капиталистического мира, где мир являлся залогом беспечального паразитизма одних немногих и беспощадного угнетения миллионов.

Наряду с призывами „ко христу“ в этих листках помещались угрозы безбожникам. „То здесь, то там,—заявлял листок № 14,—подымает господь свою карающую руку и тотчас наказывает ругателя и явного безбожника“. Тут же приводились два примера, когда безбожники за насмешки над религией немедленно умирали.

Довольно часто в этом издании проводилась мысль, что страдания и муки людям приходится переносить „для своего спасения“. Листок № 2, описывая такое положение в статье „Тяжкое горе постигло меня для моего блага“, давал такие советы:

„... Многие ропщут на эти бедствия и ссорятся по этому поводу с богом, вместо того чтобы смириться пред его могущественной рукою и, таким образом, приобрести предназначенное им благоволение к их исцелению. Все же верный господь не устаёт, продолжая встречать людей с любовью, милостью и великою премудростью и обратить его к их благословению.

Поэтому, дорогой читатель, если посетили лично тебя или дом твой несчастья, нужда, болезнь, смерть или какая-нибудь мука, то не ропщи и не враждуй с богом, но познай, что бог ищет твоего исцеления. „Он имеет намерение ко благу, а не ко злу“, „Бог не желает смерти грешника, но что бы он обратился и жил“. Через страдания господь хочет склонить тебя остановиться и выслушать его милостивое слово: „Кого я люблю, тех обличаю и наказываю“. „Итак, будьте ревностны и покайтесь“. „Он стоит у двери и стучит“.

Философия эта была в общем, конечно, не новой. Чем хуже трудящимся, тем, дескать, им лучше. Чем больше на вашу долю обрушится всяких лишений, тем вы приятнее должны себя чувствовать, так как все от бога, даже рабство, разорение, шестнадцатичасовой рабочий день и все ужасы капиталистического строя.

Если мы возьмем другие образцы подобной литературы, то тут тоже можно было бы указать проповедь рабьей морали, обещание нечестных журавлей и т. п.

В дополнение ко всему этому для укрепления веры в неизбежность эксплуататорской власти и для ободрения „обиженных“ революцией печатались указания, что, дескать, в коммунистах находится дьявол и обещалась „победа господ“, то-есть, пришествие господ-капитала.

В журнале „Вестник любви и истины“ (№ 3 за 1920 г.) говорилось, что „в наши дни сомнений, переворотов и великих мировых потрясений чрезвычайное и особое значение“ имеет голос божий. О чем же он говорит? А вот о чем: оказывается „власти тьмы“ действуют ныне в сынах противления (Ефес. 2,2), отчего должны страдать и праведники. „Праведники“—это, очевидно, пострадавшие от революции. „Враги издеваются над верующими,—читаем дальше,—хотят их устранить и кричат им: „летите как птица к вашей горе!“ Все естественные опоры праведника, основания порядка и безопасности для их жизни и собственности колеблются... К этим относятся также и троны царей и жезлы судей земли, которые от бога, и высоких начальств, которые являются „слугами божьими“, праведниками „к добру“ и „отомстителями и наказанию делающему злое“ (Римл.13,4).

Неправда ли откровенно. Цари от бога и они же „отомстители“ за праведников. Все это по правилу одобрено и подкреплено текстами. Заключительные слова были таковы: „Прежде чем нечестивые достигнут своего высшего пункта... господь придет“*). Как раз с богом и христом шли белогвардейцы, английские, американские, французские и многих других стран империалисты.

На последней странице этого журнала было напечатано следующее объявление:

К СВЕДЕНИЮ!

Дорогим читателям „Вестника любви и истины“ мы желаем порекомендовать каждый номер ежесюжника сохранять в чистоте.

Мы намерены, по истечении некоторого времени, прислать художественно исполненные переплеты с заглавием, за умеренную плату. Таким образом, нашим читателям предоставится возможность мало-по-малу овладеть благодатным сборником христианского писания.

Адреса на посылаемых нам письмах должны быть написаны ясно, отчетливо на немецком, но не на русском языке. Для удобства прилагаем к № 1-ому готовый конверт. Если в употреблении его нет сейчас нужды, то мы просим тщательно сохранить этот конверт на случай позднейшей потребности. Письма сами могут быть написаны также по русски, причем письма, написанные без ясного указания имени, фамилии, также и адреса отправителя, оставляются без ответа.

Одновременно возлагаем на сердца верующих братьев, получающих наш ежесюжник, чрезвычайно важное широкое распространение его среди детей божьих в России.

*) „Вестник любви и истины“, № 3 за 1920 г. Стр. 43—44.

Все письма, как и заказы принимает „Общество распространения Библии и христианской литературы“.

Подобного рода произведения шли из Германии, Франции, Англии и других капиталистических стран, но больше всего об этом заботились капиталисты, попы и сектанты Северо-Американских Соединенных Штатов. Весь этот опиум распространялся, главным образом, через сектантские организации: баптистов, евангельских христиан и тому подобных братьев во христе. Работали сообща, так как делали общее дело одурманивания рабочих и крестьян Советских республик.

Любопытно, что в ряде примеров транспорт литературы из-за границы получал поддержку даже там, где, казалось бы, подобных тенденций быть не должно. Пример — Ленинградское отделение „Христианской науки“, являвшейся агентурой американского капитала в СССР. Стоит заметить, что „Христианская наука“ — одна из капиталистических шарлатанских организаций С.-А. Соед. Штатов. И в тех случаях, когда легально им не удавалось получить разрешение на соответствующий транспорт, им помогала... Академия Наук. Содружество интересное, — что и говорить.

Яркую характеристику работы американского капитала в те дни дал П. А. Красиков в „Рабочей Москве“. „Американские миллиардеры, — писал он, — а за ними (и не без субсидий с их стороны) контрреволюция всего мира поставила себе целью „всерьез и надолго“ повести христианско-миссионерскую, в духе Библии и Евангелия и всяческого непротивленчества, работу на всем пространстве нашей „варварской“ республики, столь непочтительно поступившей со всеми правящими классами, царями, князьями, помещиками, монахами, архиереями, патриархами и митрополитами.

И вот принялись за работу со всех границ сразу, находя сильную поддержку и тесную духовную и материальную связь с уже имеющимися внутри нашей республики миссионерами, в виде т. н. благовестников, евангелистов, баптистов, толстовцев и всякого рода и толка непротивленцев и ханжей, всех сознательных своих агентов, союзников и помощников на пути контр-революции, а также и тех, что, по темноте своей, не ведают еще, что творят. Прежде всего наши военнопленные за границей подверглись, по возможности, тщательной миссионерской обработке. Как трогательно видеть усердную работу шпииков и агентов Антанты, потеющих над переводом и распространением среди наших воинов на русском языке бесчисленных книг, листовок, брошюр, где на каждой строчке фигурирует любовь, милосердие, христос, во человецех благоволение, „покаяния отверзи мне двери“, страшный суд, трубы архангелов, знамения экстренного пришествия царя небесного для суда над грешниками (конечно, над коммунистами, атеистами и отобравшими помещичью и церковную землю крестьянами)...

Предприятие по евангелизации и крещению Руси поставлено по капиталистически солидно. Через все границы, а, вероятно, и попросту контрабандно, стремится проникнуть в республику эта „литература“, с помощью которой (и с помощью соответствующего пропагандистского аппарата) американские и европейские бандиты намерены охристианизировать, как каких-нибудь готтентотов, русских

крестьян (больше всего, конечно, расчет на крестьянство). Русская белогвардейская эмиграция радостно приветствует благое начинание ловких янки. Она и сама по себе мобилизовала все контр-рев. силы русской церкви, объявив крестовый поход против Советской России для восстановления царя, но на украденные ими и увезенные ризы с икон и церковные драгоценности, захваченные при бегстве за границу и скудные субсидии французского капитала много не сделаешь, — поэтому помощь Рокфеллеров, Вильсонов и т. п. миллионеров-евангелистов в высшей степени кстати... *).

Полезно вспомнить, что врангелевские попы тоже вступали в контакт с заграничными религиозными организациями о посылке „духовного подкрепления“. Так, например, в „исходящем журнале“ врангелевского „Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России“ под № 1252 от 17-го (30) октября 1920 г. упомянуто письмо, посланное Барку с просьбой войти в соглашение с библейским обществом об отправке 200.000 — 300.000 экземпляров нового завета в кредит. Барк — бывший царский министр финансов.

Вот, действительно, хорошее соединение: врангелевские попы, царские министры, капиталистическая религиозная организация и 300 000 евангелий.

Белогвардейский журнал „Пробуждение“, вышедший в Гельсингфорсе, поместил в 1922 году следующие сообщения: „Г-н Палеолог, бывш. французский посол в Петрограде, проповедывал о спасительном перевороте в России под влиянием христианского миссионерства“... „Для библии и духовной литературы ворота в Россию открыты разрешением, полученным председателем Всероссийского Союза Евангельских Христиан С. Прохоровым, на ввоз в Россию этой дивной пищи для русской души. Заграница спешит с помощью: идут вагоны, готовятся поезда такого ценного для России груза... Русские евангельские проповедники из Америки в Россию, из страны наибольшего скопления русских, едут...“ **).

Как видим, программу, которая была намечена американскими капиталистами, церковниками и сектантами еще в 1918 году, — эту программу стали реализовывать. Не приходится возражать, что этот груз для белогвардейцев и для всех врагов Советской власти был, безусловно, ценным. Ведь при помощи этого груза можно было надеяться легально и без опасения ГПУ вести массовую контр-революционную пропаганду в Советской России.

И теперь в капиталистических странах существует целый ряд организаций, издающих литературу специально для пересылки в СССР. По статистике Центрального Антирелигиозного Музея, количество подобных издательств исчисляется десятками.

Так же, как и прежде, в годы нашей суровой борьбы, эта литература имеет одно назначение: разложить революционное сознание трудящихся нашей страны, дать им ложное представление о мире и обществе, внушить им правила рабьей морали, превратить их из борцов и строителей нового общества в марионеток и рабов.

*) № 95 за 1922 г. Статья „И мытьем, и катаньем“.

**) Цитирую по вышеупомянутой статье П. А. Красикова.

Пекинская духовная миссия.

(Из деятельности царской России в Китае).

Миссионеры были первым мощным орудием проникновения иностранного капитала на Восток. Закабаление ряда полуколониальных и колониальных стран империализмом произошло благодаря услуг миссионеров. Первым шел миссионер, за ним солдат, потом купец. Превратив ряд стран в колонии и полукolonии, международный капитал поддерживает свое господство разными способами. Среди них по-прежнему миссионеры играют первостепенное значение. Недаром Соединенные Штаты только в одном Китае вложили в свои миссионерские предприятия около 200 миллионов рублей, недаром американский империализм содержит в Китае штат в 6000 миссионеров. В одном Китае более 10.000 миссионеров!

Официальная деятельность миссионеров очень скромна, но, если бы вскрыть тайную переписку миссионеров со своими правительствами, мы смогли бы узнать ряд новых обстоятельств в борьбе империализма с китайской революцией. Мы бы узнали, что десятитысячная армия миссионеров не сидит сложа руки: она добросовестно служит своему хозяину-империализму и китайской реакции.

Октябрьская революция позволила нам заглянуть за кулисы русской духовной миссии в Пекине. Изученные нами подлинные материалы дают возможность судить о той действительной роли, которую выполняла духовная миссия в Китае в течение двух веков. Материалы эти особенно интересны тем, что они впервые дают возможность приподнять завесу и заглянуть за кулисы работы миссионеров на Востоке; деятельность русской духовной миссии не является чем либо исключительной; она схожа с деятельностью многих других миссионерских организаций в Китае в настоящее время.

Что касается русской духовной миссии в Пекине, то она с момента Октябрьской революции превратилась в базу для борьбы с советской властью на Дальнем Востоке. Хорват, Семенов, Калмыков и другие столпы белогвардейщины на Д. В. использовали духовную миссию. Располагая значительными средствами, сохранившимися в иностранных банках, миссия финансировала авантюры белогвардейцев. Не останавливаясь на деятельности миссии с момента ее возникновения (что мы сделаем в специальной работе), мы ограничиваем очерк деятельностью миссии за период 1800—1870 гг., который является характерным для деятельности миссии за все время ее существования.

Нами изучен архив Пекинской духовной миссии, хранящийся в Москве, при чем сюда вошли не только донесения нач. миссии, но и вся

переписка миссии, ее труды и проч. дела, находящиеся в Архиве внешней политики и относящиеся к периоду 1800—1870 г.г. Кроме того использованы «всепопданнейшие доклады», донесения русских посланников в Китае (Путятина, Игнатьева и др.).

* * *

Основание русской духовной миссии в Пекине следует отнести к 1885 г., когда в Пекине впервые появился русский монах Максим, взятый в плен вместе с группой русских казаков-албазинцев на Амуре. Эта группа пленных в составе 45 чел. была доставлена вместе с монахом в Пекин и принята на военную службу. Китайское правительство причислило казаков к военному сословию—стало выдавать им содержание и пользовалось ими в качестве драгоманов при приходе в Пекин русских караванов.

Мысль о использовании миссионеров в качестве проводников русского влияния в Китае впервые появилась у Петра I, которым 18 июня 1700 г. был издан указ о создании специальной миссии в Пекине, «чтобы хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести к святому делу». Указ Петра был осуществлен в 1715 г., когда в Пекин прибыла первая русская духовная миссия под начальством арх. Иллариона. Члены миссии считались на китайской правительственной службе, получая от правительства Китая средства для деятельности миссии, помещение и проч. Этот порядок существовал вплоть до 1858 г. За это миссия была обязана производить переводы всей переписки, которую вело маньчжурское правительство с Россией.

Все прежние буржуазные исследователи миссии говорили только о религиозной и научной деятельности миссии. Они тщательно скрывали политическую роль миссии.

Так, исследователь миссии—иеромонах Николай, написавший двухтомный труд—«История Пекинской духовной миссии» (Казань, 1887 г.), утверждает, что «в глазах китайцев миссия наша не имела политического характера» (стр. 11). «Бескорыстно благодетельствуя своим папосым, она ограничивалась одною задачею: учила их послушанию православной церкви и повиновению местным властям» (13 стр.).

Профессор Мартенс в работе—«Россия и Китай» (СПБ, 1881 г.) также считает, что деятельность русской миссии носила чисто религиозный, а не политический характер: «Характеристическая черта, отличающая во всех отношениях Пекинскую православную миссию от других духовных миссий и от всех религиозных конгрегаций, основавшихся в Китае, есть самое тщательное соблюдение со стороны миссии автономии китайского правительства... Миссия никогда не старалась вызывать неудовольствия или злоупотреблять своим нравственным влиянием» (стр. 47).

«Имея ближайшею своею задачею пастырский надзор за потомством албазинцев, наша миссия всегда держалась указанных ей границ нравственно-религиозной сферы, не вела пропаганды, не вмешивалась в политику, не интриговала при дворе богдыхана, не увлекалась и меркантильными целями» (Иеромонах Николай, стр. 12).

Утверждения иеромонаха Николая, Мартенса, Виноградова и других буржуазных историков Пекинской духовной миссии об аполитич-

ности миссии ни в какой мере не соответствуют действительности. Октябрьская революция дала нам возможность заглянуть за кулисы миссионерской деятельности в Китае. Архивные материалы самой миссии показывают, что вся ее деятельность с момента возникновения носила почти исключительно политический характер. Даже иеромонах Николай случайно проговаривается: «Через связи с членами Пекинского трибунала (прежнее название китайского министерства иностранных дел. М. В.) наши миссионеры во-время узнавали о предметах более или менее важных для сношений России с Китаем и заблаговременно могли предвять обо всем российское правительство» (Иеромонах Николай, 11 стр.).

Таким образом, иеромонах Николай впадает в противоречие со своим основным утверждением об аполитичности Пекинской миссии. Фактически до 1863 г. миссия на всем протяжении своей истории играла главным образом политическую роль, будучи в ведении не Синода, а царского министерства иностранных дел. Поэтому деятельность миссии неразрывно связана со всей агрессивной политикой русского торгового капитала в Китае в XVIII и XIX в.в. Ограничивая свой очерк периодом 1800—70 г.г. мы полагаем, что вскрытие подлинной деятельности миссии является характерным не только для указанного периода, но и для всей деятельности миссии за все время ее существования.

* * *

В изучаемый нами период миссия находилась в ведении МИД, в лице его азиатского департамента. Все назначения, вся жизнь и деятельность миссии находились под руководством МИД. Синод имел ничтожное отношение к миссии, деятельность которой в период 1800—63 г.г. носила, главным образом, политический, а не религиозный характер. Все предписания, назначения и перемещения производились МИД, которое только доводило до сведения Синода о своих мероприятиях. Все донесения поступали от начальника миссии непосредственно в МИД. Только после назначения постоянного дипломатического представителя в Пекин, с 1863 года, миссия постепенно перестает играть политическую роль, хотя русские посланники и после этого продолжали пользоваться связями миссии в целях дипломатических.

Состав миссии обычно сменялся раз в десять лет. «Лицо, назначаемое в начальники пекинской миссии, кроме других, нужных для сего условий, должно знать китайский язык и быть знакомым с образом действий китайского правительства; потому обыкновенно выбирается из бывших или настоящих духовных членов миссии» («Верноподданнейшие донесения за 1856 г.» «О новой Пекинской миссии» 25. VIII. 1856 г.). Начальник миссии, «если он точно исполнит возложенные на него обязанности и оправдает ожидание правительства, по возвращении в отечество» производился в епископы и получал ежегодно пенсию в 2.000 р. («Высочайше утвержденная 12 марта 1840 г. инструкция начальнику Пекинской миссии»); иеромонахи производились по возвращении в архимандриты с выдачей ежегодной пенсии в 650 рублей.

Все члены миссии после своего возвращения из Китая оставались в ведении министерства иностранных дел. В состав миссии обычно включались врач и художник. «К поддержанию же и упрочению нуж-

ных для нас в Пекине связей могут быть полезными орудиями: лекарь миссии и художник. Через труды их миссия может оказывать разные услуги и одолжения китайским сановникам и другим лицам, расположение коих может быть для нас важно и полезно. Лекарь может особенно принести пользу своим искусством и поддержанием того доверия, которое приобретено нашими врачами в Пекине».

Дабы не дискредитировать себя в глазах китайцев и не потерять связей с нужными людьми, МИД предписывало быть врачу крайне осторожным: «для сего он должен в лечении китайцев поступать с особенной осторожностью и, так сказать, с внутренним убеждением в успехе своего дела во избежание каких либо нареканий и даже неприятных последствий для самой миссии» (Совершенно секретная инструкция Палладию. «Инструкция Пекинской духовной миссии» 1849 г.). Поэтому МИД указывало: «Принимая в уважение особые цели его, (т. е. художника М. В.) посылки, состоящие в оказании услуг нужным для нас в Пекине лицам и в поддержании там полезных для миссии связей, от художника по этой причине не будет требоваться никаких ученых занятий» («Всепоподданнейшие донесения за 1856 г.». «Выписка из высочайше утвержденного 7 февраля 1848 г. доклада»).

Были в миссии и военные специалисты. В 1858 г. в состав миссии были включены два офицера: артиллерист и пехотинец. Министр иностранных дел К. Горчаков, ходатайствуя перед Александром II, писал: «При вновь назначенной Пекинской духовной миссии по прежним примерам будут находиться два казачьих офицера и 40 казаков; в числе последних и под видом их или вместо казачьих офицеров могут удобно быть назначены люди, сведующие по артиллерийской и инженерной части, и при первом случае пристав миссии может предложить услуги этих офицеров для китайского правительства. В виду известных требований с нашей стороны по Амурскому вопросу МИД изыскивает все средства, чтобы чем нибудь вознаградить уступку, которую желает получить в этом случае от китайского правительства» (Всепоподданнейшие доклады за 1856 г.). Александр II согласился с предложением Горчакова, и офицеры были посланы.

Перед отъездом в Китай начальник миссии получал подробную секретную письменную инструкцию МИД, которая обычно утверждалась царем. Задачи миссии, по мысли МИД, были самые различные. В общем они схожи с теми задачами, которые обычно выполняются дипломатическими представительствами. Миссия должна была, прежде всего, собирать информацию политического, военного, торгового, научного и пр. характера. Одному из предшественников Палладия, архимандриту Вениамину, азиатский департамент поручал сбор, главным образом, сведений торгового характера. «Нельзя ли увеличить число привозных предметов к нам из Китая, открыть новые пункты торговли и пр. При исполнении всех вышеописанных поручений вести дело с надлежащей осторожностью», говорилось в инструкции («Пересылка денег» 1830 г.).

В связи с планом захвата Амура МИД уделяло сугубое внимание этому вопросу. Поэтому в инструкции оно поручало Вениамину «обратить на вышеизложенный предмет все внимание: собрать под рукою точные сведения о течении реки Амура, о глубине оной, о свойстве берегов и населенности по оным». МИД приказывало Вениамину даже войти в переговоры о плавании русских судов по Амуру.

«Министерство, полагаясь на ваше благоразумие и усердие к пользам отечества, предоставляет вам **сокровенными путями** и личными вашими сношениями обеспечить возможности успеха... Само собою разумеется, что настоящее поручение вы должны **хранить в строгой тайне**» (Инструкция МИД, утв. 6/2—1830 г.).

Палладию МИД поручало исключительно политические задачи. Вот что писал ему генерал губернатор Восточной Сибири, Муравьев:

«Генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками, в оной расположенными. По части генерального штаба. Марта 23 дня 1854 г. № 45 г. Иркутск.

«Начальнику Пекинской духовной миссии, высокопреподобному отцу Палладию.

Государь, великий князь, наследник, цесаревич, препровождая ко мне, при рескрипте своем от 1 февраля сего года, высочайше утвержденную государем императором инструкцию для руководства моего в действиях и сношениях с правительством китайской империи, вместе с тем соизволил сообщить мне для надлежащего руководства и исполнения, что государь император высочайше повелел:

1. Предписать ныне же от министерства иностранных дел Пекинской духовной миссии, чтобы доставляла мне все сведения, какие я от нее требовать буду, и какие она, по положению своему в Пекине, согласно указаниям моим, в возможности будет приобретать.

2. О предоставляемых мне, на основании инструкции, сношениях с китайским правительством, уведомить ныне же, по установленному порядку, трибунал внешних сношений, листом от имени правительствующего сената.

В самой же инструкции, между прочим, для надлежащего моего руководства, повелено мне вскрывать получаемые из китайского трибунала листы, адресованные в правительствующий сенат, а из министерства иностранных дел сообщать мне копии с тех листов, которые из министерства будут отправляемы в китайский трибунал.

Поспешая с таковой высочайшей волей уведомить ваше высокопреподобие, я отправляю вместе с сим в китайский трибунал вышеозначенный лист, от имени нашего сената, и признаю необходимым сообщить с моей стороны для вашего руководства, что **в настоящих обстоятельствах вам совершенно необходимо принять в Пекине положение политическое**. Вы, без сомнения, изыщите лучшие средства, чтобы этого достигнуть, с моей же стороны я предоставляю вам, где сочтете нужным, перед китайскими властями, ссылаться на полученные от меня приказания.

Кроме того, не излишним считаю присовокупить, что кяхтинский градоначальник, по приказанию моему, спрашивает ургинских правителей о дозволении отправить в трибунал важные от меня депеши, с особым моим чиновником прямо из Кяхты в Пекин. Если по этому предмету ургинские правители будут спрашивать трибунал, то я покорнейше прошу вас оказать содействие скорейшему разрешению сего, сообщив, кому признаете нужным, что предполагаемое мною отправление

чиновника с депешами в Пекин имеет целью обоюдной пользы государств наших и послужит только к вящему сближению дружеских наших отношений.

На подлинном написано:

Генерал-лейтенант .Муравьев.
Управляющий частью генерального штаба
подполковник Заборинский».

Политическая деятельность миссии протекала в условиях строгой конспирации, при чем эти условия работы были так совершенны, что китайское правительство догадалось о подлинной деятельности миссии только после захвата Амура. Оно обнаружило, что в Пекине находится центр русского шпионажа в Китае. Миссия ухитрилась пересылать свои секретные донесения через... трибунал внешних сношений.

Секретная часть донесений обычно зашифровывалась (для этого миссия имела несколько шифров) и вписывалась особыми симпатическими чернилами между строками невинного текста. Например, шел текст описания озера Балхаша, а между строками секретное донесение, написанное симпатическими чернилами. В Петербурге чернила проявлялись и донесение расшифровывалось.

В инструкции Палладию МИД предлагало:

«Секретно.

Начальнику Российской императорской духовной миссии,
Архимандриту Палладию.

№ 1546. 25 мая 1849 г.

В дополнение к предписанию от сего числа за № 1845 азиатский департамент не излишним считает присовокупить, что для секретных бумаг входящих, как и исходящих, следует завести особые секретные журналы (один для входящих, другой для исходящих бумаг). В оные вы сами уже будете вносить как секретные бумаги, отсюда поступающие, так и ваши секретные донесения.

Еще нужным считается сообщить к вашему наблюдению, что для секретной переписки с азиатским департаментом вам надлежит употребить те же предосторожности, какие были предписаны начальнику прежней миссии, с выставлением на ваших бумагах известных условных знаков, каковые будут находиться и на наших секретных (тех, которые будут также писаны симпатическими чернилами). Об этом найдете подробное наставление в предписании департамента архимандриту Поликарпу от 8 апреля 1840 г. № 50. Вы примите также от архимандрита Поликарпа шифр, оставленный ему в 1841 году бывшим приставом миссии. О получении сего шифра донесете департаменту с возвращающейся миссиею.

Директор—(подпись)».

Принимая на себя столь важные политические поручения, Палладий заверял МИД в своей преданности:

«В Азиатский департамент

Архимандрита Палладия

Донесение.

Спешу уведомить департамент, что я имел честь получить от г. пристава миссии секретную инструкцию министерства (от 3 мая сего года. № 1450) для руководства моего в Пекине. **Выражая глубочайшую признательность министерству за лестное доверие его ко мне, я пользуюсь случаем повторить перед департаментом уверение в моей неизменной готовности к исполнению возложенных на меня поручений; в настоящее время, при неизвестности будущего, я могу, однако ж, сказать, что с моей стороны не будет недостатка ни в усердии, ни в старании пользоваться всеми случаями, чтобы оправдать ожидания моего начальства.**

Вместе с тем получено мною предписание департамента от 25 мая сего года № 1846 с наставлениями относительно 1. входящего и исходящего журналов для секретных бумаг; 2. условного шифра; все эти наставления департамента будут приняты мною в самое строгое внимание и руководство.

Архимандрит Палладий.

7 июля 1849 г.

Кяхта».

И он оправдал возложенные на него поручения. Царское правительство получало от Палладия исчерпывающую информацию о внутреннем положении Китая, разложении маньчжурской феодальной аристократии и ходе тайпинского движения. Хорошая осведомленность дала возможность России максимально использовать тайпинское движение в своих агрессивных целях. За свое усердие Палладий был награжден рядом знаков отличий. Царское правительство понимало, что в лице миссии оно имело мощное орудие своего проникновения в Китай.

Одновременно все члены миссии по приезде в Пекин давали клятвенное обещание, образцом которого может служить обещание Храповицкого:

«Клятвенное обещание.

Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим богом, пред святым его евангелием в том, что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссийскому и его императорского величества всероссийского престола наследнику, его императорскому высочеству, государю цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, а все к высокому его императорского величества самодер-

завству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостеречь и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

О ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тшаться, и **всякую вверенную тайность крепко хранить буду**, и поверенный и положенный на мне чин как по сей (генеральной, так и по особливой) определенной и от времени до времени его императорского величества именем от предуставленных мною начальников, определяемым инструкциям и регламентам и указам надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы, вражды, противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному его императорского величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне господь бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятве целую слова и крест спасителя моего. Аминь.

По сему клятвенному обещанию, на чин титулярного советника, присягал член пекинской духовной миссии, магистр,

Михаил Храповицкий. 14 апреля 1850 г.

К присяге приводил член П. Д. миссии—иеромонах Евлампий».

Миссия выполняла поручения, которые на нее возлагало русское правительство, разными путями.

Для подкупа высших чиновников МИД передавало миссии специально «подарочные суммы и вещи». Еще в 1830 г. азиатский департамент указывал Вениамину, по поводу домогательств на Амур: «Если необходимость потребует подкрепить ваши ходатайства подарками, то вам разрешается употребить на сей конец некоторую часть серебра... но всемерно ограждайтесь от расходов тщетных» («Пересылка денег» 1830 г. Инструкция Вениамину Морачеву).

В инструкции Палладию азиатский департамент указывал: «Миссия должна поддерживать добрые связи с трибуналом и с другими полезными для нас лицами, что во многом облегчит ее действия и устранит для нее неприятности. На поддержание таковых полезных связей и знакомств в Пекине отпущены миссии в достаточном количестве разные вещи, а также имеется особая, по штату положенная, подарочная сумма» («Инструкция пекинской духовной миссии». 1849 г.).

В архиве внешней политики, в Москве, мы просмотрели ряд специальных книг, в которых занесены, так называемые, «подарочные суммы», выданные миссией различным чиновникам за услуги, оказанные миссии в разное время. Первое время Палладий свою информацию черпал путем личных связей с некоторыми высокопоставленными чиновниками, но главным образом путем кропотливой работы над китайскими легальными источниками («Пекинская газета» и пр.). Особенно жаловался Палладий на плохую информацию первое время:

«Политические связи миссии с Трибуналом теперь слабее, чем некогда, и потому для меня недостает одного источника достоверных и

нужных сведений; действительно, много значит характер пристава русского подворья. Нынешний блюститель наш не отличается общительностью и я жду с нетерпением, когда господь возьмет его от нас» (Дон. 31 мая 1851 г.).

Но через несколько лет Палладию удалось установить связь и с трибуналом. Он стал аккуратно осведомлять свое правительство о делах не только легальных, но совершенно секретных, касавшихся политики китайского правительства в русских делах. Его информация о тактике маньчжурского правительства в амурском вопросе, несомненно, представляла значительную военно-политическую важность, поскольку Муравьев, будучи ориентирован в планах пекинского правительства, мог свободно действовать. Наконец, его информация о дислокации войск в Маньчжурии, вооружении и прочие военные сведения были ценными для русского правительства во время захвата края.

Гораздо больший талант в шпионском деле проявил Гурий. «Где есть китайские писцы (шу-бань), там можно купить всякую бумагу», писал Гурий в своем донесении МИД, от 12 ноября 1860 г. И он ее покупал. «Живя в Пекине, Николай Павлович (Игнатъев, возглавлявший дипломатич. миссию России в Китае 1859—60 г.г. Б. М.) из разных палат (даже из тяньцзинского ямыня) имел бумаги, какие ему хотелось» (то же донесение). Что у Гурия это дело было поставлено на широкую ногу, видно из следующего отрывка его письма к директору азиатского департамента—Ковалевскому:

«Выписка из книги для записи подарочной суммы и вещей посылается для того, чтобы вы видели, кому и что именно подарено. Вы увидите, что чиновникам Шень и Го сделаны подарки за услуги подворью, но не объяснено, за какие именно. Через них мы получали известия, что делается в Государственном совете по нашим делам, и другие, известные вам из бумаг генерала Игнатъева. Понятно, что эти люди стоят большего. В действительности им и дано больше, но я показал только то, что было выдано из вверенных мне вещей.

Монгольским чиновникам давались подарки по мысли ген. Игнатъева. Ему жаль было расходовать привезенные с собою вещи: для монголов они были слишком хороши. А оставшиеся в распоряжении миссии и не заслуживают другого употребления» («Миссионерство в Китае», письмо Гурия на имя Ковалевского, директора азиатского департамента МИД, от 2 февраля 1860 г.).

Таким образом, во время пребывания в Китае Игнатъев получал нужную ему информацию из китайских высших правительственных учреждений через Пекинскую духовную миссию.

Гурий широко развернул организацию военной разведки. В донесении 26 ноября 1858 г. он сообщал в Петербург: «Я посылал верного мне человека в Тяньцзинь собственно для закупки образцов европейских товаров нового привоза. Кстати поручил ему осмотреть и возведенные укрепления, лагерь, батареи, обратить внимание на дух народа и войска, прислушаться к его говору и проч.»

На основании добытых шпионом сведений Гурий сообщал о дислокации китайских войск в районе Тяньцзина:

«В Тунчжоу за восточными воротами разбиты 4 лагеря. Лагери окружены стеною, сбитою из глины; в центре стены для крепости вбиты брусья, обернутые воловьей кожей. Стены выше человеческого роста. В каждом лагере по одной большой пушке, прежней отливки. Кругом же, на расстоянии 2—3 аршин, поставлены пушки меньшего калибра. Лагери друг от друга в расстоянии полуверсты и имеют подземное между собою сообщение. Лагери представляют собою фигуру параллелограмма, длинная сторона коего около полуверсты.

В Тунчжоу, в ю.-в. углу города, устроен большой литейный завод. Теперь пушки отливаются весом в 12/т. гинов (более 400 пудов) каждая. Ими вооружат все батареи на взморье. Отлито уже 6; медь хранится за городом в особом магазине, под присмотром стражи».

Гурий применял подкуп не только для добычи тех или иных секретных сведений. После отъезда из Пекина Игнатьева он вступил на путь широкого подкупа чиновников маньчжурского правительства, отправлявшихся на север для определения новых границ между Россией и Китаем.

Для того, чтобы обеспечить наиболее выгодное для России проведение границы, Гурий вступил на путь подкупа. Секретарь комиссии по определению границы перед отъездом из Пекина «просил у меня карты Уссурийского края с подробным обозначением тех мест, по которым нам хотелось бы провести пограничную линию... Хой пожаловался на недостаточность своих сведений. Я обещал помочь ему в сборах в дорогу и к новому китайскому году пошлю ему, между прочим, рублей двести денег. Полагаю, что при содействии этого человека комиссия сделает свое дело без больших недоразумений» (Донесение Гурия 9 января 1861 г.).

В следующем донесении Гурий уже сообщал о выполнении своего намерения: «при отправлении уссурийской комиссии я дал 10 фунтов серебра одному из членов ее, обязав его действовать в наших видах» (Донесение 29 марта 1861 г.). Азиатский департамент, само собою, одобрил действия Гурия, которому Ковалевский писал: «Я имел честь получить ваше письмо касательно подарков чиновникам уссурийской экспедиции. Я долгом считаю уведомить вас, что МИД со своей стороны считает необходимым награждать таких лиц, которые оказали нам значительные услуги (Предписание директора азиатского департамента Ковалевского Гурию от 25 ноября 1861 г.).

Следующий документ показывает, с каким навыком действовал Гурий в этих тонких делах, мало внешне имеющих отношение к церкви: «Завтра придет, по крайней мере обещает, что придет ко мне, сын Гуй-яна. **Хочу поторговаться: за сколько продадут караванную торговлю?** Напишу и об этом курьезном обстоятельстве. Прежде, через людей, он прозил 1000 лан и брался обделать дело. Но это было опасно. Лично объясниться вернее. **Мы даже напишем контракт—на всякий случай.**

Поздравляю вас с наступающим днем светлого Христова Воскресения» (Донесение Гурия МИД'у 1 апреля 1861 г.).

Таковы были дела святых отцов православной церкви в Китае.

Посмотрим теперь, каковы были люди.

Для этой цели мы несколько подробнее остановимся на архимандрите Гурии, бывшем начальнике духовной миссии с 1839 по 1864 г.

Гурий (Карпов) был членом пекинской миссии в период 1840—50 г.г., после возвращения в Россию состоял ректором Александровского духовного училища, в Петербурге. 25 августа 1855 г. назначен начальником духовной миссии в Пекине, куда прибыл только в сентябре 1858 года.

Гурий оказал весьма ценную услугу МИД'у. Во время похода англо-франц. союзных войск на Пекин он тайно осведомлял Игнатьева о положении в столице и делал попытку склонить манчжурское правительство на арбитраж со стороны России. Он добросовестно передавал пекинскому правительству сведения о дислокации союзных войск, добываясь тем самым доверия со стороны манчжур. Он принял активное участие в заключении пекинского договора. Через него Игнатьев получал информацию из трибунала внешних сношений, подкупал нужных людей и проч.

Вот какой отзыв о Гурии и Пекинской духовной миссии мы находим у Баллюэка, назначенного в 1861 г. посланником в Пекине. Вскоре после своего прибытия в столицу Баллюэк писал Игнатьеву (донесение 4-го июля 1861 г.):

«Николай Павлович, я остаюсь при своем убеждении, что Гурий—каналия, извините за выражение, но я другого слова не нахожу. Подворье произвело на меня грустное впечатление. Что за грязь была на дворе и везде. Зашел я в выстроенный нами погреб: нашел его набитым всякой дрянью; спросил, где вино, оставленное Вами; говорят: извините, половина выпита: давали обеды французам и англичанам. Представителю России просто стыдно жить в подворье, где у ворот к кумирне казенный привратник завел торг опием».

Далее Баллюэк рассказывает о том, что Гурий был замешан в спекуляции недвижимым имуществом (во время финансового кризиса в Пекине, вызванного тайпинским движением, можно было приобретать недвижимое имущество по низким ценам. Особенно низки были цены на имущество во время подхода тайпин к столице; члены миссии пользовались кризисом для спекулятивных целей. М. Б.). Наконец, у Баллюэка терпение было исчерпано и он с горячностью заключал свое письмо: «Боже мой, что это за народ, невольно спросишь себя; для чего они здесь? Верят то они все ни в бога, ни в черта, а думают только о брюхе и о кармане» (То же самое письмо).

Итак, пьянство, грязь, воровство, спекуляция, шпионаж,—вот чем занималась миссия, прикрывавшаяся именем Христа.

Гурий всячески пытался играть в большую политику; он прилагал усилия к тому, чтобы дипломатические сношения с Китаем шли через него. «Архимандрит Гурий, кажется, очень жалеет о том, что назначили полномочного в Китай, а не поручили ему вести все дела наши» (Донесения рус. посл. Баллюэка 4 июля 1861 г.). Пытаясь играть роль дипломатического представителя, Гурий выступал, как мы уже указывали, инициатором самого решительного русского вмешательства в китайские дела.

Но особенно характерными для Гурия являются следующие два документа. В них сказано подлинное лицо авантюриста, верного слу-

ги своего класса. Какой ненавистью к китайскому народу проникнуты его письма. Призывая МИД к решительному вмешательству в связи с задержкой выполнения китайским правительством некоторых статей пекинского договора, Гурий писал:

«Принудительные меры были бы самые действительные. **Китайцы убеждаются только пулями и бомбами.** Всякое требование (даже прихоть) англичан или французов немедленно исполняется, потому что они, как говорится, показали китайцам **зубы.** Нам очень не мешало бы сделать что нибудь в этом роде. Двухсотлетняя дружба китайская уж так известна, что никуда не годится» (Дон. Гурья Ковалевскому 13-VI—1861 г.).

«Ваше превосходительство, — писал он неделей позднее, — умоляю вас именем божним, — вступитесь за честь русского имени. Доколе эти мошенники—маньчжуры, прикрываясь дружбою, будут издеваться над нами... **Если хотите, чтобы трактат ваш свято исполнялся и вас лично уважали, как следует, то побейте китайцев, да побольнее: чем больше вы побьете их, тем они искренней будут уважать вас. Три года я проповедую эту неутешительную вещь.**» (Дон. Гурья Игнатьеву 22 июня 1861 г.).

* * *

В период 1850—64 г.г. Китай был объят пламенем Великой крестьянской революции. В продолжении 14 лет почти все южные и центральные провинции Китая находились в руках тайпин (название повстанцев). Слово—тайпин происходит от Тай-пин-тянь-го—«Государства Небесного Спокойствия».

Несомненно, если бы не было иностранной интервенции, тайпины смогли бы нанести решительный удар маньчжурской феодальной аристократии и овладеть всей страной. Иностранный капитал (английский, русский и французский) жестоко расправился с китайскими крестьянами. Тайпинская революция была потоплена в море крови. При разгроме тайпин были уничтожены сотни тысяч крестьян Китая.

Теперь мы имеем возможность документально проследить участие русских и других иностранных миссионеров в организации подавления китайской крестьянской революции. В частности, русская духовная миссия в Пекине проявила активную роль в организации помощи китайской контрреволюции.

Участие миссионеров в подавлении революционных движений в Китае не ново. В истории Китая известен, например, случай, имевший место за два века до тайпинского движения. Прибывший в Китай в 1659 г. иезуитский миссионер Вербист сказал важную услугу императору Канси в подавлении народного мятежа. Вербист отлил пушки, из которых стреляли в народ. (См. об этом у акад. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», изд. Ленингр. И-та Востоковедения, 1925 г. 97 стр.).

Юк, написавший труд о христианстве в Китае, рассказывает, что Вербист отлил для подавления восстания 300 пушек; когда пушки были сделаны, Вербист их освятил и каждой из пушек дал название святой.

Во время тайпинского движения интервентам оказывали помощь не только русские миссионеры. Известный английский миссионер Ро-

берте, первоначально относившийся лояльно к тайпинам, в период интервенции находился среди тайпин, занимаясь собиранием военных сведений, которые он передавал англо-французскому военному командованию. Робертс всячески одобрял кровавую расправу с китайскими крестьянами. Вот что доносил в Петербург русский посланник в Пекине Л. Баллюэз 15 января 1863 г.:

«Брюс (английский посланник. М. Б.) сообщил мне, что миссионер Робертс опять находится в Сучжоу (близ Шанхая. М. Б.) в среде тайпинов и писал оттуда, что экспедиции европейцев против мятежников произвели очень хорошее впечатление на них, внушив им уважение к европейскому оружию, и что инсургенты не покушатся преступать границу того района, который европейские войска намерены защищать» (Дело № 20).

Известный синолог Палладий, возглавлявший Пекинскую духовную миссию в момент тайпинского движения, был ярким сторонником решительной расправы с китайскими крестьянами, восставшими против угнетения помещиков, торгового капитала и иностранцев. Вскоре после начала тайпинской революции (она началась в 1850 г. в юго-западной провинции Китая—Гуанси), он запрашивал министерство иностранных дел о том, какую помощь могло бы оказать русское правительство в подавлении крестьянского бунта: «До какой степени наше правительство находит полезным деятельное участие в судьбе маньчжуров и будут ли приняты скорые и решительные меры, если потребуется от Китая какое либо согласие?» (Донесение 21 августа 1854 г.). Палладию было важно получить согласие русского правительства на оказание помощи маньчжурам для того, чтобы использовать поддержку в подавлении тайпинской революции в целях скорейшего получения согласия Китая на захват Россией Амура.

Несколько позднее он писал министерству иностранных дел: «Незавидна была бы моя роль, если бы стал я распространяться перед вами о наших поднебесных интересах и внутренних тревожениях Китая; они скучны и однообразны и грозят усыпить скукою Старый и Новый свет, если какая нибудь добродетельная держава не вступится в наши распри и властною рукою не положит конец бесконечному междоусобию» (Донесение Палладия от 31 августа 1856 г.).

Изыскивая пути к спасению маньчжурской династии, Палладий мечтал о том, чтобы посадить на китайский престол родственника маньчжурского императорского дома, близко стоявшего к Палладию. Он передает в донесении 5-ХII—1854 г. о беседе с видным маньчжурским сановником Цзи-Си, с которым Палладий вел переговоры о подавлении тайпинского движения. «Цзи Си, писал Палладий, имеет в сердце своем надежду воссесть на престол богдыхана следующим образом: по его мнению, настоящей династии никак не уцелеть... Легко может случиться, что инсургенты со временем овладеют столицей и истребят маньчжурский дом; тогда **Цзи Си спасется бегством в Россию** и, когда на политической сцене не будет близкого родственника павшему дому, он, как правнук Цян Луна, **будет законным претендентом на китайский престол и взойдет на него под покровительством России**».

Участие Палладия в подготовке государственного переворота не было единственным вмешательством русских миссионеров во внутренние дела Китая. Преемник Палладия, нач. миссии Гурий вел подготовку свержения антииностранный партии и перехода власти к руссофильским элементам (см. об этом письмо Гурия в МИД 1-ХII—60 г., стр. 8).

Два года спустя Палладий пишет министерству иностранных дел о том, что Россия могла бы помочь в подавлении тайпинского восстания путем посылки русских военных судов в Нанкин (Нанкин являлся столицей тайпинов) и путем реорганизации маньчжурской армии.

Царское правительство согласилось с предложением Палладия об участии России в подавлении китайской крестьянской революции. Русское правительство полагало своим участием в интервенции получить ряд уступок от маньчжурского правительства (добиться оформления захвата Амура, получить льготы русской торговле и проч.). Поэтому специально посланному в Китай для переговоров генералу Путятину разрешалось дать обещание о помощи маньчжурскому правительству. В 1858 г. Путятин подписал в Тяньцзине договор с пекинским правительством, которое признавало за Россией права на Амур. Прежде, чем подписать этот договор и согласиться на захват Россией Амура, маньчжурское правительство обязывало Россию доставить 10.000 ружей и 50 орудий для подавления тайпинского мятежа. В переговорах принимал активное участие Палладий, который описал подробно эти переговоры в дневнике, опубликованном министерством иностранных дел в 1912 г.

Обещанное Россией оружие было доставлено в 1861 г.

Выступая организатором китайской контрреволюции, русская духовная миссия была готова оказать помощь врагам китайских крестьян самыми различными путями. В момент тяжелого финансового кризиса маньчжурского правительства и общего экономического кризиса на севере Китая, новый начальник духовной миссии, архимандрит Гурий, выступает в роли «спасителя» маньчжур. Во время голода в Пекине Гурий входит в сношения с шанхайскими фирмами о поставке в Пекин двух миллионов мешков риса для столицы. Вот текст письма, с которым обратился Гурий к английской фирме Руссель в Шанхае:

«В начале текущего месяца русская миссия извещала почтенный Дом Руссель и Ко. о том, что китайское правительство имеет в виду обычное снабжение столицы рисом на следующий год произвести по подряду через какой либо иностранный торговый дом. В настоящее время Богдыхан уже дал указ на имя Цзен Го-фаня чтобы он озаботился производством сказанной операции. Извещая об этом почтенный Дом, миссия—по желанию первых сановников столицы—просит прислать в Пекин в русское подворье категорический ответ на следующие вопросы:

1. Может ли почтенный Дом доставить в Тяньцзин крупы 2 млн. мешков?
2. Чего будет стоить мешок крупы с доставкой в Тяньцзин и особо без доставки, со складом на месте, в Шанхае?
3. Каким образом произвести уплату, т. е. нужно ли будет уплатить следующее за доставленную крупу тотчас же и все сполна или можно выплатить по частям в условленные сроки?
4. Нельзя ли будет произвести уплату по частям из сборов какой либо (например, кантонской) таможни и на каких условиях?

Если почтенный Дом по вниманию к крайнему положению обобранного китайского правительства нашел бы возможным сделать некоторые облегчения или понижением цены, или отсрочкой уплаты, то можно было бы надеяться, что снабжение столицы рисом останется на попечении почтенного Дома и не на один год.

Подлинное подписал Архимандрит Гурий.

20 ноября 1860 г. Пекин».

Прежде, чем русское оружие было доставлено в Пекин, миссия приняла меры к тому, чтобы предотвратить помощь маньчжурам со стороны других держав, дабы тем самым не нарушить преобладающего влияния России. Медлительность с оказанием русской военной поддержки маньчжурскому правительству заставила последнее вступить на путь переговоров о помощи со стороны других держав. 24-го декабря 1860 г. Гурий доносил азиатскому департаменту о том, что «китайцы обратились к французам с просьбой о помощи против инсургентов». Получив об этом сведения от сотрудников французской дипломатической миссии в Пекине, Гурий принял меры к тому, чтобы маньчжурское правительство отвергло помощь других держав, ограничившись одним русским участием в подавлении тайпинского восстания. В письме на имя маньчжурского правительства Гурий сообщал (обращение Гурия к Гун Цин-вану—регенту малолетнего императора 30 ноября 1860 г.):

«В присутствии сановников (при этом находился и начальник миссии) было рассуждаемо о средствах к усмирению бунта на юге Китая. Князь и сановники желали помощи от России и просили генерала Игнатьева (возглавлявшего в 1859—60 г.г. русскую дипломатическую миссию в Китае, подписавшего так наз. Пекинский договор в 1860 г.) ходатайствовать об этом перед великим князем нашим, государем императором. Генерал Игнатьев согласился употребить свое ходатайство в пользу дайцинской империи, и все единодушно положили ждать известия от генерала Игнатьева и затем приступить или к совещаниям о подробностях, или к приисканию других мер.

К удивлению моему, на днях я слышал, что князь вступил в переговоры с посланниками союзных держав и просил их помощи против мятежников, что с французским посланником дело это будто бы уже порешено. Если это правда и князь с сановниками изменили свое намерение, то почему бы не сообщить о том мне по условию с генералом Игнатьевым. Боюсь, не вышло бы каких важных недоразумений, которые ни в коем случае не будут полезны китайскому правительству. Благоволите, князь, приказать известить меня о ваших намерениях, дабы я с моей стороны мог уведомить, кого следует, что наша помощь вам уже не нужна, и тем остановить ненужные траты и хлопоты, и вместе просить доложить государю нашему императору, что китайское правительство сумело найти себе друзей и помощников более надежных и более к нему расположенных, нежели Россия. Полагаю, что великий государь наш, император, узнает об этом без удовольствия. Если князь пожелает лично на словах объявить мне свой ответ, то пусть назначит место, день и час, где я мог бы выслушать оною.

Подпись—арх. Гурий».

И вот Гурий отправляется к членам маньчжурского правительства и пытается в длинной беседе с последними убедить их в том, что только одна Россия должна помочь маньчжурам расправиться с тайпинами, что маньчжуры должны отвергнуть предложения других держав о помощи.

В подробном донесении 24 декабря 1860 г. Гурий сообщал о своем посещении принца Вэн Сяна. Мы не в состоянии привести этого документа полностью, так как оно заняло бы слишком много места. В этой беседе члены китайского правительства опровергали всякие слухи об обращении за помощью к другим державам. «Ты не беспокойся, говорил Вэн Сян Гурию, старых друзей мы никогда не променяем на новых». «Затем я обратил внимание присутствовавших на их бумагу, посланную 15 ноября к генералу Игнатьеву об **оружии**, сказав, что предложение их послать солдат в Кяхту, чтобы там учиться стрелять, для них мало полезно. (По инициативе духовной миссии, в Кяхте в 1861 г. была открыта школа для обучения маньчжурских солдат. В качестве инструкторов были русские офицеры. Вследствие давления Англии, опасавшейся участия России в реорганизации маньчжурской армии, школа была скоро закрыта. М. Б.). Для китайского правительства недостаточно того, чтобы иметь хороших стрелков: при этом необходимы и хорошие мастера, которые могли починить ружье, даже сделать новое. Хорошо было бы, прибавил я, послать в Россию нескольких человек на наши заводы, посмотреть и поучиться, как это дело делается. Князь совершенно согласился со мной, но прибавил весьма наивно: ты рассуждаешь очень мудро. Нам дадут ружей. По твоему, этого мало; надо просить еще того да другого. Да где у нас совесть то...

Я напомнул, что в прошлом (1859 г.) министерство писало в государственный совет (китайский), что **пушки** сухим путем доставить пельзя по их чрезмерной тяжести, что они будут доставлены морем, в один из китайских портов по указанию государственного совета. Князь на это отвечал вопросом: в какой же доставить порт? Везде англичане; пожалуй, еще вообразят, что это против них. При этом он сказал: да на что нам большие пушки: если их трудно возить по суше, то где же и употреблять их? На юге Китая (тайпинское движение происходило главным образом в южном Китае. М. Б.) гор тоже не мало, да и дороги там узкие и места есть топкие. **Нельзя ли дать нам пушек поменьше? Как далеко берут ваши пушки небольшого калибра? Я отвечал, что версты на полторы—на две.** При этом все в один голос сказали: О! Этого очень достаточно!.. А употребите ли вы наших солдат?—вдруг спросил Вэн Сян. Я отвечал вопросом: почему же не употребить?—Да они ничего не знают.—Будут понемножку учиться. Ведь умеют же копать землю, поднять и принести чтонибудь. При том, **взявши какой либо город, чей же гарнизон оставить в нем, если не китайский? Наших солдат придет, вероятно, немного. Да и не за тем, чтобы сидеть по городам, сложа руки...**

Разговор длился два слишком часа. **Говорили о разработке рудников, о заведении монетного двора, на подобие существующих в России оружейных и других заводов.** Все, что говорил я, слушали со вниманием и приняли, как мне казалось, с удовольствием».

Гурий очень остался доволен посещением членов маньчжурского правительства. «Проводили меня все члены совета с большим почетом

и постоянно повторяли, что старых друзей на новых они не променяют, и чтобы я не верил никаким слухам... Для упрочения нашего влияния в Китае настоящее время самое благоприятное. Сами китайцы, видимо, желают этого в надежде, — **под нашим покровительством избавиться от гнета союзников и внутренней неурядицы.**

Опасаясь, что задержка с доставлением обещанного миссией оружия может привести к тому, что руководство подавлением тайпинского восстания перейдет к какой-либо другой державе, Гурий потребовал от министерства иностранных дел немедленной помощи маньчжурам. 1 декабря 1860 г. он писал министерству иностранных дел:

«Секретно. М. И. Д. В Азиатский Департамент. 1860 года. Декабря, 1 дня. № 96. Пекин.

Существование Дайцингского правительства в Китае день ото дня становится более невозможным. Инсurreкция довела его до истощения. а удар, нанесенный в последнее время европейцами, сразил его окончательно. Без денег, без войска, без управителей, без всякой надежды и мысли доживает оно свои последние минуты.

Если существование этой династии для чего нибудь нужно, то в видах упрочения нашего влияния в Китае, по моему мнению, **необходимо.**

1. **Усмирить бунт на юге и вообще брожение в Китае.** Нужно действовать, не дожидаясь повторения просьбы со стороны китайцев: когда сделается дело, все будут благодарить; но теперь никто не посмеет даже намекнуть богдыхану о необходимости сторонней помощи. Сам же богдыхан никогда о том не догадается. Дело это для европейских войск нетрудное. Но как его сделать, т. е. одна ли Россия или в совокупности с другими государствами усмирит бунт, мне не решать. Я хочу сказать только, что Россия в этом деле не должна быть последнею.

2. **Парализировать действие Сушуня и Чжен Вана.** Этого можно потребовать от богдыхана, как скоро дело усмирения бунта подвинется до половины. В случае несогласия на требование, должно будет делу дать другой оборот. Все в один голос говорят, что Гун Цип-ван был бы отличный государь. Ему можно будет поручить опеку над больным братом, под наблюдением особого совета из европейцев.

3. **Обучить войско стрельбе и вообще употреблению нарезного оружия.** В этом случае, по моему мнению, выгодно было бы не только солдат китайских до времени принять на наше жалование, но и на наши деньги открыть завод и мастерские для устройства и поправки оружия.—в Калгане или же где либо в другом месте. Разумеется, расходы эти все считать недоимкою на китайск. правительство, которую в установленный срок возвращать, или взамен денег выговорить какие либо оброчные статьи, напр. каменноугольные копи, рудники, ввоз и продажу соли и др. Обученное нами войско было бы наше.

4. **Дозволить китайскому правительству (если оно того попросит) через наших агентов сделать заем в 50 млн. р. сер. или приискать людей, которые бы вместо займа открыли в Пекине банк, пока миллионов в 15 основного капитала. Без серебра китайцы теперь и шагу сделать не могут. Они положительно обанкротились.**

Есть и другие потребности, удовлетворение которых тоже важно и необходимо, но может быть отложено до времени. Сказанные же 4 пункта должны быть выполнены в самом непродолжительном времени. В противном случае роль дайцинского правительства надо считать оконченною и речь о нашем влиянии в Китае принимать за риторическое украшение, за метафору—не более.

Архимандрит Гурий».

Гурий был сторонником самой широкой, самой активной русской интервенции. Он считал, что маньчжурское правительство окажется не в состоянии подавить тайпинское движение даже в том случае, если оно получит русские ружья и пушки.

«Я не верю в возрождение дайцинской империи своими средствами (писал он Е. П. Ковалевскому, начальнику азиатского департамента МИД, 29 марта 1861 г.) даже и с нашим оружием и с нашими инструкторами. У них, т. е. у китайцев, нет головы, или лучше мозгу в голове; а без этой ничтожной вещицы ничто не спорится, ничто не идет в прок, в пользу. Желая сделать китайцу добро, не нужно с ним советываться; понапрасный труд. Надо все обдумать самому, заставить сделать по своему, тогда, увидя пользу, китаец будет благодарен. Я полагал, что русское правительство, приняв маньчжур под свое покровительство, пошлет на их выручку тысяч десять штыков, усмирит на юге бунт, обучит маньчжурское войско, снабдит его хорошим оружием, устроит разные заводы, необходимые для содержания оружия в должном порядке—словом, поставит на ноги павшее правительство и тогда уже представит его своему благоразумию.

При этом условии еще позволено питать надежду на возрождение. Но теперь, по моему мнению, 10 т. ружей мало. Не спасут их 10 миллионов. И не в том только сила, что денег нет. Если бы ктонибудь прислал им десять миллионов рублей, то и тогда падение их неизбежно. С деньгами они, пожалуй, еще скорее исчезнут. «Глупому сыну не в помощь богатство», гласит наша пословица. Головы у них нет. Дайте им голову, подкрепите ее, поддержите ее, заставьте других почувствовать ее силу, тогда—все пойдет иначе. Прошу великодушно простить мне это разглаговльствование. Перед вами я не смею хитрить; говорю, что думаю, в чем глубоко убежден, и что по важности предмета считаю своим долгом довести до вашего сведения. Впрочем, обещанное оружие должно быть выдано. Это уже дело чести. России нет дела до того, что ее добром не умели воспользоваться. Россия только не должна думать, что, давая оружие, она спасет династию. Но обещание свое она должна исполнить во всяком случае».

22 июня 1861 г. по поводу отправления в Пекин русского посланника Гурий писал в МИД:

«Присылайте поскорее министра-резидента, но кроме денег снабдите его и материальною силою тысячи в две штыков. Китай живет накануне своего переворота. Если у вас есть здесь какие нибудь интересы, то должна быть и гарантия для них».

Таким образом, Гурий считал необходимым введение в Китай крупного русского отряда, который бы принял непосредственное участие в подавлении тайпинского движения. Характерно, что планы Гу-

рия, духовного лица, шли значительно дальше того, к чему стремилось русское правительство. По существу, русский торговый капитал в этот период не был в состоянии оказать широкой помощи китайской реакции.

«Начальник нашей духовной миссии, писал Игнатъев министерству иностранных дел по поводу планов Гурия, был и прежде постоянно того мнения, что мы должны оказать сильную и существенную пользу маньчжурской династии, вмешавшись не только в войну с инсургентами, но отчасти и в административные распоряжения правительства» (Записки Игнатъева 1861 г., записка 16 февраля 1861 г.). Игнатъев отвергал предложения Гурия о широкой поддержке маньчжурам по ряду причин. «Мы говорили об услуге, которую мы можем оказать единственно с целью расстроить происки западных европейских держав, но теперь нам нет никакой надобности быть так педрыми и даже навязчивыми, как отец Гурий» (Записки Игнатъева 16 февраля 1861 г.).

Поэтому план Гурия был министерством иностранных дел отвергнут. Вместе с тем настояния Гурия о помощи маньчжурам в борьбе с тайпинами ускорили доставку русского оружия в Китай, в передаче которого миссия принимала непосредственное участие. 1 февраля 1861 г. министерство иностранных дел обратилось к Гурию со следующей бумагой:

«Проект отношения Директора азиатского департамента начальнику духовной миссии в Пекине. На подлинной написано: Доложено государю императору Генваря 17 дня 1861 г. С.П.Б. № 415. Февраля, 1 дня, 1861 г.

Имею честь препроводить Вашему Высокопреподобию копии с трех листов министра иностранных дел в верховный совет, из них один касается отправления в Китай оружия и инструкторов по разным отраслям военного и горного искусства. Весьма важно было бы для нас, чтобы место обучения китайских войск, а также для устройства заводов было избрано китайским правительством в отдалении от морских берегов, а следовательно, и от столицы; всего лучше на северной границе Китая. Вы можете внушить китайским министрам, что в противном случае при первых, могущих возникнуть вновь, неприязненных действиях с европейскими державами,—заводы эти упадут под их власть. Вам многоуважаемый отец архимандрит, вполне известно, как неприятно было бы для нас подвергать офицеров наших всем случайностям подобного военного столкновения с европейскими державами.

Само собой разумеется, что все эти внушения Вами будут переданы с должной осторожностью, в виде личного Вашего мнения, не придавая ему никакой обязательной силы с нашей стороны».

Летом 1861 г. Россия доставила маньчжурскому правительству обещанное оружие. Таким образом, то, к чему стремились Палладий и Гурий, было частично осуществлено. Китайская контрреволюция благодаря усердию русских попов расправлялась с китайскими крестьянами и рабочими русскими пушками и ружьями.

* * *

Деятельность Пекинской духовной миссии была самым тесным образом связана с политикой русского торгового капитала в Китае. В руках последнего она являлась самым сильным оружием в его агрессивной политике в Китае. Особенно рельефно видна связь между миссией и торговым капиталом в середине XIX в., в период расцвета русского капитализма. К этому времени наблюдается по образному выражению М. Н. Покровского, «тяга на Восток» русских генералов (см. работу М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии»).

Экспедиция генерала Муравьева, захватившего Амур, совпадает по времени с экспедицией Перовского на Сыр-Дарье. Потерпев поражение на Ближнем Востоке, (турецкая кампания 1853—56 г.г.), Россия ищет путей, на которых можно было нанести удар Англии. Со стороны среднеазиатских владений Англия оказалась почти неуязвимой. Поэтому Россия усиливает внимание Дальнему Востоку. «Россия начинает подходить к китайскому вопросу с точки зрения своей борьбы с Англией. На спине китайского народа начинается разыгрываться борьба между капиталистической экспансией Англии и экспансией царизма» (Радек «История революционного движения в Китае»). Поэтому чрезвычайно интересно проследить роль русской духовной миссии в этот период проникновения русского торгового капитала в Китай, когда «царизм вел по отношению к Китаю просто разбойничью политику». Миссия оказывала всяческое содействие этой разбойничьей политике.

В пятидесятых годах пр. века Россия захватила Амур. В этом захвате Пекинская духовная миссия приняла активное участие. Мы уже отмечали, что еще в 1830 г. царское правительство поручало начальнику духовной миссии Вениамину, выяснить возможность плавания русских по Амуру. В 1850 г. царское правительство, обсуждая вопрос о захвате Амура, решило действовать в зависимости от информации из Пекинской духовной миссии. Миссия должна была поставить в известность о том моменте, когда можно было захватить край с наименьшим риском вызвать серьезный конфликт с Китаем. В связи с разрастанием тайпинского движения и ослаблением маньчжурской феодальной аристократии Палладий счел момент подходящим для военных действий России на Амуре.

Рассказывая о беседе с одним видным маньчжурским чиновником, близко стоявшим к миссии, Палладий сообщал в сентябре 1853 г.: «Из некоторых намеков Паха (в свое время видного маньчжурского чиновника) я довольно ясно понял, что если бы нам случилось вследствие какой либо невзгоды очутиться у границ Китая, то ворота этого государства широко бы отворились для нас». Получив это сообщение, царское правительство отправляет в 1854 г. экспедицию во главе с Муравьевым. Дабы обмануть маньчжурское правительство, Муравьев в специально посланной бумаге сообщил пекинскому правительству, что целью русской экспедиции было предупреждение захвата Амура Англией. Палладию была дана директива министерством иностранных дел всячески затушевать подлинную цель военной экспедиции на Амур. Палладий даже

использовал экспедицию в целях распространения слухов о том, что Россия намерена оказать помощь маньчжурам. «Здесь заговорили, что Россия решила оказать помощь маньчжурам», сообщает он Муравьеву 24 августа 1854 г.

Министерство иностранных дел поучало Палладия: «Отзываясь по прежнему неведением, Вы можете заверить миролюбивость нашего правительства по отношению к Китаю и что правительство наше не питает никакой враждебности к Китаю» (Предписание МИД Палладию 23 декабря 1854 г.).

Само собой Палладий полностью разделял агрессивную политику русского торгового капитала. 20 августа 1854 г. он писал: «Здесьнее правительство относительно наших сообщений по Амуру вынуждено будет покориться **справедливым требованиям России**».

Будучи в курсе положения китайского правительства, Палладий считал, что Китай не в силах оказать противодействие захвату Амура: «Пекинский кабинет, озабоченный внутренними событиями в Китае, принял по отношению к событиям внешним положение наблюдательное, совершенно в китайском духе» (Донесение 30 ноября 1854 г.).

Маньчжурское правительство, полагая, что духовная миссия занимается исключительно религиозными делами и не принимает участия в действиях Муравьева, рассчитывало на нейтральность миссии: «Верховный совет сделал запрос относительно взаимных расстояний некоторых пунктов нашей Сибирской границы, а начальник нашего отделения, не зная, как справиться с этим делом, обратился за решением вопросов... в миссию» (Доклад Палладия 5 сентября 1855 г.). Этот факт показывает, насколько было беспомощно маньчжурское правительство в обороне Амура.

Но миссия была далеко не нейтральной; в своих секретных донесениях Палладий по прежнему продолжал снабжать как Муравьева, так и министерство иностранных дел сведениями о той позиции, которую заняло пекинское правительство в амурском вопросе. В 1856 г. маньчжуры заподозрили миссию в шпионской деятельности. «Пограничные обстоятельства бросили некоторую тень на положение миссии в Пекине. Письменные сношения ее с отечеством, в другое время не подававшие повода к каким либо неблагоприятным для нас заключениям, теперь явно возбуждают в здешнем правительстве подозрения, весьма впрочем естественные, в том смысле, что она доставляет своему отечественному начальству сведения о положении внутренних дел в Китае, что может быть принято в соображение при ведении пограничных дел». (Донесение Палладия 4 декабря 1856 г.).

Однако пекинское правительство не смогло приостановить шпионажа миссии, которая стала только более осторожна в собирании информации и пересылке ее в Петербург и Иркутск.

В 1857 г. царское правительство командировало в Пекин ген. Путятина, которому было поручено добиться оформления захвата Амура. Путятин использовал духовную миссию в качестве своей политической агентуры в Пекине. Путятин предложил Палладию войти в переговоры с маньчжурским правительством, которому Россия обещала помочь в подавлении тайпинского движения и противодействовать притязаниям англо-французов в случае согласия Китая на захват Амура Россией.

Палладий принял энергичное участие в миссии Путятина. В своем донесении 23 мая 1858 г. он сообщает, что уверял маньчжурских чиновников в том, что при содействии Путятина Китаю удастся ограничить притязания иностранцев и спасти маньчжурскую династию. Старания Палладия увенчались успехом. В донесении 21 июня 1858 г. он сообщал, что «проект о проведении границ по Амуру и Сунгари утвержден богдыхановым величеством». Выехав в Тяньцзинь к Путятину, Палладий склоняет представителей пекинского правительства оформить захват края в виде специального договора, который и был подписан в Тяньцзине летом 1858 г.

Таким образом миссия оказала очень ценное содействие царскому правительству в его домогательствах в Китае. Миссия давала исчерпывающие сведения о положении маньчжурского правительства, снабжала Муравьева военными сведениями, вела переговоры с трибуналом внешних сношений и проч. Однако богдыхан отказался ратифицировать Тяньцзинский договор. Поэтому обеспокоенное царское правительство снова приняло меры к тому, чтобы поскорее безболезненно ликвидировать амурский вопрос. Для этой цели министерство иностранных дел вновь прибегло к помощи Пекинской духовной миссии. В 1859 г. МИД отправляет в Китай графа Игнатьева, которому царское правительство поручало в своих домогательствах держать тесный контакт с русскими миссионерами. Прибыв в Китай Игнатьев принял меры к обострению англо-китайских отношений.

Игнатьев писал своему правительству (3 ноября 1859 г.), что он сможет добиться ратификации Тяньцзинского договора только в случае, если «будет ждать в Пекине исхода войны с англо-французами и воспользуется поражением китайцев». Игнатьев для облегчения своих переговоров с маньчжурским правительством принял меры к тому, чтобы стать арбитром в англо-китайской войне. В свою дипломатическую игру Игнатьев вовлек и духовную миссию.

Перед началом военных действий между Англией и Китаем Игнатьев выехал из Пекина, передав начальнику духовной миссии, архимандриту Гурию, следующую инструкцию:

«С. секретно.

Высокопочтеннейший Отец Архимандрит!

Выезжая завтра из Пекина в Бейтан, вследствие инструкций министерства иностранных дел и для того, чтобы перейти на эскадру, ожидающую меня в Печелийском заливе и ближе следить за действиями англичан и французов, предпринявших военные действия против Китая, я не могу еще определить теперь, — покидаю ли я Пекин окончательно или возвращусь сюда летом, вместе с представителями других иностранных государств. Это будет зависеть от результатов Тяньцзинского разгрома и образа действий китайского правительства в отношении к России.

Несмотря на эту неизвестность, разлучаясь с вами, считаю долгом сказать вам несколько слов о предстоящих мне действиях и степени участия, которое вы можете принять в достижении общей нашей цели.

Министерство иностранных дел желало бы, чтобы мне удалось быть посредником между враждующими сторонами и чтобы мы содей-

ствовавали заключению трактата между Китаем, Англией и Францией, по возможности менее тягостного для Китая и не вредного для нас (Царское пр-во стремилось к этому потому, что боялось усиления англо-французского влияния в Китае. М. Б.). Политика Северо-Американских Соединенных Штатов согласуется с нашею и американскому уполномоченному приказано действовать за одно со мною.

Прямого участия в ходе наших переговоров вы в качестве начальника духовной нашей миссии иметь не можете, потому что для облегчения своего положения при настоящем политическом кризисе наша миссия должна сохранять в глазах китайцев и других иностранных государств свой исключительно духовный и учебный характер. Поддерживая убеждения, что миссия не имеет политического предназначения, вы можете, однако же, в разговорах своих с чиновниками трибунала внешних сношений и в различных частных случаях содействовать достижению нашей цели полезными внушениями и объяснениями.

Все действия мои и виды вполне известны вам из писанных мною бумаг китайскому правительству, из бывших совещаний, в которых вы принимали такое деятельное участие, а также из ежедневных бесед со мною. Повторять теперь не раз вами слышанное было бы бесполезно. Мы намерены по прежнему настаивать на сделанных нами первоначально китайскому правительству предложениях. Всего важнее для нас— скорейшее окончание пограничного вопроса. Для сего желательно, чтобы в дополнение Айгунского трактата (одновременно с Путятиным в Айгуне в 1858 г. ген. Муравьевым и представителями маньчжурского правительства был подписан договор о передаче Амура России. Договор известен, как «Айгунский» М. Б.) китайское правительство согласилось утвердить и разменять карты, на которых проведена точным образом граничная черта. Желательно было бы так же, чтобы китайское правительство поняло наконец ту выгоду, которую оно ожидать может от участия нашего или посредничества при предстоящих окончательных переговорах с ним уполномоченных Англии и Франции.

Мы могли бы значительно облегчить грозящую Китаю участь во время переговоров, которые решат будущие отношения Китайской империи к иностранным государствам, и нашими советами могли бы предупредить многие неблагоприятные и даже бедственные последствия настоящих недоразумений с европейцами. В случае приезда иностранных представителей в Пекин по заключению трактата присутствие мое здесь было бы также полезно для маньчжурского правительства. Если китайцы будут вас спрашивать: возвращусь ли я в Пекин,—отвечайте, что вам сие неизвестно, но что вы полагаете возвращение мое вероятным, так как кроме разграничения не решены еще окончательно многие другие вопросы и необходимо будет условиться относительно приведения в исполнение XII статьи Тяньцзинского трактата. Для пользы же Китая необходимо, чтобы во время присутствия в Пекине иностранных представителей был здесь русский уполномоченный, который мог бы следить за предприятиями европейцев.

Полагаю, что необходимо вам сблизиться, по возможности, с представителем нашего подворья и с некоторыми другими чиновниками и приобрести таким образом средства делать полезные для России внушения.

Кроме того покорнейше прошу вас иметь в виду нижеследующее:

1. Следить за всем, что будет относиться до России и до других держав и приобретать как можно более сведений вообще о положении тех дел, которые заслуживают наше внимание.

2. Объяснять китайцам, что Россия не желает, чтобы они подпали под влияние европейцев и вследствие давнишних дружественных отношений своих сохраняет в настоящее время, несмотря на предложения других держав и на то, что китайское правительство не удовлетворило справедливых наших требований,—совершенно нейтральное положение и не хочет воспользоваться настоящим стеснительным положением китайской империи.

3. Пользоваться всеми случаями для толкования китайцам в нашу пользу всего, что будет делаться в Тяньцзине, и для распространения благоприятных для нас сведений и слухов и т. п.

4. Посылать как можно чаще донесения в Петербург о положении здешних дел, поставляя о том в известность и генерал-губернатора Восточной Сибири. Всякий раз по получении от меня каких либо известий нужно будет немедленно отправить экстренную почту из Пекина.

5. Пользоваться всеми случаями для доставления мне как можно чаще известий и полезных сведений на эскадру, в Бейтан. В случаях особой важности желательно, чтобы китайское правительство дозволило вам прислать ко мне под предлогом доставления бумаг из России одного из членов миссии.

6. Ежели бы сверх всякого чаяния китайское правительство потребовало выезда миссии в Россию,—скажите, что вы не имеете права оставить с миссиею Пекин, не получив на то разрешения и распоряжения правительства нашего; что, во всяком случае вы обязаны известить меня о том. Ежели бы затем китайцы возобновили бы свое требование, что весьма сомнительно впрочем, то скажите им положительно, что вы не можете добровольно выехать, не получив от меня инструкции, и требуете, чтобы вам был пред'явлен, во всяком случае, указ богдыхана о выезде миссии.

Зная участие, с которым я буду следить о положении миссии, и пользу, которую вы можете принести правительству нашему своевременным доставлением мне верных сведений из Пекина, вы поймете,—с каким нетерпением я буду всякий раз ожидать от вас известий. Для сообщения мне сведений, подлежащих в тайне, или для пересылки известий частным путем у вас имеется особый шифр.

Мне остается выразить вам, почтеннейший о. Архимандрит, искреннюю признательность мою за усердное содействие ваше и деятельную помощь, которые вы мне оказывали во время моего пребывания в Пекине при переговорах и сношениях моих с китайским правительством. Я убежден, что ваши труды будут оценены министерством иностранных дел в той же степени, как и мною.

Поручая себя молитвам вашим, прошу принять уверение в моем истинном к вам уважении и совершенной преданности. № 211 15 мая 1860 г. Пекин».

Гурий выполнил возложенные на него поручения. Находясь в лагере союзников, Игнатъев тайно снабжал духовную миссию информацией о дислокации англо-французских войск, их планах и проч., про-

ся Гурия передать эти сведения пекинскому правительству. Тем самым Игнатъев намереался завоевать доверие маньчжурского правительства. В шифрованной депеше на имя Гурия Игнатъев сообщал:

«Военные действия англо-французской экспедиции должны начаться в Печелийском заливе 1 июля (далее Игнатъев сообщает дислокацию англо-французских войск. М. Б.). Если бы китайцы обратились ко мне с просьбой о посредничестве и исполнили мои требования, (т.-е. признали Амур за Россией, ратифицировав Тяньцзинский и Айгунский договора. М. Б.), то я ручаюсь, что союзные войска не будут в Пекине, а одни уполномоченные... Если бы китайское правительство имело достаточно смысла, чтобы обратиться к нам за советом и помощью, мы могли бы спасти маньчжурское правительство и доставить ему возможность заключить мир на выгодных условиях» (Депеша Игнатъева из Шанхая 19 июня 1860 г.).

Получив эти сведения, Гурий обратился к главе китайского правительства, первому министру Сушуню, со следующим письмом:

«Как ни сильно желание, однакож давно не имел я удовольствия видеть ваше превосходительство. Слышу только, что вы наслаждаетесь совершенным здоровьем и счастьем, а дела ваши невыразимо успешны.

Осмеливаюсь доложить вам, что 6 луны 5 числа я получил два письма, посланные мне из Бейтана. В одном из них между прочим говорится, что английский посланник Эльджин и французский Гро прошлой луны 12 числа в Шанхае условились, чтобы французы заняли в Шаньдуне Фушансянь, а англичане Далинван, чтобы устроить в этих местах лазареты и склады для разных вещей. Затем одни высадятся в Цихоу, а другие в Бейтане и общими силами, с разных сторон, будут действовать против Дагу и, не останавливаясь, пойдут в Тяньцзинь, непременно располагая быть в Пекине к концу этой луны. Англичан всего до 30 тысяч, а французов пока меньше 10 тысяч. Впрочем, надо смотреть не на число, а на храбрость и стойкость солдат. По этим качествам французы хотя числом и меньше, но гораздо сильнее англичан. Живя здесь уже другой срок и постоянно пользуясь вниманием китайского правительства и вместе принимая в расчет 20х летнюю дружбу, существующую между нашими двумя государствами, я с удовольствием спешу известить об этом вас, чтоб хотя сколько нибудь выразить чувство моей благодарности. Я знаю, что вы очень близки к государю, пользуетесь его благоволением, лично наделены необыкновенными правительственными способностями и все особенной важности дела поручаются вам.

Вот вам прекрасный случай склонить победу на сторону Дайцинского государства, по крайней мере придумать такое средство, по которому исход дела обратился бы в его пользу. Мне кажется, что еще не поздно. Еслиб в сказанных мною словах нашлось, что либо неясное, прошу лично выслушать мои объяснения. Уверен, что это будет полезно и для государства, и для народа китайского. Это особенно я и имел в виду, принимаюся за перо».

Как в действительности относился Гурий к приходу англичан в Пекин, видно по следующему письму начальника духовной миссии к Игнатъеву:

«Очень тяжело становится, жизнь в Пекине день ото дня становится мудренее... **Потрудитесь уговорить англичан поскорей прийти в Пекин**; это будет благоразумнее: Китай бессилён донельзя... Я без шуток боюсь за спокойствие населения в столице (положение в столице было настолько напряжённое, что можно было опасаться восстания. Этого больше всего боялись в миссии. М. Б.). Эта подозрительность Чжен Вана (начальника столичной полиции) и глупейшие придирки исполнителей его воли способны вывести из терпения даже **таких ослов (стиль!), ник китайцы**».

С другой стороны, собирая сведения о дислокации китайских войск, Гурий передавал их шифром Игнатьеву. **Секретная переписка велась с большим трудом через фронт посредством посылки китайцев, принявших христианство.**

Старания Игнатьева о его посредничестве в англо - китайском вооружённом конфликте благодаря энергичным действиям членов духовной миссии и особенно Гурия закончились успешно. В октябре 1860 г. Игнатьеву удастся подписать т. н. Пекинский договор, которым вопрос о Амуре, торговле России с Китаем и проч. был разрешён в пользу России.

Мы не останавливаемся на других моментах участия миссии в агрессивной политике России в Китае в XIX в. Роль миссии в захвате Амура характерна для всей деятельности русских миссионеров в Китае в XIX веке.

Из приведенного нами материала достаточно убедительно видно, что Пекинская духовная миссия была мощным орудием в руках русского торгового капитала. Миссия под флагом креста являлась осведомительным военно-политическим органом царского правительства в Китае.

В лице Пекинской миссии мы имеем ещё одно доказательство того торгового капитала. Миссия под флагом креста являлась осведомительного класса. Октябрьская революция дала возможность выяснить подлинную физиономию русской духовной миссии.

Деятельность других религиозных иностранных организаций в Китае и поныне ничем не отличается от той, которую вела русская миссия.

Православная миссия в Урмии.

(Из деятельности царской России в Персии*).

Северо-Западный угол Персии, где проходит единственно доступная во все времена года дорога из Средней в Малую Азию через Котурский перевал, является исключительной значимости стратегическим пунктом. Важность его в новое время определилась с совершенной ясностью при проектировании Наполеоном I известного похода на Индию. Для контроля над этой местностью им и была отправлена в Тавриз специальная духовная миссия, открывшая своим появлением эпоху усиленного интереса европейских держав к «исповедному» вопросу несториан Урмии и близлежащего Салмаса. В 1835 году в этом районе появляются первые американские миссионеры, вслед за ними католики-лазаристы (1840 г.) и последними англичане (1843 г.).

Все миссии налаживают прочный аппарат религиозного воздействия, как-то: церкви, школы, медицинскую помощь, типографии, где печатаются книги учебно-религиозного содержания на европейских и сирийском языках. «Работа» миссий носила вполне откровенно выраженный политический характер. Особенно рельефна в этом отношении история возникновения и деятельность англиканской миссии. В 1842 году айсоры обратились за помощью против курдов, вырезывавших айсор буквально целыми селениями, к английскому консулу в Мосуле. В следующем году английским консульством в Урмию была направлена англиканская духовная миссия. Раскинув сеть школ среди персидских и турецких несториан, англичане отказались от обращения «еретиков» в лоно англиканизма.

Представители архиепископа Кентерберийского все свое внимание сосредоточили на политической работе в центре несторианства, селе Кудачинске (Турция)**). Патриарх («Мар-Шимун» получал с тех пор от англиканского резидента, проживавшего безотлучно в Кудачинске, ежегодную субсидию в размере 200 лир (1600 рублей).

Совершенно естественно, что пограничный район с Турцией, где выращивались с проникновением влияния англичан и католиков антирусские тенденции, начиная с конца прошлого века, когда русская политика по отношению к Персии приобретает особо агрессивный характер

* В основу настоящего очерка легли материалы быв. архива министерства иностранных дел, хранящиеся ныне в архиве Наркоминдела.

** Кроме непосредственно турецких и персидских айсор англичане были заинтересованы в установлении влияния на айсор-несториан, проживавших в количестве 10.000 в Малабаре (Индия).

До войны 1914 года в С. А. С. Ш. проживало до 15-ти тысяч айсор; в России 3.000 человек.

тревожить деятелей молодого русского империализма. С другой стороны, усиливающиеся политические и экономические позиции в Персии царской России внушают и самим айсорам мысль о защите своей жизни и собственности при посредстве самой влиятельной в то время страны в Персии. Обращение к англичанам не повело к каким либо практическим результатам, за исключением превращения айсорского патриарха в английского агента.

Поэтому с шестидесятых годов в среде айсорской интеллигенции и духовенства вновь оживает легенда, было заглохшая, о предназначении России спасти айсор от мусульманских насилий. Равнодушные, с которым встретили в России айсорских депутатов в 1861 и 1883 г.г., не заморозило руссофильских тенденций, тем более, что в Петербурге, не отвечая прямо на ставившийся айсорами вопрос о принятии их в православие, заигрывали и давали кое какие обещания. Таким образом, когда к концу прошлого века определилась необходимость для России активного воздействия на айсор, то почва объективно была уже подготовлена. Весною 1897 года, в ответ на делегацию айсор, в Урмию была послана для предварительного оформления перехода в православие комиссия из 2-х эриванских священников (Синадского и Алаверанова), которая 19-го мая (ст. ст.) 1897 года в селе Супурган подписала договор о присоединении несториан к православию. Со стороны несториан договор был подписан рядом виднейших урмийцев во главе с епископом Мар-Иоаном. Всего выразило желание перейти в православие до 20.000 айсор, что составляло приблизительно 2/3 всех персидских несториан.

Для характеристики того, как отразился этот факт на работе католиков и протестантов всех толков, приводим следующие цифры: от протестантизма отпало 50 %, от католицизма 25 %.

25-го марта (6-го апреля) 1898 года синод торжественно объявил о «воссоединении церквей». Мар-Ионе, так много потрудившемуся на ниве приведения несторианских еретиков в лоно православной церкви, особым высочайшим рескриптом была пожалована ежегодная субсидия в размере 1000 рублей под названием «милостинная дача суцурганской епископской кафедре».

Роль руководящих органов внешней политики России подчеркивалась во всей этой комедии особым письмом обер-прокурора «святейшего синода» на имя генерального консула в Тавризе, уполномочивавшим консула помогать и контролировать духовную миссию, посылающуюся для принятия в православие и устройства церковной жизни новообращенных.

Переход скопом 20.000 подданных Персии в государственную религию могущественной России возбудил опасения шахского правительства. Эти опасения превратились скоро в тревогу благодаря англичанам, которым вскоре пришлось ликвидировать почти все «духовные дела» в Урмии.

Нельзя сказать, чтобы и поведение первых русских миссионеров могло рассеять эти тревоги. Архимандрит Феофилакт, занимавший пост начальника духовной миссии с 1899 по 1901 год, расположился в персидской Урмии с замечательной непринужденностью. «Деятельность» миссии выразилась в поголовной записи всего наличного состава христиан. Таким образом в православие было «обращено», кроме несториан,

и много армян, по отношению к религиозным убеждениям которых русская политика применяла сугубую осторожность, полагая полное невмешательство в дела армянской церкви за лучшее средство против усиливающегося католичества.

Вместе с регистрацией новых православных Феофилакт занял явочным порядком и все несториянские церкви, поручив своему помощнику, отцу Вячеславу, прозванному персами «инженером», переустройство их согласно канонам православия. Дальше этих мер внедрение православия не пошло, потому что как Феофилакт, так и его ближайшие сотрудники занялись «безпросыпным», по выражению одного консульского документа *), пьянством. Школьное строительство, без которого немислима никакая плодотворная миссионерская работа, существовало лишь на бумаге.

Несмотря на сообщение архимандрита об открытии 60 школ, агент генерального консула мог обнаружить только 1 школу; «ясно, что школьное дело составляет секрет о. архимандрита и епископа Ионы», — гласит тот же цитируемый документ.

Не замедлили обнаружиться и другие неприятные черты миссии. На все запросы генерального консула Петрова члены духовной миссии отвечали или общими фразами, или слали «ничем не объяснимые, грубые и прямо таки неприличные письма», которые консул «не решается» даже «представить в копиях» **. Здесь в несколько упрощенном виде повторилась та же самая история, что ранее в Палестине, Китае и Японии — нежелание русских миссионерских учреждений считаться с требованиями дипломатии.

Это отнюдь не означало отказ от политики.

Напротив, русские миссионеры являлись весьма энергичными проводниками, так называемого, «русского дела» на Востоке, но, в отличие от своих европейских собратьев, стремились вести это дело самостоятельно, считая дипломатические учреждения за подсобные инстанции. К этому надо добавить, что миссионерские учреждения обладали часто большими материальными средствами, чем консульства; отсюда «самодержавные» тенденции, характеризующие наиболее ярко взаимоотношения между двумя органами проникновения России вплоть до начала мировой войны ***). Вследствии полной бездеятельности миссии, с одной стороны, а с другой, — в виду того, что «несогласие, вражда членов миссии между собою, необузданный разгул, всевозможные дебоши и различного рода бесчинства... породили только недружелюбное отношение», ³ победа на сей раз осталась на стороне дипломатии. Несмотря на то, что посланная синодом ревизия во главе с Иоанном Восторговым в акте обследования постаралась, елико возможно, реабилитировать Феофилакта (кстати, от обвинения в белой горячке), министр иностранных дел категорически попросил синод заменить архимандрита Феофилакта иным лицом, более подходящим к высокоответственной работе в Урмии.

Положение русской дипломатии было действительно весьма затруднительным, т. к. персидское правительство не замедлило воспользоваться следствиями «плодотворной» деятельности Феофилакта. По-

*) Консульское донесение Тавризского генерального консула Петрова от 29-го августа 1901 года за № 6. С. Ж.

**) Цит. док.

***) Особенно характерно это явление для Палестины.

ведение и методы работы столько времени ожидаемой миссии разочаровали урмийцев в желании России облегчить их существование. Защита православных айсор не улучшилась; разрушив сеть англиканских школьных учреждений, православие ничего не дало взамен *). Вместе с переходом несториан в православие усилилось «хочакогство» — хождение в Россию за сбором пожертвований. В результате обращения многочисленными сборщиками собранных сумм, если так можно выразиться, «не по назначению», ценность обрабатываемой земли повысилась в ближайшие по учреждению русской миссии годы на 100—200%. «Словом, если русские миссионеры здесь укрепятся, то дела наши совершенно изменятся и благополучию нашему будет положен конец», — так резюмировали несториане свое положение некоему «путешествующему по собственным делам» грузину А. В. Анджапаридзеу (**).

Весьма характерным фактом происходившего процесса являлось усиление националистических чувств под руководством среднего и низшего духовенства. В то время, как высшее духовенство, а также зажиточные айсоры искали укрепления союза с царской Россией, нищавшее мелкое духовенство и крестьянство вновь обращались к национальной церкви, ища в ней защиты как от напора православия, так и русско-сирийского капитала, процесс консолидации которого шел более интенсивно после «воссоединения церквей».

Поддерживаемая в своих националистических устремлениях инославными религиозными миссиями, часть айсор обратилась к урмийскому правителю с требованием возвратит «реквизированные» Феофилактом перкви. Персидское правительство поспешило воспользоваться представившимся предлогом для ограничения русской деятельности в Урмии. По докладу Эйн-Уд-Доуле Шах Музаффер-Эд-Дия издал приказ о возвращении части церквей айсорам, переходящим обратно в несторианство.

Для решительного противодействия таким антирусским планам персидского правительства необходимо было, кроме решительных протестов, провести коренную реорганизацию миссии. На смену Феофилакта в Урмию был послан настоятель кладбищенской церкви в гор. Кронштадте Константин Смирнов, получивший после принятия монашества титул «архимандрита» и имя «Кирилл».

Вместе с тем для помощи, а, главное, для координации общей политической линии России в Урмии, с 1903 года учреждается вице-консульство. При проезде Кирилла через Тавриз генеральному консулу Похитонову удается установить некий модус вивенди: «не смешивать чисто духовного дела с политическим и внушать присоединившимся и желающим присоединиться к православию, что кроме духовной и нравственной поддержки они не должны рассчитывать на вмешательства нашей духовной миссии в дела, имеющие какое бы то ни было отношение к их подданныческим обязанностям» ***). Краткая деятельность Кирилла (1902—1904) была периодом начала расцвета духовной миссии.

*) В смысле педагогической высоты русские школы никогда не достигали уровня европейских; особенным успехом пользовались немецкие школы, где преподавались, кроме религиозных учебных предметов, и ремесла, в частности — ковровое производство.

***) Заявление Анджапаридзева от 2-го июня 1902 г. д. 605.

****) Отношение Похитонова от 7-го сентября 1902 г. за № 11.

Была реорганизована центральная школа в Урмии, учреждены школы в провинции, закончились постройки собора и служб миссии.

Совместная работа миссионеров и консульского чиновника, представителя наиболее влиятельной державы, не могла остаться без последствий для дела привлечения в православие отпадших было несториан. В 1904 году Кирилл уезжает в Россию, где получает назначение на пост гдовского епископа, а на его место, по соглашению министерства иностранных дел, назначается помощник начальника миссии, архимандрит Сергей. (1904—1915). Этому неуживчивому и властолюбивому монаху, несомненно, принадлежит право считаться истинным создателем православного миссионерского дела в Персии.

За время его правления русская миссия организационно выросла и окрепла. К школе—пансиону в Урмии была добавлена женская школа (4-х классная), сеть провинциальных школ доведена до 30-ти, при чем учителя для открываемых и открытых школ начали поставляться из среды сирийцев, окончивших центральную школу. С 1903 по 1911 год построено было 7 церквей (в селениях Бабадур, Гайтапа, Скатувий, Чечеклувий, Нази, Супурган, Шамшаджиан), в селениях Гульпашан и Чемаки жители построили церкви на деньги, собранные в России. Всего под ведением миссии вместе с присоединенными церквями состояло 46 церквей.

С 1905 года начал издаваться журнал «Православная Урмия» на русском и сирийском языках. Этот журнал, кроме пропаганды канонов религии и полемики с журналами, издававшимися американцами («Луч света») и католиками («Голос Истины»), широко освещал административно-церковную жизнь, выступая в экземплярах на русском языке, как чисто политический орган. Деятельность миссии по вовлечению в православие айсор совершенно неизбежно толкала миссию на путь «защиты» своей паствы перед органами персидского правительства. По мнению айсор, прямой задачей русского миссионерского органа и смыслом его существования была именно эта функция.

По существу дела, националистические моменты были весьма сильны у айсор, как то отмечено многими исследователями, и, конечно, перевесить их могли только вполне реальные ценности отнюдь не «небесного» происхождения. Такой ценностью являлся удельный вес России и, следовательно, православной миссии. Наилучшим способом привлечения несториан в лоно православия могла быть только защита перед персидской администрацией, вместе с тем это же было и самым верным оружием в борьбе с инославными миссиями, располагавшими и большим опытом, и большими материальными ресурсами *).

«Принцип защиты христиан миссионерами—как формулирует вопрос сам Сергей в докладной записке «О положении христианского населения в Урмии за 1910 год»,—не был в этом случае результатом какого либо договора или соглашения с правительством Персии, он утверждался просто на авторитете европейских народов... Задачи миссии были и суть, конечно, церковные: способствовать укреплению православного духа и укладов в среде ново-присоединенных.

*) Сумма получаемых православной миссией средств не превышала 60.000 рублей, тогда как, например, католические церкви затрачивали, по сведениям консулов, не менее 150—200.000 рублей ежегодно.

Но по историческому ходу вещей миссии пришлось в отношении православных сирийцев осуществлять то же представительство за них перед персидскою властью, какое делали инославные миссии». Это отсутствие при защите «какого либо договора или соглашения» вело к нарушению всей практики и обычаев российской дипломатии, с одной стороны, а с другой, вызывало столь обычное для бюрократической России чувство зависти и местничества со стороны дипломатических органов. В начале деятельности Сергия на этой почве между «церковью и государством»—консулом и Сергием—вспыхнуло ожесточенное столкновение. Борьба, чреватая многими курьезными подробностями (как отказ Михайлова, консула, посещать церковь миссии и объявление царского консула с церковного амвона «врагом православия»),—окончилась на этот раз победой миссии. Назначенная в Урмию 2-я ревизия при участии быв. начальника миссии Кирилла должна была констатировать успехи «русского дела». «Еретик» Михайлов был переведен в Баязид, а на его место назначен барон Черкасов.

После победы над линией министерства иностранных дел деятельность миссии приобретает прямо таки величественный характер. Миссия не только сносится непосредственно с персидскою администрацией, минуя консульскую инстанцию, но по поручению начальника миссии консул выступает на защиту канонов православия, как, например, в борьбе с двоеженством. Миссия принимает участие в качестве представителя российского правительства в персидском суде; за защиту под предлогом богоугодных целей берется определенная пошлина. Персидские правительственные чиновники заискивают перед миссией, ища ее рекомендаций и влияния.

Революционные события, разыгравшиеся в Персии (1906—1911), наносят неожиданный ущерб всему этому «великолепию». Прежде всего айсоры, «как народ слабый», по терминологии Сергия, «стали заносчивее»; они начали надеяться, что конституционное движение облегчит их участь путем упорядочения суда и управления.

Снова оживили националистические чувства.

Под влиянием агрессивных намерений России население Урмии вместе с остальной революционной Персией начало относиться к русским учреждениям до того неблагоприятно, что консульство совместно с миссией принуждены были звать о военной помощи. Упадок престижа России *) вызвал, как естественное следствие, упадок влияния державшейся этим престижем миссии. Занятие турецкими войсками пограничного района и участвовавшие нападения курдов вносили еще большую сумятицу.

Духовная миссия направляет все усилия на удержание паствы вне общественного движения. Когда же выяснилась полная невозможность сохранять «нейтралитет», Сергий вкупе со своими помощниками взялся, несмотря на угрозы революционных комитетов, за проведение в Меджлис и органы местного самоуправления своих ставленников. Спадение революционной волны и прибытие русских войск в Азербайджан снова возвращают миссии потерянный блеск. Активность деятельности миссии растет прямо пропорционально фактической силе

*) Как характерную иллюстрацию этого упадка можно привести факт отказа персидского чиновника принять на новый год (1910) поздравление от консула.

России. Уже в начале этого знаменательного для персидского народа года (1911) духовной миссии удастся заполнить от порепуганной персидской администрации закон об установлении норм налогового обложения для айсор. Распоряжение это, конечно, печатается вместе с соответствующей событию статьей в журнале «Православная Урмия».

Разочарование в конституционном движении, выросший благодаря близости русских воинских частей престиж миссии понуждают айсор к усилению перехода в православие. Процесс соблазна перехода трагивает цитадель католицизма, дер. Хосров-Абад (округ Салмас).

Весною 1911 года 50 домов, исповедывавших ранее католицизм, обращаются в православную миссию с просьбой принять их в государственную религию России. Перед ними, по свидетельству производившего обследование по делу «о захвате Хосров-Абада русской духовной миссией» капитана Терлецкого, встала следующая дилемма «1. Или перейти в православие, тогда защита их от всяческих притеснений гарантирована, но за то их дети будут плохо обучены. 2. Или оставаться католиками; тогда полная неуверенность в защите от угнетателей, но их дети зато будут более образованы».

Воспользовавшись обращением хосров-абадцев, миссия открывает в Хосрове свое отделение и строит церковь. Для борьбы с католицизмом на помощь действовавшему там священнику назначается консульский агент из числа ново-обращенных, некий Мирза Бенъямин, создавший в 1910 году лигу «Хуяда», имевшую своею целью «бороться со всякими посягательствами на права сирийцев», главным образом со стороны католицизма.

Борьба между православными и католиками развивалась необычайно страстно. Ссылаясь на то, что земля была приобретена ими, католики возбудили вопрос об удалении церкви из Хосрова. В ответ на это Мирза Бенъямин, воспользовавшись проходом русского воинского отряда, под предлогом постоя занял здание католической миссии, что вызвало оживленную и неприятную для министерства иностранных дел переписку между Парижем и Петербургом. Длительные переговоры закончились установлением принципа равноправности пропаганды обоих религий, но борьба не окончилась и послужила уже во время войны в 1915 году причиной отставки Сергея, упрямо не желавшего считаться с требованиями политики и продолжавшего свое католикоедство.

К началу мировой войны цели, поставленные русским империализмом, были достигнуты. Русская миссия добилась твердого положения. Чтобы зафиксировать и формально изменившееся по сравнению с первыми миссионерами положение начальника миссии, Сергей в 1914 году получил титул епископа Салмасского, а отделение в Салмассе было признано официально синодом. Перешедшие в православие айсоры выжили смотреть на православную миссию, как на свою естественную защиту. Русские шпательцы перекидывались уже через границу Персии в Турцию. Еще в середине 1909 года епископ Курдистанский Мар-Сергий обратился в Синод с той же просьбой, что и его персидские соплеменники в 1898 году. В 1911 году начались переговоры с Мар-Шимуном.

В виду наличности в Турции сильного немецкого влияния, значение деятельности миссии приобретает сугубо политический, можно сказать, даже международный характер. Методы епископа Сергея, допустимые в предшествующий период, совершенно очевидно, являлись

непригодными в сложной политической игре. Дело расширения сферы влияния в пограничной зоне должно было перейти в орган более деликатный. В Урмию назначается новый консул—Введенский, который, по предположению министерства иностр. дел, должен был взять в свои руки все дальнейшее ведение дел и, во всяком случае, контроль над действиями миссии.

Одним из первых актов нового консула является предписание персидским чиновникам не принимать от миссии никаких ходатайств и бумаг помимо консульства. «В интересах русского дела» в Петербурге срочно вырабатывается инструкция о взаимоотношениях обоих органов русского империализма «вроде той, которая выработана для наших воинских частей в Персии» *).

Собственно говоря, с этого момента самостоятельная деятельность духовной миссии была кончена. Вместо длинных рассуждений патриарха с Сергием по вопросам сравнительной теологии, отношения с айсорами становятся в плоскость вопросов снабжения оружием, заключения договоров и т. д. **). Теперь православная миссия выступает лишь в качестве могущественного, но подсобного органа для одурачивания айсор.

Август 1914 года иллюстрирует, как нельзя лучше, успех, достигнутый русским миссионерством. На следующий день после объявления войны сирийцы во главе с православным епископом явились в вице-консульство «в преподнесении портрета государя императора», чтобы засвидетельствовать свои «патриотические чувства и симпатии к России». Православная миссия превращается в некий религиозный патриотический агитпроп. Редакция «Православной Урмии» решила переменить свое название на «За веру, царя и отечество». В еженедельнике нового журнала помешались, согласно объявлению редакции, «во-первых, последние известия с театра войны, во-вторых,—сообщения о положении дел в Урмийской провинции и, в частности, в Персии, в-третьих,—разные патриотические размышления».

В дальнейшем деятельность миссии была тесно связана с работой командующего штабом русских войск и направлялась, кроме оказания необходимых услуг по шпионажу, также по руслу медицинской, материальной и другой помощи беженцам. Беспорядочность русского правительства и здесь проявилась в достаточной степени. В то время, как католическая миссия снабжалась и деньгами, и материалами, русская миссия не располагала абсолютно никакими средствами для оказания помощи своим одураченным единоверцам.

Результаты этого «богоугодного» дела русской церкви в Урмии общеизвестны. Спровоцированная на полное выступление малочисленная народность была почти целиком истреблена турецкими войсками.

*) Отношение Введенского от 15-го марта 1914 года. № 707.

**) Эта часть деятельности подлежит освещению с точки зрения дипломатии на основании исследования документов как архива консульства, так и Синода.

Философский идеализм и проблема материи

Движущаяся материя существует объективно, вне наших представлений и сознания. Она существовала до нас и будет существовать после нас. Все, что известно нам о материи, дано, прежде всего, в ней самой. А потому задача человеческого познания заключается в том, чтобы исследовать и изучить сущность материи и те законы, которые присущи ее природе.

Овладевая законами природы и общества, мы опираемся на них и изменяем ту обстановку, в которой живем и действуем. Действуя же на внешнюю природу, мы изменяем и свою собственную природу. Таким образом, задача нашего познания сводится не к простому уяснению, исследованию и знанию законов нас окружающего мира, но к овладению ими и превращению их в одно из орудий действия и изменения этого мира. «Философы лишь объясняли мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы изменить его». (Маркс). Изменить мир мы можем только тогда, когда мы овладеваем его законами. Таким образом, для практического материалиста, т. е. для коммуниста, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, изменить их». (Маркс).

Основным признаком материи, с гносеологической, т. е. теоретико-познавательной, точки зрения, является ее объективность. Это значит, что материя существует независимо от наших представлений и сознания. Будем ли мы ее представлять или знать,—безразлично, она, как объективная реальность, будет существовать. Эволюция неорганического и органического мира с достаточной ясностью доказывает верность этого материалистического положения. Материя существовала и тогда, когда не было не только мыслящих, но и никаких существ. И только в результате многовековой эволюции и изменений материи возникают примитивно чувствующие существа, представляющие из себя «бесструктурную крупинку или комочек» белкового соединения углерода.

Затем, в дальнейшей ее эволюции, образуются все более сложные по своей организации существа и, наконец, возникают такие, которые не только чувствуют, но и мыслят. Итак, в процессе своих изменений и развития материя на известной ступени его приобретает способность чувствовать и, затем, мыслить. Таким образом, способность чувствовать и мыслить является продуктом развития материи. Материя является первичной, а чувствование и мышление вторичными.

Исходя из объективности материи, мы можем дать определенный ответ на вопрос: что такое материя? Материей мы называем то, что существует независимо от наших представлений и сознания и так или иначе действует на наши чувства. С точки зрения гносеологической

(теоретико-познавательной) материя ничего более не означает. С этой точки зрения мы дали самое полное и исчерпывающее ее определение.

Устанавливая, что материя является объективной реальностью, мы утверждаем, что она, по природе своей, является противоречивой. Поскольку это так, материя является конкретным и реальным бытием, а не пустой и отвлеченной непосредственностью. Она, в силу присущих ее природе противоречий, сама себя в себе полагает и, таким образом, является не метафизическим началом, т. е., отвлеченным и пустым, а началом конкретным. Как конкретное начало самой себя и как полагающее само себя в себе, материя является в то же время началом определенным. При этом она, как конкретное и определенное начало, является результатом своего собственного движения, развития и изменения, а не чего-нибудь, вне ее существующего. Поскольку это так, отпадает необходимость признания существования бога, как начала бытия.

Таким образом, материя является началом, но в то же время началом самой себя. Иначе говоря, материя является началом, из которого она исходит в своем собственном развитии, происходящем в силу противоречий, присущих ее природе. Берем для примера туманнообразное ее состояние. В данном случае туманнообразное состояние материи будет являться начальным состоянием всех следующих после него ее состояний, так же, как оно будет, в свою очередь, конечным результатом предшествующих ему состояний той же материи. Или, если бы мы взяли монару, примитивное живое существо, за начало органического мира и пошли бы по лестнице эволюции органической материи к клетке, а затем к организмам сложного порядка, то она (монара), как исходный пункт дальнейшей эволюции органической материи, была бы началом. Но, если бы мы пошли от нее назад, мы нашли бы, что она сама, как начало, одновременно является концом или результатом эволюции неорганической материи, из которой она появилась при благоприятных для ее возникновения условиях.

Наконец, если бы мы стали разлагать атом, мы получили бы в результате его распада электроны и протоны, которые являлись бы началом относительно атома так же очевидно, как атом является результатом их соединения. Одновременно с этим атом является началом относительно молекулы. Если бы мы пошли назад от атома к истокам его возникновения, мы бы нашли их в эфире, из которого он образовался в результате длинной эволюции. Если непосредственно начальным образованием из эфира является электрон, то конечным для данного ряда его образованием будет атом. Из приведенных только что примеров мы видим, что материя, как конкретное и определенное начало в форме туманности, монары, клетки, атома, электрона и т. д., в достаточной степени разъясняет нам вопрос о материи, как начале.

Выше мы приняли, что материя, по природе своей, противоречива, или диалектична. Исходя из данного положения, мы приходим к признанию того, что материя не является непосредственным началом самой себя, а опосредственным. Она, как само себя полагающее, является, таким образом, своим собственным результатом. Следовательно, материя, как начало себя самой, не является непосредственно данным началом, а началом по существу своему опосредственным. Материя одновременно является и непосредственным, и опосредственным. Как непосредственное, она выступает в качестве исходного момента движения, раз-

вития и изменения себя самой, а как опосредственное, она выступает как результат движения, изменения и развития, опять таки самой же себя.

Материя, как объективная реальность, диалектична по существу своему. Диалектика является объективной и имманентной формой бытия материи. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы». (Энгельс). Коль скоро это так, диалектичным должно быть наше мышление, которое является лишь отражением объективной диалектичности материи. Когда же мы говорим о диалектике, как науке, мы говорим о ней, как о теории наиболее общих законов всякого движения. «Это означает, что законы ее должны иметь силу для движения, как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления» (Энгельс). Говоря иначе, диалектика, как наука, изображает самодвижение материального объективного мира и мышления «путем противоположностей».

Итак, стало быть, диалектика, как отображенное в нашей голове объективное движение природы и истории человечества, становится общим учением о законах развития не только природы и истории людей, но также и учением о законах субъективного, т. е. сознания, представлений и мышления. Но для того чтобы иметь точное и правильное представление о вселенной и ее развитии, а в равной степени и о развитии истории людей и об отражении этого развития в головах людей, необходимо превращение диалектики в осознанное орудие исследования и познания. Осознав диалектику, мы превращаем ее в одно из величайших научных орудий познания и действия.

«Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели,—пишет Энгельс,—в человеческих понятиях снимки с действительных вещей, вместо того, чтобы в действительных вещах видеть снимки с абсолютного понятия, находящегося на известной ступени развития. Диалектика сводилась этим самым к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по форме различны, так как человеческая голова может применять их сознательно, между тем, как в природе, а большей частью пока еще и в человеческой истории, они действуют бессознательно, в виде внешней необходимости, посредством бесконечного множества кажущихся случайностей.

Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира. Вместе с этим гегелевская диалектика была перевернута на голову, а лучше сказать, на ноги, так как на голове стояла она прежде *).

Выше мы видели, что прежде чем говорить о диалектике, как об общем учении о законах развития природы, истории человечества и мышления, мы выяснили вопрос о том, что диалектика является объективной и имманентной формой бытия материи.

*) Энгельс «Людвиг Фейербах», стр. 58. Изд. Москва. 1918 г.

Законы же диалектики: закон взаимного проникновения противоположностей, закон перехода количества в качество и обратно и, наконец, закон отрицания отрицания, не предписываются и не навязываются нами природе и истории человечества, как законы, якобы, созданные творческой способностью нашей головы. Они не являются свойствами нашего мышления, но основными законами объективного материального мира.

Итак природа и история человечества диалектичны по существу своему. Понятия являются «снимками с действительных вещей». Мы имеем, таким образом, два ряда законов, которые по сущности тождественны, но по форме различны. Первый ряд—это законы движения внешнего материального мира, а второй ряд—это диалектические законы мышления. Осознав законы диалектического бытия внешнего мира, мы применяем их сознательно. Это одна, так сказать, субъективная сторона дела. Но в то же время объективно эти законы, во внешнем материальном мире, а также пока еще и в истории людей, действуют стихийно, в виде внешней необходимости. Эта другая, так сказать, объективная сторона дела. По существу же, мы имеем одни и те же диалектические законы движения с той лишь разницей, что сначала, как присущие объективному материальному миру, «они действуют бессознательно, в виде внешней необходимости», тогда как, отражаясь в головах людей, они осознаются и тем самым применяются ими сознательно. Но поскольку они осознаются людьми, постольку диалектика становится методом познания и действия.

Диалектика, как метод познания, не стоит вне и над материальным миром, она является отображенной в головах людей и осознанной диалектикой внешнего материального мира, она охватывает и имеет его своим предметом.

Диалектика является прежде всего объективной и имманентной формой бытия материи, а затем уже, как отраженная в головах людей, она становится диалектикой понятий. Или, иначе, «диалектика понятий является сознательным отражением диалектического движения внешнего мира» (Энгельс). Следовательно, диалектика, как орудие познания, охватывает собой движение самого внешнего материального мира.

Материалистическая диалектика является душой истинно научного познания. Действительно научно познанным мы можем считать только то, что подчинено диалектическому методу. Или, иначе, понятым и научно познанным мы можем считать только то, что подчинено диалектическому движению самого внешнего материального мира.

Нашей ближайшей задачей здесь является уяснение внутренней необходимости моментов бытия материи. Мы должны уяснить себе, что конкретные моменты бытия материи необходимо переходят один в другой. Они не противостоят один другому, не исключают один другого и не отрицают друг друга в метафизическом смысле. Метафизик мыслит моменты бытия материи в их абсолютном противопоставлении, исключении и отрицании. Он не понимает, что «отрицание есть в равной мере положительное, что противоречивое разлагается не в ноль, не в отвлеченное ничто, но существенно в отрицание своего собственного содержания, или что такое отрицание есть не отрицание вообще, но отри-

вание определенной (мыслимой) вещи, которая тем самым разлагается т. е. определенное отрицание, что поэтому в результате по существу заключается то, из чего он происходит, что он есть, собственно говоря, тождество, так как иначе он был бы нечто непосредственное, а не результат.

Поскольку результат, отрицание, есть определенное отрицание, он обладает содержанием. Он есть понятие новое, высшее, более содержательное, чем предшествующее ему, ибо первое обогатилось тем, что в последнем отрицается или что ему противоположно; первое, таким образом, содержит в себе второе, но содержит и еще нечто большее и есть единство его и его противоположности» *).

Мы только что установили, что все по существу своему диалектично или противоречиво. Признать же противоречие «существенным и имманентным определением» всего сущего, значит отказаться от основного предразсудка метафизической логики, обычное представление которой состоит в том, что «противоречие не считается столь же существенным и имманентным определением, как тождество». (Гегель). Тогда как «в противоположность ему (противоречию) тождество есть определение лишь простого непосредственного, мертвого бытия; противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью.

Противоречие прежде всего обыкновенно отстраняется от вещей, от сущего и истинного вообще: предполагается, что нет ничего противоречивого. За сам оно, напротив, перемещается в субъективную рефлексию, которая полагает его лишь путем отношения и сравнения. Но и в этой рефлексии его собственно нет, так как противоречие не может не быть представляемо и мыслимо. Вообще оно считается, как в действительности, так и в мыслящей рефлексии, за нечто случайное, как бы за ненормальность или переходящий болезненный параксизм» **).

Из непонимания диалектического существа материи и отрицания ее, как объективной реальности, существующей вне наших представлений и сознания, вытекают разного рода теоретические недомогания у многих ученых, имеющих дело с различными сторонами материального мира. Эти недомогания порою выражаются то в идеализме, то в нелепом уничтожении материи, то в разного рода построениях вечных и неизменных картин мира. Завершением всего этого обыкновенно является бог, как начало всех начал и творец мира.

В связи с новыми открытиями в области строения материи «дипломированные лакеи поповщины» выступили с патентованными и непатентованными проектами уничтожения материи,—этого ненавистного для них идола или «освященной веками догмы». Для того, чтобы доказать так называемое уничтожение материи, они, а за ними, конечно, и попы. пустили в ход все средства: разного рода инсинуации, религию, научные специальные исследования и философию. Одним словом, все, что относится к родным и негодным средствам, было использовано ими в борьбе с материализмом.

*) Гегель «Наука логики», часть 1, кн—га 1, стр. 9—10 1916 г.

**) Гегель «Наука логики», часть 1, кн—га 2, стр. 42. 1916 г.

«Догма о неразрушимости материи принадлежит к незначительному числу догм, полученных современной наукой от древней науки без всякой перемены. Со времени римского поэта Лукреция, положившего эту догму в основу своей философской системы, до бессмертного Лавуазье, поставившего ее на фундамент, считавшийся вечным, эта освященная веками догма не потерпела ни одного удара, и никто не думал ее опровергать» *).

Говоря это, Густав Лебон добавляет, что «в настоящее время многочисленны факты, показывающие, что материя предрасположена к диссоциации, способной доводить ее до состояний, при которых она теряет все свои материальные свойства». Таким образом, диссоцируясь, материя распадается не на более мелкие частицы, а «дематериализуется, проходя через последовательные фазисы, при которых она постепенно теряет свои материальные свойства, до тех пор, пока она окончательно возвращается в невесомый эфир, откуда она, повидимому, появилась». Итак, по мнению Лебона, материя превращается в нечто нематериальное. Она исчезает.

Когда мы, диалектические материалисты, говорим: «Материя исчезает», это значит, что исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже, исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» **).

Но так как Лебон полагает, что «мы понимаем вещи только в обычных рамках нашего сознания», то «вместе с философами мы доходим до того, что признаем их (время, пространство, силу и материю) просто понятиями рассудка, скрывающими безвестные реальности».

Вместо того, чтобы материалистически поставить вопрос о материи, т. е., как об объективной реальности, существующей независимо от наших представлений и сознания, Лебон занимается идеалистическими рассуждениями о том, что «не только время и пространство, но и все явления мы должны считать творениями нашей познавательной способности, начиная с материи, которую мы полагаем, что знаем, и кончая созданными нашими грезами богами. Мир, построенный на основании впечатлений наших чувств, беглое и мало достоверное изображение действительного мира, которого мы не знаем».

Итак, материя есть не что иное, как продукт «нашей познавательной способности». Иначе, это означает, что материя является продуктом мыслящего и сознающего «я». Электроны, атомы, эфир—все это продукты познающей способности познающего субъекта. Они объективно, вне нашего сознания не существуют. А коль скоро это так, все рассуждение Лебона о том, что «материя это движение» или что «она есть устойчивая форма энергии», никакой ценности не представляет. Материи по существу нет, она превращена им просто в «понятие рассудка» или в «творение нашей познавательной способности». Без материи движение невозможно так же, как и движение без материи.

*) Д-р Густав Лебон «Эволюция материи», стр. 6, 1914 г.

**) Ленин—т. X, стр. 218.

«Неизменно, с точки зрения Энгельса, только одно: это—отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. «Сущность» вещей или «субстанция» тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов и, если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» *).

Итак, следовательно, для того, чтобы правильно разрешить вопрос, необходимо установить, что такое материя. И, если мы говорим, что материя есть то, что существует объективно,—вне нашего сознания, и так или иначе действует на наши органы, то отсюда, в свою очередь, следует, что атомы, электроны и эфир являются объективными реальностями, т. е. реальностями, существующими вне нашего сознания. А коль скоро это так, то вопрос о так называемом «исчезновении материи» принимает другой смысл, чем это мы наблюдаем у идеалистов и метафизиков. Материя в своем движении, изменении и развитии не исчезает, а только меняет формы своего бытия. С изменением же одних форм своего бытия на другие материя меняет свои свойства. Метафизически же мыслящие люди исходят из отрицания изменчивости конкретных форм бытия материи и потому скатываются к отрицанию материи, как объективной реальности.

Вместо того, чтобы видеть в молекулах и атомах, электронах и эфире конкретные моменты бытия материи, как объективно существующей реальности, т. е. существующей независимо от представления и сознания людей, идеалистически и метафизически мыслящие люди отрицают объективность существования, как материи, так и ее конкретных моментов бытия и противопоставляют их один другому. В этом метафизическом противопоставлении одного момента бытия материи другому они делают как раз то, что Гегель называет «неумением освободиться от одностороннего понимания противоречия». Они не понимают, что молекулы, атомы и электроны и т. д., как конкретные моменты бытия одного целого, в котором они не только не противостоят один другому, но одни столько же необходимы, как и другие. Это равная для всех необходимость и образует бытие материи в целом. Они хотят уничтожить противоречие и изгнать его из материи. Для этого противоречие переносится ими в «субъективную рефлексию» и полагается лишь путем отношения и сравнения вместо того, чтобы понимать его в качестве существенного и имманентного определения материи.

Метафизически мыслящие люди абсолютно не понимают того простого факта, что бытие молекул обуславливается бытием атомов на-

*) Ленин, том X, стр. 219—220.

столько же, насколько бытие атомов обуславливается бытием электронов. Молекулы, атомы и электроны—противоложности, но не исключающие друг друга, а взаимно обуславливающие друг друга. В силу этого основного противоречия возможно их бытие, как конкретных моментов материи. Отрицание есть в равной степени и утверждение. Противоречивое и переходящее бытие конкретных моментов материи разлагается не в нуль или пустое ничто. Нет. Например, атом, как переходящий момент бытия материи, отрицает себя не в пустое ничто, не в нуль, а, как конкретный ее момент, в другой ее же конкретный момент,—электрон или молекулу. Но электрон и молекула отрицают себя в других моментах бытия материи. При этом все они, как переходящие ее моменты, не являются раз навсегда данными и неизменными ее формами.

Следовательно, когда мы говорим об электроне, то говорим лишь о переходящем моменте бытия материи, а не об ее уничтожении. Диссоциируясь, материя, как объективная реальность, теряет те свойства, которые ей были присущи в определенный момент ее бытия, при определенных конкретных условиях и приобретает новые свойства и формы. С распадением данных определенных форм бытия материи «появляются, как говорит **Ретгерфорд**, новые типы материи». Прямых доказательствами этого служат открытия и исследования, связанные с явлениями радиоактивности.

Явления радиоактивного изменения нам говорят, что «радиоактивные вещества не неизменны, а постепенно распадаются на элементы более низкого атомного веса; уран, например, медленно разрушается, при чем одним из продуктов разрушения является радий, радий же распадается в радиоактивный газ, называемый эманацией радия, эманация—в другое радиоактивное вещество, и так далее; лучи же представляют собою нечто в роде лебединой песни, которую поют атомы, переходя из одной формы в другую; так происходит, например, когда распадается атом радия и появляется эманация: тогда возникают лучи, составляющие радиоактивность» *). Было бы просто нелепым в одном конкретном, переходящем моменте материи видеть или ее абсолютную законченность, или же ее уничтожение.

Метафизики видят в атоме, как конкретном и переходящем моменте бытия материи,—вечную, неизменную и конечную форму ее бытия. А потому, как только, они выходят за его пределы, т. е. в область электронов, так сразу же последние объявляются небытием материи. Простое объявление электронов небытием материи еще не означает уничтожения материи. С таким же успехом, выходя за пределы молекул, можно объявить и атом небытием материи. Но такого рода противопоставление электрона атому, а атома электрону или молекуле указывает лишь на несостоятельность метафизического понимания вещей и на неспособность понять, что отрицание не является отрицанием вообще, но отрицанием определенного бытия материи.

Данный определенный момент бытия материи, например, атом разлагается не в ничто, а в определенное отрицание, каковым и являются электроны. Электроны, как определенный момент бытия материи в отличие от другого определенного ее момента, например, атома, высту-

*) Успехи физика, 2-й выпуск, статья Дж. Дж. Томсона «О новейших успехах физики», стр. 123—124. 1911 г.

пают, как небытие последнего. В равной степени сам атом, как определенный момент бытия материи в отношении к электрону, как к определенному моменту материи, выступает в качестве небытия последнего.

Итак, электроны, атомы и молекулы являются переходящими конкретными моментами материи, в которых проявляется ее диалектическая сущность. Они связаны присущей им внутренней необходимостью. Материя сама себя полагает в этих конкретных своих собственных моментах. Но в полагаемой ею конкретной ограниченности она находит свою собственную неограниченность и бесконечность. В силу своего противоречивого существа материя полагает себя в бесконечном ряде других своих же собственных конкретных моментов. Она как бы стремится освободиться в процессе своего собственного становления от своей же собственной ограниченности. И как только материя достигает отрицания какой либо из переходящих и ограниченных своих форм, как сейчас же она попадает в новую ограниченность, которая ей напоминает о том, что ее бесконечность потеряла бы всякий смысл и ценность с уничтожением и освобождением от ограниченных, переходящих ее же собственных форм. Бесконечное непосредственно связано с конечным и переходящим. Оно является отрицанием конечного: переходом одного конечного в другое конечное. Иначе бесконечность—это процесс отрицания конечного и перехода его в другое конечное. Конечное и бесконечное—противоположности взаимопроникающие. Бесконечность стала бы бессмыслицей, если бы мы ее стали рассматривать, как бесконечное увеличение данной величины. Она вытекает из природы конечного и ограниченного. Всякое конечное содержит в себе бесконечное и обратно. Истина заключается не в устранении этого противоречия, а в утверждении его, как объективной и имманентной формы бытия материи.

Для уяснения основного положения о противоречивой природе всего сущего и о том, что все находится в процессе конкретного становления, отрицания и утверждения, берем еще два примера. Старая, или классическая, механика учит, что масса одного и того же тела постоянна и, следовательно, не зависит от приобретенной им скорости.

Новая же механика нас учит, что масса тел непостоянна и что она зависит от скорости: она возрастает вместе с ней. Кто не умеет диалектически рассматривать наблюдаемое, тот прямо скажет, что выводы классической механики неверны и что они отвергаются выводами так называемой «новой механики». То же самое вы можете наблюдать и над законом Бойля-Мариотта, который оставаясь верным для небольших давлений, оказывается совершенно неверным для огромных давлений. Опять, стало быть, метафизически мыслящий человек может за счет второго положения опровергнуть верность первого положения. В чем же дело? Здесь так же, как и в области электронов, атомов и молекул метафизик делает основную ошибку в том, что он противоставляет один конкретный момент бытия другому, а не рассматривает их в связи и взаимном переходе одного в другой, т. е. диалектически.

Метафизически мыслящий человек не понимает, что истина конкретна. То, что истинно для одного момента бытия материи при определенных условиях, то может быть неистинно при других условиях для другого момента бытия материи. То, что истинно в пределах малых

скоростей, с которыми имеет дело классическая механика, совершенно не обязательно и не истинно в пределах больших скоростей, с которыми имеет дело «новая механика». Если при малых скоростях масса тел постоянна и не зависит от скорости, то при больших скоростях она зависит от скорости.

Или, если при небольших давлениях закон Бойля-Мариотта верен и приложим, то при громадных давлениях он становится не приложимым. Для того, чтобы правильно понять это, нужно диалектически подходить к данным явлениям, памятуя, что истина всегда конкретна. Нет истины вообще. А потому о ней можно говорить только, как о том, что существует в определенных условиях, в определенное время и в определенном месте. Она всегда есть нечто обусловленное и никогда не является чем то, вне времени и пространстве находящимся.

Материя находится в постоянном движении, изменении и развитии. Естественно, что она в этой эволюции вступает сама с собою в наиболее сложные противоречия, которые особенно проявляются в ее органической форме. В своем движении и развитии материя дифференцируется, изменяет свои формы и переходит из одного состояния в другое, но нигде не возникает из ничего и не превращается в ничто. Точка зрения абсолютного возникновения и уничтожения является точкой зрения метафизической. Для метафизически мыслящего человека возникновение является абсолютным отрицанием ничто так же, как уничтожение является абсолютным утверждением ничто. Говоря иначе, для метафизика существует или абсолютное утверждение, или же абсолютное отрицание. Для диалектика возникновение не является только утверждением возникающего и возникшего, так же, как уничтожение не является только отрицанием существующего. Возникновение чего-нибудь возможно только из чего-нибудь. Из ничего не может возникнуть что-нибудь.

Следовательно, возникновение обуславливается изменениями материи и вытекает из ее противоречивой сущности. Всякое возникновение новой формы бытия материи есть уничтожение старой, но всякое уничтожение, в свою очередь, есть возникновение. Следовательно, в процессе возникновения и уничтожения происходит и сохранение материи. Материя находится одновременно в процессе своего собственного возникновения и уничтожения, в процессе постоянного становления. Говорить при этом о начале или об абсолютном возникновении материи и ее конце или абсолютном ее уничтожении, значит заниматься безнадежной болтовней и поповщиной.

Из всего того, что мы только что сказали, можно сделать вывод, что материальный мир не состоит из готовых и раз навсегда данных вещей. Вещи, кажущиеся нам неизменными, в действительности находятся в состоянии постоянного движения, изменения и развития, возникновения и уничтожения. Людям с обыденным и метафизическим взглядом мир представляется в форме готовых и вполне законченных вещей, для людей же, стоящих на диалектической точке зрения, в форме процесса изменений. Вещи—результат движения, изменения и развития, они изменяются и уничтожаются в процессе того же движения и развития.

Движение является одной из форм бытия материи. Представить ее вне движения так же невозможно, как движение без материи. Коль скоро это так, становится очевидным отсутствие абсолютного начала и конца материи.

В наших головах отражается действительное бытие материи, но отнюдь не то, что отсутствует в ней. Мы не создаем ее и не приписываем ей возможности существования вне начала и конца. Мы лишь открываем при помощи нашей головы противоречивую сущность материи, как объективно существующей, так или иначе действующей на наши чувства, вызывающей в нас те или другие ощущения и представления. Открывая и сознавая диалектическую сущность материи, мы приобретаем величайшее орудие познания ее законов и нашего действия.

Если бы мы хотя на одно мгновение допустили возможность абсолютного начала, тем самым мы должны были бы признать отсутствие движения. Но если мы признаем движение одной из основных форм бытия материи, тем самым уже исключаем возможность абсолютного начала. Движение и абсолютное начало исключают друг друга. Абсолютное начало предполагает собою отсутствие движения, т. е. покой. Если бы мы его допустили, необходимо было бы спросить себя, каким образом материя, находящаяся в покое, могла начать двигаться? Любомудры от поповщины предлагают предположить действующее начало, находящееся вне материи. Прекрасно. Но ведь не нужно отличаться большим умом, чтобы понять, что действующее начало уже тем самым, что оно действует, находится в движении. Ясно, что действие без движения невозможно. Следовательно, говоря о действующем начале, находящемся вне материи, неизбежно приходится признать движение.

Но если бы кто-нибудь заикнулся о том, что первое действующее начало получило способность действовать от второго, тем самым, независимо от своей воли, он должен был бы признать третье, а затем четвертое действующее начало, и так без конца. Такая точка зрения была бы не чем иным, как уклончивым ответом на поставленный вопрос. Это явное противоречие, которое можно разрешить только при помощи диалектики. Однако, наши «ученые», проникнутые религиозностью не менее, чем невежеством в вопросах диалектики, разрешают этот вопрос пошлой аргументацией о существовании сверхестественного существа.

К вопросу о начале мы сейчас подойдем несколько с другой стороны. Наукой в определенную историческую эпоху было установлено, что первичным состоянием космической материи является газообразное состояние. Но установленное первичное состояние не исключает того, что оно является результатом предшествующей эволюции. Для человека данной исторической эпохи газообразное состояние является лишь самой ранней формой существования космической материи, которая относительно данной исторической эпохи и является исходным моментом развития. Познавая космическую материю в ее данном состоянии, как результат ее собственного развития, человечество в то же время познает ее в движении, изменении и развитии.

Очевидно, что оно должно будет открыть более начальное состояние материи, за которым последует третье и т. д. В силу этого нет необходимости в абсолютных, раз навсегда данных и законченных, системах познания. «Если бы в какойнибудь момент развития человечества была

составлена подобная система, вполне об'емлющая все соотношения мировых явлений, как физических, так и духовных и исторических, то, тем самым, развитие человеческого познания было бы закончено, и всякое дальнейшее человеческое развитие приостановилось бы в тот момент, когда общество организовалось в соответствии с этой системой, что было бы абсурдом, чистой бессмыслицей. При всем этом необходимо твердо помнить, что «в действительности каждое идеальное отражение системы мира остается ограниченным объективно историческими условиями, а субъективно физической и духовной организацией ее автора» *).

Примером, подтверждающим правильность диалектической точки зрения в данном вопросе, может быть современное открытие в области строения материи. С социально-экономическим развитием, с одной стороны, и с развитием научных знаний, с другой стороны, люди получили возможность научно обосновать атомное строение материи и открыть еще большую ее делимость. Радиактивность дала им возможность разложить атом. Частицы материи, составляющие его, оказались носителями электричества. По величине они в тысячу раз меньше атома водорода, как самого малого из всех атомов. Все эти частицы с чрезвычайной быстротой вращаются вокруг своего центрального ядра, как планеты вокруг солнца.

Согласно теории радиоактивного изменения, «радиоактивные вещества не неизменны, а постепенно распадаются на элементы более низкого атомного веса; уран, например, медленно разрушается, при чем одним из продуктов разрушения является радий, радий же распадается в радиоактивный газ, называемый эманацией радия, эманация—в другое радиоактивное вещество, и так далее; лучи же представляют собою нечто в роде лебединой песни, которую поют атомы, переходя из одной формы в другую; так происходит, например, когда распадается атом радия и появляется эманация, тогда возникают лучи, составляющие радиоактивность **).

В данной эволюции материи мы устанавливаем, что материя, как объективная реальность, не уничтожается, а лишь изменяются конкретные формы ее бытия. Для нас пределом делимости материи в настоящее время является электрон. Но этот предел (электрон) не дает нам права думать, что деление материи на этом заканчивается. «Сущность» вещей или «субстанция» тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня—дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственное категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» ***).

*) Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 29—30. 1905 г.

***) Успехи физики, сборник II, статья Томсона «О новейших успехах физики», стр. 133—134.

****) Ленин, Том X, стр. 219—220.

Разложение материи на электроны и протоны не является уничтожением материи, а только лишь изменением ее конкретной формы. Материя, как объективная реальность, т. е. существующая независимо от наших представлений и сознания, остается попрежнему.

«В некоторых кругах господствовало тенденциозное мнение, будто развитие физики в последние годы привело к сомнению в годности атомной теории вещества. Этот взгляд совершенно ошибочен: уже из выше изложенных доказательств ясно следует, что новые открытия не только значительно увеличили сумму фактов, говорящих в пользу теории, но дали почти прямо и убедительное доказательство верности ее. Химический атом, как определенная единица при подразделении материи, занял теперь вполне прочное положение в науке.

Оставляя в стороне чисто этимологические соображения, в химии давно уже стали считать атом лишь самой малой единицей вещества, входящей в обыкновенное химическое соединение; никогда не делалось предположения, будто атом неразрушим и существует вечно, или что никогда нельзя будет найти методов для дробления его на еще более элементарные единицы. Знакомство с электроном показало, что атом не есть самая малая известная нам единица массы, а изучение радиоактивных веществ убедило нас в том, что атомы некоторых элементов с высоким атомным весом не находятся в безусловно — устойчивом равновесии, но самопроизвольно распадаются, при чем появляются новые типы материи. Эти успехи науки отнюдь не колеблют положения химического атома, но, напротив, показывают большое значение его в качестве некоторого подразделения материи, свойства которого должны быть изучены исчерпывающим образом» *).

Таким образом, метафизически мыслящие люди предлагают рассматривать самопроизвольное распадение атомов, т. е. процесс образования «новых типов материи», как уничтожение материи. «Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатываются к отрицанию материи, т. е. объективной реальности физического мира» (Ленин). Это значит, что они предлагают нам «сие понимать духовно», т. е. идеалистически.

«Действительно, казалось вполне естественным рассматривать мельчайшие катодные частички, как первичные составные элементы всякого атома. Но вскоре к этой идее присоединилась еще другая, основанная на том соображении, что движущееся наэлектризованное тело как бы приобретает большую материальную массу, зависящую от воздействия создаваемого им магнитного поля. Поэтому вместо того, чтобы каждую такую частицу рассматривать, как ничтожнейшее количество вещества, соединенное с известным электрическим зарядом, оказалось возможным допустить, что эти частицы являются попросту электрическими зарядами, которые, благодаря своему движению, обладают кажущимися массами: другими словами, массам этих частиц приписывается чисто электромагнитное происхождение.

Этим электрическим зарядам, лишенным всякого материального носителя, дано название электронов. Их в настоящее время считают причиной всех явлений, к объяснению которых раньше привлекали ги-

* «Успехи физики», сборник, вып. II, Е. Ретгерфорд «Атомная теория в физике», стр. 77—78, 1911 г.

потезу электрической жидкости; последней, таким образом, теперь приписывают разрывное или своего рода атомистическое строение» *).

Опять же таки, метафизически мыслящие люди нам скажут, что материя, как нечто весомое и обладающее массой, превращается в нечто невесомое и имеющее кажущуюся массу. На место материального атома выступает нематериальный электрон. Материя исчезла. Материи нет. Вместо того, чтобы диалектически и материалистически понимать «материя исчезла», метафизики и идеалисты превращают электрон, который является конкретной формой бытия материи или «новым типом материи» (Ротгерфорд), в «мысленное построение» (Ферворн).

По их мнению, электрон объективно, вне нашего сознания, не существует. Но для того, чтобы понять несостоятельность метафизических и идеалистических рассуждений по вопросу об «исчезновении материи» и об отрицании материи, как объективно существующей реальности, обращаемся к одному из мест статьи Макса Планка «Единство физического мировоззрения». «Я охотно признаю, пишет он, что огромная невероятность не отличается практически от принципиальной невозможности; особенно сильно я хотел бы зато здесь подчеркнуть то обстоятельство, что нападки на атомистическую теорию и теорию электронов со стороны людей, придерживающихся иного направления, несправедливы и не выдерживают критики. Более того, я хочу им прямо противопоставить утверждение, и я знаю, что это не мое единоличное мнение: атомы, как бы мало мы ни были знакомы с их свойствами, не более и не менее реальны, чем небесные тела или чем окружающие нас земные объекты.

Я считаю утверждение что атом водорода весит $1,6 \cdot 10^{-24}$ гр., содержащим в себе истину такого же рода, как то, что луна весит $7 \cdot 10^{25}$ гр. Конечно, я не могу положить атом водорода на чашку весов, я вообще не могу его видеть, но и луну я не могу положить на весы; правда, я вижу ее, но, как известно, и среди невидимых небесных тел есть такие, масса которых более или менее точно измерена. Ведь и масса Нептуна была известна еще до того, как астрономы направили на него свои телескопы. Такого метода физических измерений, при котором бы исключалось всякое знание, основанное на индукции, вообще не существует; это справедливо даже для простого взвешивания. Достаточно только взглянуть на лабораторию для точных измерений, чтобы увидеть ту массу опыта и абстракции, которая заложена в любое измерение, сколь бы просто оно ни казалось» **).

С разрешением вопроса о начале точно так же решается вопрос о конце. Признание абсолютного конца означало бы познать мир в его абсолютно законченном виде. Но такая точка зрения логически привела бы нас к отрицанию движения. Познать материю в ее абсолютном и вполне законченном виде мы могли бы только при допущении ее вне движения, изменения и развития, т. е. в покое. Тем самым, что материя находится в движении, развитии и постоянных изменениях, предполагается невозможность ее полного познания. Познание относительно. Оно лишь приближается к пределам абсолютного ее познания, но ни-

*.) Успехи физики, вып. II, А. Риги «Новые взгляды на внутреннее строение вещества», стр. 32—34, 1911 г.

**.) «Успехи физики», сбор. вып. II, стр. 27, 1911 г.

когда не сможет достигнуть их. Абсолютного предела познания для человечества так же, как и бессмертия, нет и не может быть. Говоря просто, как теоретически, так и практически они для него совершенно не нужны. Для человечества важно, что материя, как движущаяся и развивающаяся основа его существования, познания и действий, является безусловной, но не поповско-религиозные разговоры о начале, конце и бессмертии.

Итак, познание, как процесс превращения вещей в себе в вещи для нас, относительно и обусловлено материальным производством людей в ту или другую историческую эпоху, но самая материя, как объективная реальность, является безусловной. Познание людей о мире подтверждается практикой и в силу этого приобретает для данной эпохи безусловный характер. Предел его безусловности и точности определяется также состоянием научных орудий и способов познания в данную историческую эпоху. «Вопрос о том: способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности, вовсе не теоретический, а практический вопрос. Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т. е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сию сторону явлений. Спор же о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто-схоластический вопрос» (Маркс). Люди узнают мир в своем воздействии на него. «А так как это воздействие на внешний мир предписывается ему его борьбою за свое существование, то теория познания тесно связывается у Маркса с его материалистическим взглядом на культурную историю человечества» (Плеханов).

Если допустить, что мы пришли к началу всех начал, т. е. к абсолютному пределу познания, то этим самым мы логически должны были бы признать такое время, когда ничего не было. Следовательно, должен наступить такой момент, когда из ничего возникло все. А для того, чтобы из ничего возникло все, нужно чудо или творец, фантастическое существо, обладающее не менее фантастической силой, чем он сам, для производства мира. Эта наивная и дакарская сказка, при помощи которой церковь в союзе с эксплуататорами наживала богатства и помогала материальному и моральному угнетению трудящихся масс.

Людям необходимо стремиться к научному познанию природы и общества. Им нужно знать их законы для того, чтобы, подчинив их себе, наиболее лучшим и рациональным образом устроить свое земное существование, как единственно возможное и реальное. Бессмертие, пресловутую фантазию—бога, потустороннюю сущность всех сущностей, обремененную философствующими дельцами нашей современности в тогу таинственности и недосыгаемости люди должны предоставить тем, кто подлежит дегенерации,

Из признания объективного существования материи, вытекает признание объективности закономерности, причинности, случайности и единства. Закономерность, причинность и единство мы открываем в материальном процессе, при помощи нашей головы, но отнюдь не создаем их своей головой и не приписываем ему, как нечто готовое и данное.

Законы, по которым совершаются движение, изменение и развитие материи, присущи ей. Они вытекают из ее природы, но не из головы

того или другого ученого или философа. Законы в наиболее распространенном смысле являются не чем иным, как необходимыми отношениями, вытекающими из природы вещей. Например, закон всемирного тяготения, законы маятника и свободного падения тел вытекают из природы материи, а отнюдь не из головы Ньютона и Галилея. Ньютон и Галилей при помощи своей головы только лишь открыли эти законы. Точно так же закон развития органического мира, открытый Дарвином, и закон развития человеческих обществ, открытый Марксом, ни в коем случае нельзя считать продуктами творчества мысли первого или второго. Они лишь открыли эти законы в объективной и конкретной форме бытия материи. Было бы величайшей нелепостью и вульгарностью считать эти законы, как и законы, открытые Ньютоном и Галилеем, творчеством их мысли или разума. Это логически должно было бы нас вести, например, к признанию того, что до Ньютона тела не тяготели друг к другу, а до Дарвина органический мир не развивался.

«Законы, которым следует или по которым действует природа в своем вечном движении, в своем непрестанном становлении и уничтожении, созидании и разрушении, вовсе не установлены и не предписаны ей каким-нибудь, стоящим вне ее или господствующим над ней, законодателем или несколькими такими законодателями, они являются естественным и необходимым выражением совместного действия самих вещей». При всем этом «закон природы существует не на ряду с материей или природой и не вне ее, а есть, как уже сказано, только выражение неразрывно связанных с нею самую свойств или движений или выражение правила явления, фактически существующего в физическом мире и обозначаемого абстракцией словом «закон» *).

Если бы мы признали вместе с идеалистами, что единство и причинность являются так же продуктом мышления познающего субъекта, которые он приписывает явлениям объективного мира, мы пришли бы к полнейшему хаосу, абсурду и поповщине. Следовательно, для того, чтобы, научно подойти к вопросу о познании мира, необходимо искать его единства, закономерности и причинности не в сознании познающего субъекта, а в объективной природе самого материального мира. Результаты спектрального исследования солнца, планет, комет, звезд и туманностей показали, что единство материи присуще ее природе, но отнюдь не творческой способности Киргофа, Бунзена, Гюйгенса и др.

Спектральное исследование солнца устанавливает безусловное существование в солнечной атмосфере многих элементов, находящихся на земле: углерода, кислорода, водорода, меди и др. В атмосфере Венеры, Меркурия, Сатурна и Юпитера присутствуют водяные пары. Исследование комет Гюйгенсом открыло существование в них углеводов, химическое соединение углерода и водорода. Эти соединения очень распространены на земле в виде болотного газа, этана, бензина, нефти и т. д. В туманностях созвездий Ориона, Андромеды и Лиры установлено существование водорода и гелия. Наконец, спектры некоторых звезд показывают присутствие в них водорода, гелия и металлов: железа, магния и кальция. В атмосфере звезд, отнесенных Фогелем к 3-му классу, существуют пары углеводов и цианов.

*) Бюхнер «Сила и материя», стр. 55. 1907 г.

Ясно, что единство материи, в данном случае, в ее химическом составе, было и до существования людей, и после, до того, как людям, на известной ступени их социального и научного развития, удалось при помощи спектроскопа открыть объективное существование этого единства материи.

Отметим еще один факт, подтверждающий несостоятельность идеалистической точки зрения, а именно: открытие прошлого столетия в области органического мира, связанное с именами Маттиаса Шлейдена и Теодора Швана. Они открыли клетку, которая является основой животных и растительных организмов. Ясно, что ни один нормальный человек не будет отрицать того факта, что клетки, как основа животных и растительных организмов, существовали объективно и до их открытия Шлейденом и Шваном, никто не будет утверждать, что они являются продуктом психического творчества того и другого. Ибо отрицание первого и утверждение второго неизбежно ведет к признанию того, что клеток, как основы животных и растительных организмов, не существовало до Шлейдена и Швана. Но абсурд и нелепость последнего предположения подчеркивались бы тем, что животные и растения существовали, тогда как клетки—их основа не существовали до открытия их Шлейденом и Шваном. Такова логика поповско-идеалистической постановки данного вопроса.

Признавая объективность существования материи, материалисты признают и объективность основных форм бытия ее движения, пространства и времени. Вне их представить себе материю невозможно. И, если идеалисты отрицают объективность материи и ее основных форм бытия: движения, пространства и времени, то тем самым они неминуемо приходят к абсурду и поповщине. «Неподвижное состояние материи оказывается одним из самых пустых и нелепых представлений, чистым «горячечным бредом» (Энгельс). Кто не потерял еще способности мыслить материалистически, понимает, что мыслить материю без движения так же нельзя, как и движение без материи.

Такие древние материалисты, как Левкипп и Демокрит, Эпикур и Лукреций, кладя в основу всего сущего атомы, как объективно, вне нашего сознания существующие, утверждали, что атомы находятся в вечном движении. Движение вытекает из природы атомов, вне которых его мыслить нельзя. В силу того, что атомы,—по природе своей, движущиеся начала, возможно возникновение и образование вещей.

Английский материалист Томас Гоббс придерживался взгляда, что движение является одним из основных свойств материи. Материя не является неподвижным началом, получающим от внешнего, чуждого ей толчка способность к движению.

Современник Лейбница (1646—1710), английский материалист Джон Толанд (1670—1722), считал движение существенным свойством материи. «Я думаю, пишет Толанд, что до сих пор материя определялась только на половину или даже на одну треть, когда определялась, как протяжение, ибо из одного протяжения никак не могут вытекать многие ее модификации; вот почему все ее двигательные эффекты считались не существенными для нее, а побочными и инородными, как не входящие в ее определение» *).

*) Д. Толанд—Избр. соч., стр. 96. ГИЗ. 1927 г.

На следующей странице читаем «Но, если движение свойственно материи, то оно должно быть существованием. Вся материя в природе, во всех частях и в движении и вовсе не может быть в другом заключенные внутри наиболее плотных и массивных железных брусьев и золотых слитков, так же как и частицы непрерывной активности, как частицы огня, воздуха, они действуют не по одинаковым законам и не в одинаковой активности между собою. Ибо эта активность внутренне присуща им всем, а также всем остальным во вселенной, хотя их специфические движения различны; последнее происходит вследствие различных модальностей». (Стр. 97).

Признавая движение существенным свойством материи, утверждает, что материя без движения должна была бы быть «ничто лишнее всякого образа, света, не тяжелое, не гладкое, не сладкое и не кислое, не горячее и не холодное, лишнее всяких чувственных качеств, лишнее всяких форм и каких бы то ни было отношений; ибо все это происходит от движения, как от него же зависят формы, их рождение, развитие и гибель в результате перестановок и прочих размещений их частей». «Ибо все являются естественными и несомненными явлениями или, вернее, самими явлениями под различными и определениями» (стр. 97—98).

Аналогичную точку зрения на движение развивают материалисты Ла-Метри, Ламетри и Гольбах.

В «Трактате о чувственности» Ламетри пишет: «некоторые философы в числе их Декарта утверждали, что душа — существо только протяженное, без всякой чувственности». Гольбах утверждает, что чувственность — свойство материи, а не души. «Современными философами утверждается, что душа — это субстанция, которая не имеет протяженности, как и способна к движению, как и способна к ее свойствам».

Нападая на философов, Гольбах утверждает, что душа — явление и действие, происходящее в прямом противоположении к себе, по природе. «Будете ли вы утверждать, что душа — явление?»

Гольбах утверждает, что душа — явление, происходящее из совокупности своей энергии. «Душа — это совокупность различных разнообразных ощущений».

*) Ла-Метри
**) Дидро

ходит от различия свойств, качеств, сочетаний, заключающихся первоначально в различных первичных веществах, совокупностью которых является природа».

Дальше Гольбах пишет: «если нас спросят, откуда явилась материя, мы ответим, что она существовала всегда. Если спросят, откуда появилось у материи движение, мы ответим, что по тем же основаниям она должна была двигаться от вечности, ибо движение есть необходимый результат ее существования, ее сущности и таких ее первоначальных свойств, как протяженность, вес, непроницаемость, фигура и т. д.» (стр. 27).

В заключение по вопросу о движении мы говорим вместе с Энгельсом, что «движение есть форма существования материи. Никогда и нигде не было и не могло быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных мировых телах, колебание молекул в виде теплоты или электрического либо магнетического тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь,—в той или другой из этих форм движения, или в нескольких зараз, находится каждый отдельный атом вещества в каждый данный момент. Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл по отношению к той или другой определенной форме движения».

Так, например, известное тело может находиться на земле в состоянии механического равновесия, т. е. механически—в состоянии покоя, но это не мешает тому, чтобы оно принимало участие в движении земли, как и в движении всей солнечной системы, так же, как не мешает и его мельчайшим физическим частицам испытывать обусловленные его температурой колебания или же атомам его вещества участвовать в известном химическом процессе. Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи. Движение, поэтому, точно так же нельзя создать и разрушить, как и самую материю,—мысль, которую прежняя философия (Декарт) выражала так: количество наличного в мире движения всегда одно и то же. Следовательно, движение не может быть создано оно может быть только передано *).

Переходя к вопросу о пространстве и времени мы должны начать с гносеологического разрешения данного вопроса, т. е. о том, являются ли пространство и время объективными формами бытия материи или нет. Нам важно уяснить здесь не вопрос о понятии пространства и времени и его изменениях, а являются ли они объективной или субъективной реальностью. Отвечая так или иначе на данный вопрос, мы даем тем самым материалистическое или идеалистическое его разрешение. «Нам вовсе нет дела здесь до того, как понятие преобразуется в голове г. Дюринга. Речь идет не о понятии времени, но о действительном времени, от которого г. Дюринг не откупится столь дешевой ценой. Пусть даже понятие времени превратится в более общую идею бытия, однако, от этого мы не подвинемся ни на шаг далее, ибо—основные формы всякого бытия суть пространство и время, и бытие вне времени представляет столь же великий абсурд, как и бытие вне пространства» **).

Для нас, как материалистов, пространство и время являются объективными формами бытия материи. Представить себе материю вне про-

*) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 64—65, 1905 г.

**) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 52—53, Изд. СПб 1905 г.

странства и времени невозможно. «Пространство и время суть формы существования всякого существа. Только существование в пространстве и времени есть истинное существование... Пространство и время суть формы обнаружения действительно бесконечного» *). Итак, материалисты говорят, что пространство и время являются основными и объективными формами всякого бытия. Идеалисты же полагают, что пространство и время являются субъективными формами созерцания, или, как говорит Кант: «пространство—это необходимое представление а priori, которое лежит в основе всех внешних созерцаний», а «время—это необходимое представление, которое лежит в основе всех созерцаний». При этом время так же, как и пространство, дано а priori.

Исходя из принципа априорности пространства, Кант пишет в «Критике чистого разума», на стр. 52 (Изд. Попова, СПб, 1897 г.): «Никогда нельзя представить себе, что пространства нет, хотя вполне можно мыслить, что в пространстве нет никаких предметов. Итак, на него надо смотреть, как на условие возможности явлений, а не как на определение, зависящее от этих явлений; это представление а priori, которое необходимо лежит в основе внешних явлений». Таким образом, пространство не только не является объективной формой бытия материи, но к тому же оно дано до всякого опыта. Оно является «необходимым представлением а priori». Это значит, что оно врождено.

«Трансцендентальное понятие явлений в пространстве есть критическое напоминание о том, что вообще ничто, что созерцается в пространстве, не есть вещь в себе, что пространство не есть форма вещей, которая свойственна им в себе, что предметы в себе нам совсем не известны, что то, что мы называем внешними предметами, есть не что иное, как только представление нашей чувственности, форма которой,—пространство, и что этим ее истинный коррелят, т. е. вещь в себе, еще не познается и не может быть познана, о чем, впрочем, в опыте не возникает и вопроса» **).

Из только что приведенной цитаты видно, что по Канту пространство не является формой вещей. Вещи это—лишь только «представления нашей чувственности» или, иначе, «комплексы представлений». При всем этом оно, как и время, дано а priori. Оно является условием возможности явлений, внешней формой которых и является пространство, а не определением, зависящим от явлений. Пространство, как «представление а priori, необходимо лежит в основе внешних явлений».

«Время—необходимое представление, которое лежит в основе всех созерцаний. Во всех явлениях вообще нельзя исключить времени, хотя вполне возможно исключить из времени все явления. Итак, время дано а priori. В нем только и возможна вся действительность явлений. Все явления могут упраздниться, но само оно (как общее условие их возможности) не может быть уничтожено» ***).

Понятно с этим Кант подчеркивает, что «время не есть нечто такое, что существовало бы в себе или было присуще вещам, как их объективный признак». А коль скоро это так, то «время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. созерцания нас самих и нашего

*) Фейербах соч. том I стр. 66—67.

**) Кант «Критика чистого разума», стр. 57 Изд. СПб, Попова 1897 г.

***) Кант «Критика чистого разума», стр. 58 Изд. СПб, Попова 1897 г.

внутреннего состояния». Поскольку «материя, по мнению Канта, есть только форма или известный способ представления неизвестного предмета путем того созерцания, которое называют внешним чувством», постольку пространство и время принимаются Кантом за формы этих представлений.

Пересказом этих идеалистических рассуждений занимается д-р Густав Лебон. Ведя энергичную борьбу с материализмом, он глубоко-мысленно заявляет: «время и пространство суть субъективные понятия, вносимые нашим сознанием при изменении явлений... Не только время и пространство, но и все явления мы должны считать творениями нашей познавательной способности, начиная с материи, которую мы полагаем, что знаем, и кончая созданными нашими грезами богами. Мир, построенный на основании впечатлений наших чувств, беглое и малодостоверное изображение действительного мира, которого мы не знаем» *).

Движение, развитие и изменения происходят и могут происходить только во времени и в пространстве. И, если идеалисты отрицают объективность как движения, так пространства и времени, то они неминуемо попадают в сети разного рода нелепиц. Никто же из материалистов не станет сомневаться в том, что образование нашей солнечной системы из туманнообразной космической материи происходило и в пространстве, и во времени. И ни один из тех, кто не заражен идеалистической и религиозной заразой, не будет отрицать того факта, что образование земного шара и те изменения, которые происходили на нем, происходили и во времени, и в пространстве. При этом они происходили в то время, когда не только мыслящих, но и вообще никаких существ не было.

Следовательно, допустить, что пространство и время являются субъективными формами, которые люди привносят в мир вещей, значит признавать, что было такое время, когда не было никакого времени и пространства. Но ведь образование солнечной системы происходило тогда, когда не только людей, но и вообще никаких животных существ не было. Как же оно могло происходить при отсутствии пространства и времени? Признание идеалистической точки зрения в данном вопросе приводит к величайшему абсурду, который «по здравом размышлении» едва ли кто станет защищать.

Признавая материю объективной реальностью, мы тем самым не оставляем места для бога. Материя—объективная, движущаяся, изменяющаяся и развивающаяся реальность, которая предполагает собою ненужность божественной или сверхестественной силы. Вот почему необходимо ее опровергнуть, — полагал в свое время поп Беркли. Отрицая материю, как объективную реальность, идеалисты вместе с попом Беркли приходят к религии и вере в бога. Поповско-идеалистическая мысль о том, что только при отрицании материи возможна религия и вера в бога, высказывается и защищается П. Дейссенем в работе «Веданта и Платон».

«Мир, весь мир, как он неизмеримо простирается вокруг нас в бесконечном пространстве, а равно и неисследимое изобилие чувств, стремлений и представлений, выступающее нам навстречу из нашей внутренней глубины,—все это есть только явления, только форма, кото-

*) Г. Лебон «Эволюция сил», стр. 13. СПб. 1911 г.

рую принимает сущее, чтобы быть представленным в сознании, подобном нашему; но не форма, в которой могут существовать вещи в себе, независимо от нашего сознания, в их последней, глубочайшей, самой внутренней сущности. На этой мысли, как на осознанной или бессознательной предпосылке, покоятся, как уже замечено, все религии, всякая, проникающая в глубину, философия (идеалистическая. В. Л.), а также и все искусство, в полном смысле достойное этого имени» (стр. 7).

Приведенная только что цитата так же, как и все рассуждения Беркли в его «Трактате о началах человеческого знания», направленные против материализма, говорят нам о том, что религия связана с идеалистическим мировоззрением, которое берет свое начало в анимизме.

«Высшие блага религии, драгоценнейшие утешения, какими она располагает, могут быть выражены в трех словах: бог, бессмертие и свобода. Эти три блага спасения могут оставаться в силе лишь в случае, если Кант прав, если пространство, время и причинность суть лишь субъективные формы созерцания, и, таким образом, весь простирающийся в пространстве и времени и законом причинности управляемый мир есть лишь явление, а не вещь в себе, ибо при допущении, что окружающий нас мировой порядок есть вечный и пребывающий независимо от сознания порядок вещей в себе, бессмертие и свобода рушились бы безвозвратно и всю религию пришлось бы похоронить» (стр. 10—11).

Таким образом, религия и ее «высшие блага: бог, бессмертие и свобода» рушились бы безвозвратно и религию пришлось бы похоронить, что весь мир есть наше представление или явление. «Только благодаря Канту религия стала возможной в мире»,—пишет «дипломированный лакей поповщины» Пауль Дейссен. И если бы мы допустили, заявляет он, «что окружающий нас мировой порядок есть вечный и пребывающий независимо от сознания порядок вещей в себе», т. е. если бы мы признали материю, существующей объективно, независимо от наших представлений и сознания, то «бог, бессмертие и свобода» рушились бы безвозвратно и религию пришлось бы похоронить. Ибо, дальше пишет Дейссен «материализм есть единственное возможное, правильное и последовательное мирозозерцание. В бесконечном, частью пустом, частью заполненным телами пространстве нет места для бога». Этим утверждением Дейссен совершенно опровергает религиозно-идеалистические воззрения. Но как бы не замечая сказанного, Дейссен остается на идеалистической точке зрения, при помощи которой он делает попытки защитить и обосновать религию и ее «высшие блага: бога, бессмертие и свободу».

Итак, с материализмом, который исходит из признания объективного, независимо от представлений и сознания людей существующего материального мира, связан атеизм. Признание движущейся, изменяющейся и развивающейся материи объективной реальностью не оставляет места богу. Диалектический материализм опровергает веру в бога. Он имеет дело с материальным миром и его законам. Материализм является научным мировоззрением. Поэтому «представление о нематериальной силе, созидающей материю, есть одно из тех допущений, которые не имеют ничего общего с наукой. Где начинаются мистические верования, там кончается истинная наука» (Геккель).

М а с л я н и ц а

І. В в е д е н и е.

Одним из наиболее крупных и популярных «народных» праздников, медленно сходящим со сцены и далеко еще не везде исчезнувшим у нас в нашем старом сельском и городском быту, является, бесспорно, масляница. Календарно падая на вторую половину зимы, она охватывает собою последнюю неделю перед, так называемым, великим постом и именуется на церковном языке «сырной седмицей», у верующих—веселой, широкой, пьяной, обжорной и т. п. масляницей-разорительницей.

Действительно, самая многодневность, продолжительность масляницы и многообразное, разгульное бытовое прохождение ее,—как мы увидим дальше,—целиком и полностью оправдывают все эти ее народные именованья. Церковное же название ее «сырной седмицей» объясняется тем, что на все дни данного праздника церковью разрешается верующим питаться, главным образом, молочными продуктами, а также яйцами, рыбой и т. п. и запрещаются продукты мясные. Таким образом церковь,—по ее словам,—устанавливает на эту неделю как бы полупост и тем постепенно подготавливает верующих к «великому посту», с его крайним воздержанием от животной пищи.

Занимая искони видное место в нашем старом быту и являясь значительной частью религиозно-праздничного календаря наших верующих, масляница ежегодно приносила и приносит огромный социальный вред широким трудовым массам. В настоящее же время она, как и все подобные праздники вместе со всей и всяческой религией, является одним из многочисленных остатков, пережитков проклятого дооктябрьского прошлого, одним из тормозов на пути нашего социалистического строительства на фронте политическом, экономическом и культурном.

Как таковая, масляница, подобно рождеству, пасхе и троицному дню, должна обратить на себя особое внимание со стороны всех активных борцов за новый строй и быт и в первую очередь—со стороны воинствующих безбожников, антирелигиозников. Одной из их задач здесь—помочь трудовым массам, еще не освободившимся от религиозного дурмана и пропитанного последним старым быта, выбросить, вымести железной метлой навсегда и этот социально-вредный пережиток, наследие отживающего мира. Но чтобы легче бороться с масляницей, каждому активисту необходимо ближе ознакомиться с ней, разобраться в ее содержании, происхождении, классовой сущности и роли.

Соответствующей специальной антирелигиозной литературы на эту тему у нас, насколько нам известно, нет. Стремясь хотя бы частично заполнить этот пробел, мы в настоящей работе даем краткий обзор и разбор вышеупомянутых сторон масляницы, при чем, конечно, не претендуем ни на какую полноту, глубину и оригинальность, самостоятельность трактовки данной темы. Приступая к последней, мы отмеча-

ем также, что обилие, разнохарактерность, разнообразность и отрывочность известного нам масляничного старобытового содержания крайне затрудняют какое либо связанное, систематическое его изучение и понимание, а неосведомленность о том, что из него уже исчезло из быта, сошло со сцены и что осталось пока, не позволяет основательнее останавливаться на оставшемся, бытующем, и лишь бегло касаться отжившего.

2. Понедельник: встреча масляницы детьми.

Масляница,—как было уже сказано,—охватывает особую целую неделю, япри чем по вполне понятным причинам материального и пр. порядка празднование ее неравномерно: одни из ее дней справлялись и справляются более широко, обильно, весело и торжественно, другие—мелче. Каждый из этих дней еще исстари получил специальное название. Так, понедельник обычно называется «встречей», вторник—«заигрышами», среда—«лакомками», четверг—«широким, разгуляем, переломом», пятница—«тещиными вечерками», суббота—«золовкиными посиделками», воскресенье—«проводами, прощеным днем», понедельник за ним, начало великого поста—«чистым».

Итак, масляница начинается с понедельника, со «встречи». Начинают ее теперь, «встречают» обычно прежде всего дети. Для этого они лепят из снега высокие горки, забираются на них и призывают—приветствуют масляницу, как некую желанную гостью, такими словами:

«Звал, позывал честной семик широкую масляницу к себе в гости во двор. Душа-ль ты моя, масляница, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться. Уж ты-ль, моя масляница, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трехматерина дочка, коточка-ясочка, ты-ж, моя перепелочка! Приезжай ко мне во тесовый дом душою потешиться, умом повеселиться, речью насладиться».

Выезжала честная масляница, широкая боярыня, на семидесяти семи санях козырных, во широкой лодочке, во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Как навстречу маслянице выезжал честной семик на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Приезжала честная масляница, широкая боярыня, к семику во двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться.

Ей-то семик бьет челом на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Как и тут-ли честная масляница на горах покаталася, в блинах повалялася, сердцем потешалася. Ей-то семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовый терем, за дубовый стол к зелену вину. Входила честная масляница, широкая боярыня, к семику во тесовый терем, садилася за дубовый стол к зелену вину. Как и она-ль, честная масляница, душою потешалася, умом повеселилася, речью наслаждалася».

Проговорив это скороговоркою, дети сбегают с гор с веселым криком: «Приехала масляница! Приехала масляница!». Не довольствуясь этим, в некоторых местах они утром изготовляли из соломы куклу, надевали на нее кафтан и шапку, опоясывали кушаком, обували в лапти и па салазках ввозили на снежную горку с вышеприведенным причи-

танием встречи. Повидимому, кукла эта изображала собой семик, едущий на встречу желанной гостье-маслянице.

Как видим из всего этого, масляница образно представлялась богатой—«широкой» боярыней, торжественно приезжавшей в лодке на санях к «лапотнику» семику,—старинному славяно-языческому весенне-летнему празднику, поглощенному троицей и духовым днем. Какой смысл имела эта «встреча» ее и приветствие,—это мы выясним дальше, когда будем говорить вообще о происхождении масляницы и смысле ее бытового содержания. В заключение же отметим оригинальную встречу детьми масляницы в некоторых селениях Переславль-Залесского района, Владимирской губернии.

«В некоторых местах,—рассказывает местный краевед М. П. Смирнов,—начинали праздновать ее с субботы предшествующей недели; это так называемая, «малая маслинка». В этот день дети ходят артелями под окнами и поют: «Иван, Матвей, подавай лаптей, рыбки кусочек с коровий носочек!». Набрав лаптей, обычно старых, которые нарочно берегутся на этот случай, дети встречают возвращающихся из города или с базара с покупателями с вопросом: «Везешь ли масляницу?». Кто ответит—«нет», того бьют этими лаптями. Это — «начин масляницы». В этот день ребята катаются с гор с особым задором; есть примета: «кто дальше из них закатится, в семье того мальчика лен уродится долгий».

3. Катанье с гор и на санях, карусели, качели, балаганы.

Масляница — праздник веселья, шумного смеха, многообразных увеселений, в которых некогда принимали участие не только дети и молодежь обоего пола, но и взрослые. Достигая своей высшей точки в «широкий четверг», все это начиналось уже со «встречи»,—с понедельника. К этому дню обычно устраивались на людных и удобных местах снежные и ледяные горы, карусели, гигантские шаги, качели, балаганы со скоморохами и первое катанье на санях. Буйно-шумливое в провинции, особого размаха достигало это в столичных городах,—Москве и Ленинграде, где масляничные увеселения часто открывались самими царями. Так делал, например, Петр I в Москве, на Красной площади, качаясь со своими офицерами на качелях и подавая тем пример остальным.

Позднее и до самого конца XVIII века катанье с ледяных гор и на санях в Москве происходило обычно на реке—Москве и на Неглинной, от Воскресенских и до Троицких ворот, где теперь находится Александровский сад. В Ленинграде под эти увеселения отводилась некогда Исакиевская площадь, при чем аристократия и прочие богачи, не желая смешиваться с «чернью», катались и гуляли на окраинах столицы. Другим местом народных увеселений там долгое время была Охта. Считали, что масляница сначала приезжала именно сюда, на Охту, отсюда затем следовала в Ямскую и только потом—в самый город. Там устраивались высокие ледяные горы, и всем вменялось в обязанность с них покататься,—кто не делал этого, тот считался отъявленным врагом масляницы и осуждался.

Видное место среди всех этих увеселений занимали «скоморохи», выступавшие как в специальных балаганах, так и просто, на площадях и углах бойких улиц. Это были одновременно и бродячие певцы, и

сказители, и шуты-забавники, и примитивные артисты, приглашавшиеся обычно в княжьи дворы, на свадебные и прочие пиры богачей, а в остальное время кочевавшие по градам и весям со своими «утехами великими». Говоря о них, автор «Народной Руси»—А. А. Коринфский пишет: «Древний скоморох повествовал о местах далеких, начинал свою «игру-песню» из-за синя-моря, переплетая повествование рассказами о своих похождениях, «скакал по мысленному древу», возносился под облака, мчался через доли и горы, воспевал Илью и Соловья-разбойника, и «Премудрость Соломонову», и «глухоморье зеленое», перепархивая от старины стародавней к веселым прибауткам и шуточкам, иногда и не совсем поучительного склада.

С конца XVI века, а особенно в середине XVII века, по свидетельству Адама Олеария и других современников,—скоморох отделяется от гусельника и водит его за собой только для подыгрывания или подпевания, сам немало теряя в глазах любителей древнего песнотворчества. «Скоморох голос на дудке настроит, да житья своего не установит»,—гласит народная пословица, и вот плясуны, певуны, потешники-скоморохи бредут по всему русскому раздолью, из города в город, от села к селу,—на улице, на площадях и полях увеселяют народ в праздничное время. То в разброд, парами или—по старине—и в одиночку, то целыми ватагами, дают они свои представления под игру седобородых гусельников...

Появляется новый род скоморохов—скоморохи-кукольники, обязывающиеся крашениной и устраивающие у себя над головой нечто вроде кукольного балагана. «Игры, глаголемые куклы», прибавляются к длинному списку преступлений против веры и нравственности в глазах строптивых книжников. А между тем, «игры» эти сначала были совсем невинными проявлениями народного остроумия, веселыми-безобидными шутками; затем стало примешиваться к этому общественное содержание, а потом уже и «соромные действия», так поразившие заезжего «немца» Олеария.

Скоморохи-кукольники, в сопровождении гусельника, были предметом общего удивления и восторга и на шумной московской площади, и на улице захудалого посада-пригорода, и под сенью боярской хоромины, и под навесом старых ветел в деревенском хороводе. Везде за ними ходили толпы народа, щедро оделявшего потешников чем попало: и мелкой медью, и всем, кто чем богат, и даже крепким русским словом.

О гусельниках-кукольниках можно составить довольно верное понятие по представлениям современного «Петрушки», почти целиком сохранившего некоторые особенности старинной «кукольной игры»... И теперь еще можно видеть не только эти остатки старинной потехи, но и народных скоморохов—в лице балаганных «дедов-стариков», на Украине—гусляров-кобзарей, а на крайнем севере, да кое-где на Волге, и певунов-сказителей, оставивших гусли и, безо всякого подыгрыша, голосом ведущих пересказы былии стародавних».

Вот эти-то «скоморохи» и были,—как мы уже сказали,—одним из излюбленных и наиболее посещаемых «номеров» масляничного увеселения, при чем их главной задачей было, в таких случаях, вызывать у слушателей и зрителей как можно больше смеха, веселья. Для чего? Прост для под'ема праздничного настроения у них, забавы ради? Нет, не только, а первоначально и не столько для этого: некогда этим пре-

следовалась совершенно иная, более глубокая и серьезная цель, связанная с одним из магических представлений; ее мы вскроем и на ней остановимся дальше.

4. Блины и прочая снедь.

Наряду со всеми этими и другими увеселениями чествование масляницы заключалось также в широком, неумеренном потреблении многообразных «яств и питий», откуда и ее народные названия «обжорной», «пьяной» и т. п. Действительно, в этом отношении масляница далеко превосходила все прочие религиозные и старобытовые праздники, не исключая пасхальной недели и рождественских святок. Царило и целую неделю длилось форменное обжорство и дикий пьяный разгул, влекшие за собой все, вытекавшие из них, последствия. Во главе и на первом месте из всей масляничной снеди стояли и стоят традиционные блины, являющиеся специальным блюдом данного праздника: «Без блинов—не масляница»,—говорят верующие.

В силу такой «ответственной» роли блинов печение их для домохозяек некогда было, а местами и до сих пор еще осталось, настоящим священнодействием. Зажиточные начинали запекать блины уже с понедельника, со «встречи», при чем изготовление опары совершалось в секрете, потаенно, с различными обрядами и поверьями. Так, некоторые хозяйки выходили ставить ее накануне, с вечера, из снега на дворе при свете месяца и причитали при этом: «Месяц, ты, месяц, золотые твои рожки! Выгляни в окошко, подуй на опару», считая, что после этого блины всю неделю будут рыхлые и белые. Другие для этого ставили опару на берегах рек, озер и около колодцев при свете звезд. Соблюдали они при этом крайнюю осторожность, боялись, как бы чего не забыть, не упустить и т. д., ибо «неудачные» блины отравляли хозяйке и всему дому праздник и даже налагали «тьму» на ее хозяйственные способности и радивость.

Такое «деликатное» дело, как приготовление опары и печение блинов,—как видим,—требовало знания и опыта. На этой почве в древности еще сложился обычай: молодыежены перед масляницей приглашали тещу, чтобы она научила свою дочь этому искусству. Приглашение считалось большой честью и знаком высокого уважения зятя к теще, почему охотно принималось и долго служило предметом обсуждения различных «кумушек», а также всей родни. В ответ на него теща с вечера отправляла к дочке все необходимые кухонные принадлежности для печения блинов: кадку под тесто, сковородки, половник и пр., а тесть присылал ей и зятю мешок гречневой муки и несколько фунтов коровьего масла. Пренебрежение с той или другой стороны к этому обычно считалось бесчестием и обидой и влекло к обоюдной ссоре и вражде.

После становления опары, утром начиналось самое печение и поедание блинов со всякими «приправами» и спиртными напитками,—по достатку домохозяина. Первый выпекаемый при этом масляничный блин, как правило, некогда и теперь местами не седался в семье, а или отдавался нищим «на помин усопших», или же клался на слуховое окно для душ умерших родственников, чтобы они могли полакомиться им, при этом приговаривали: «Честные родители наши, вот для вашей души блинок!». Начиная с понедельника, а кто победнее—с четверга или

даже еще позднее, блины уже не сходили со стола и считались главным масляничным блюдом. Послали их в огромном количестве; находились любители, которые уничижали их за один присест, обязательно горячими, по несколько дюжин, не считая «приправ» к ним, и успокаивали себя словами, что «блин не клин—живота не расколёт».

Блины ели в домах у себя и в гостях, ели их также на столах и прилавках в различных харчевнях и «обжорных рядах». На почве неумеренного потребления блинов, при том трудно варимых желудком, и прочей снеди с пьянством на маслянице искони были массовые смертные случаи и заболевания от несварения желудка, апоплексического удара и др. Что творилось тогда, в эти дни, можно судить по описанию масляницы на Охте, в Ленинграде, даваемому Н. Степановым в его книге—«Народные праздники на святой Руси».

«До нас ~~дошло~~,—пишет он там,—описание охтянки, «первоначальницы» масляницы, которую представляли нагруженную блинами, оладьями, и пирогами. В прежние годы нигде столько не пекли и не ели блинов, как на Охте. Всякая хозяйка дома, встав рано по утру, заботилась о том, чтобы побольше наготовить всяких угощений, а хозяин зазывал к себе гостей. Пир шел горой чуть не в каждом домике. Масляничный восторг выражался в пении, пляске, различных играх молодежи, сменяясь время от времени плачем слишком наугостившихся женщин, которые обнимали друг друга, приговаривая: «Матушка, кумушка, сватушка, кабы ты—ты то у меня, чтобы там было!». «Насилу дождались такого праздника, а его дожидались целый годик. Да что делать, хоть на час да вскачь». И это чрезмерное невожатание, этот масляничный разгул, в конце недели достигающий своего апогея, объясняется упорно державшимся старинным взглядом, что не потешиться в широкую масляницу—значит «жить в горькой беде и жизнь худо кончить».

5. Вторник—заигрыши: приглашение молодежи в гости; масляничные куклы.

Следующие два дня масляницы там, где она справлялась целую неделю и проходила по обычному «чину», носили, главным образом, семейный, родственный характер. В некоторых местах, например, в Вологодской губернии, подготовка к ним велась еще с предыдущего воскресения: тесть заезжал за зятем и приглашал его к себе «доедать барана». В других местах на масляничный понедельник намечался распорядок родственныи посещений и взаимоотношений: «с утра свекор и свекровь отправляли невестку на день к отцу с матерью, а вечером сами приходили к сватам в гости. Здесь, за круговой чашей, уславливались,—когда и где проводить время, кого звать в гости, когда кататься по улицам?».

Чаще эти семейные угощения начинались со вторника,—с «заигрышей», и охватывали, прежде всего, молодежь. Зажиточные семьи, особенно, где имелись незамужние дочери-невесты и неженатые сыновья, посылали «позываток» по родне и знакомым с предложением прислать к ним своих таких же дочерей и сыновей покататься с гор и вообще повеселиться. Позываток встречали с почетом и угощали, при чем через них или обещали прислать своих детей в гости к вечеру, или же отказывались со ссылкой, что, мол, у них самих устроены горы и

приглашены гости. Отказ, конечно толковался по разному и рассматривался под углом зрения тех или иных брачных и прочих перспектив. Пришедшую в гости молодежь обильно угощали и отпускали на катанье, а хозяйева строили различные брачные планы, так как приглашали с расчетом, что сыновья выберут себе невест, дочери «суженых», чтобы затем «сыграть свадьбу» на Красной горке, после великого поста.

Оригинальный обычай несколько иного порядка, связанный с масляничным вторником, имеется в некоторых селениях Переславль-Залесского района, Владимирской губернии. М. И. Смирнов так описывает его:

«Во вторник пекут из теста куклы, и в тех домах, где есть маленькие дети, делают куклы из тряпок, величиной от $\frac{1}{2}$ арш. до 1 арш. Куклы эти изображают собой мужчин и женщин, по большей части—с протянутой рукой. Их надевают на шести, высотой в 3—4 арш. и ставят перед окнами сажнях в 4—5 от дома. А так как малые дети есть почти в каждом доме, то в этот день деревенские улицы... пестрят от выставленных кукол, около которых толкуются целый день густые толпы детей, любующихся куклами или осыпающих их свежками. Вечером перед ужином куклы снимают и отдают их ребятам в полное их распоряжение: одни уничтожаются ими тут-же, другие хранятся в течение нескольких дней до самого поста. Куклы же, испеченные из теста, с'едаются за ужином и запиваются вином».

6. СРЕДА—ЛАКОМКА: визит к теще; хождение с мылом; столбы; посещение кумовьев, проделки молодежи.

Масляничная среда, или «лакомки», занята обычно родственными визитами, особенно со стороны молодоженов. Старобытовой семейный уклад и этикет требовали, чтобы молодой зять с женой, а местами—и со своими родителями, в этот день нанес визит, побывал в гостях у своей тещи и тестя. По прибытии гостей теща устраивает их угощение, при чем почетное место отводится «молодым» и за ними особо ухаживают. После угощения последние уезжают кататься с бывшими подружками невесты, а сваты продолжают свою застольную трапезу и беседу.

Не обходится порой и без скандалов, в особенности, если зять чем либо недоволен тещей. Иллюстрируя это бытовым примером, приведем сообщение С. Максимова относительно некоторых местностей Саратовской губ. Говоря о враждебном поведении зятя в отношении угощающей его тещи, названный автор пишет:

«Это бывает в тех случаях, когда молодой считает себя обманутым. Тут уж, как ни старается теща «разлепешиться в лепешку» перед молодым, но он остается непреклонным. На все угощения отвечает грубо: «не хочу, от прежних угощений тошнит... сыт, дома наелся», а то и просто нанесет теще: какое-нибудь символическое оскорбление: накрошит блин в чашки с кислым молоком, выльет туда же стакан браги и вина и, подавая жене, скажет: «на-ко, невинная женушка, покушай и моего угощенья с матушкой; как тебе покажется мое угощенье, так мне показалось ваше».

Иногда раскуражившийся зять не ограничивается символами и при теще начинает, по выраженью крестьян, «отбивать характер» мо-

лодой жене. А случается, что и теща получит один, другой подзатыльник. Достоинно примечания, что ни молодая, ни теща почти никогда в таких случаях не протестуют, так как сознают свою вину (!). Удивительно также, что тесть не только не останавливает зятя, но, по уходе молодых, считает своим долгом поучить старуху, чтобы «лучше смотрела за девками».

Подобное поведение зятя по отношению к теще и ее всяческая заботливость о нем нашли свое отражение в целом ряде народных песен и игр холостой молодежи, где изображается, например, «как теща про зятя блины пекла—как у тещи головушка болит—как зять-то удач теще спасибо казал». Закачивается же это угощение тем, что «молодые» вечером уезжают в гости к родителям молодожена, а родители «молодухи» или тоже едут с ними туда, или делают ответный визит на следующий день.

Несколько иначе проходят визиты молодых в Пензенской губ., где они называются «хождением молодых с мылом». Зять со своей молодой женой отправляется в этот день к тестю, где их угощают различными сладостями. Вечером сибираются подруги молодой и ее родственники, при чем она вспоминает свое девичье житье, и веселье тянется до глубокой ночи. Утром же, переночевав там, молодые посещают своих родственников и каждому домохозяину из них дарят по кусочку мыла и по пирожку, а тот отдаривает их деньгами.

Но это еще не все масляничные повинности молодоженов. В некоторых местностях в ту же среду или в другие дни имеет место также своеобразный обычай—«столбы». Заключается он в том, что новожены, одевшись в свои подвенечные костюмы, выстраиваются по обеим сторонам деревенской улицы рядами—«столбами» и показывают, как они любят друг друга. Гуляющие обращаются к ним со словами: «Порох на губах», или: «А нуте-ка, покажите, как вы любите?»—в ответ на что молодые должны целоваться. Пускаются здесь в ход по адресу последних и более щекотливые фразы, вплоть до грязных намеков, и все это те должны сносить около одного—двух часов, на глазах окружающей празднично-настроенной массы, после чего они или едут кататься, или отправляются с визитами к родным и родственникам.

Надо сказать, что масляничные визиты считаются обязательными не только для молодых, но для кумовьев. «Родители новорожденных детей ходят к кумовьям «с отвязьем», т. е. приносят им пшеничный хлеб—«прощенный» (этот хлеб готовится специально для масляницы, он печется с изюмом и украшается вензелями). В свою очередь, кум и кума отдают визит крестнику, при чем одевают его подарками: кроме «прощенника» кум приносит чашку с ложкой, а кума—ситцу на рубашку; более же богатые кумовья дарят свинью, овцу, жеребенка» (С. Максимов).

В заключение добавим, что наряду совсем этим в среду происходят обычные масляничные увеселения молодежи, часто выливающиеся в определенные хулиганские выходки. Так, например, в некоторых местах, молодежь ночью тогда, когда все спят, заваливает дровами ворота и двери какого либо дома, чтобы утром нельзя было выйти, разбирает соломенные крыши, увозят от всех дворов сани и санки в лес или вешают их на деревья. Утром все это обнаруживается, и в ответ несется матерная брань.

7. Широкий четверг—разгуляй: масляничный поезд и ряженые.

Апогеем, высшей точкой масляницы и ее «народных» увеселений искони был и остался четверг, недаром получивший названия «широкого», «разгуляя» и т. п. В большинстве мест и большинством верующих масляница фактически и начинается с этого дня, так как материальные моменты не позволяют многим «гулять» целую неделю и непроизводительно тратить, помимо рабочего времени, такую массу денег и продуктов. Поэтому часть того, что мы описали выше и отнесли к предшествующим дням, некоторыми совершается в данный четверг и после него. Кроме этого широкий четверг—разгуляй характеризуется рядом других своеобразных масляничных обычаев и увеселений, из которых на первом месте надо поставить «поезд» или карнавальное шествие.

Масляничный поезд в разное время и в разных местах совершался и совершается различно. В некоторых местах, например, для этого брали большие сани, посреди их укрепляли и ставили высокий столб с колесом от телеги наверху, на столб сажали пожилого крестьянина. Иногда одетого в женское платье, с водкой и калачами в руках, а также с балалайкой, который играл на ней, пел различные веселые песни и отпускал остроты, шутки.

За этими санями ехала вереница других саней, до отказа переполненных молодежью обоего пола и даже взрослыми, при чем все это, под оглушительные звуки бубенцов, колокольчиков, различных музыкальных инструментов, пело, веселилось, дурачилось, каталось. Окружала весь этот поезд с крестьянином—«масляницей» во главе толпа остального народа и детворы, тоже принимавших активное участие в увеселении.

Почти также, но с некоторыми новыми деталями, описывает этот поезд А. Коринфский, рисуя такую картину: «Снаряжался целый поезд. Впереди него мчались расписные сани, запряженные «гусем» в 10—20 лошадей; на каждой лошади сидело по вершнику с метлой в руках. Мужик—масляница (наряженный в женское платье, увешанный березовыми вениками и с балалайкой в руке), кроме балалайки, держал время от времени штоф с «государевым вином», помимо него иногда прикладываясь и к боченку с пивом, стоявшему подле о-бок с «блинным коробом».

За первыми санями следовала вереница других, переполненных рядными парнями, девицами и ребятами. Стоявший в воздухе перезвон бубенцов-погремушек смешивался с задорными треканьем балалаек и песнями. Из всех домов высыпал народ, бежавший следом за веселым поездом. Передние сани назывались «кораблем», почему в некоторых местностях изукрашивались воткнутыми метлами с привязанными к ним полотенцами, долженствовавшими изображать «мачты с парусами».

Другой местный, орловский вариант масляничного поезда приводит С. Максимов. Начинается этот деревенский карнавал,—по его словам,—с того же четверга. Парни и девушки делают из соломы чучело, одевают его в женский наряд, купленный в складчину, и затем в одну руку вкладывают бутылку с водкой, в другую—блин. Это и есть «сударыня-масляница». Чучело ставят в сани, а около прикрепляют основую или еловую ветку, разукрашенную разноцветными лентами и

платками. До пятницы «сударыня-масляница» хранится где-нибудь в сарае, а в пятницу, после завтрака, парни и девушки веселой гурьбой вывозят ее на улицу и начинают шествие.

Во главе процессии следует, разумеется, «масляница», рядом с которой стоит самая красивая и нарядная девушка. Сани с масляницей влекут три парня. За этими санями тянется длинная вереница запряженных парнями же салазок, переполненных нарядными девушками. Процессия открывается песней, которую затягивает первая красавица с передних саней; песню дружным хором подхватывают остальные девушки и парни, и весь масляничный поезд весело и шумно движется по деревенской улице.

Заслышав пение, народ толпой высыпает на улицу: ребятишки, взрослые и даже пожилые крестьяне и крестьянки спешат присоединиться к шествию и сопровождают «масляницу» до самой катальной горы, где «сударыня-масляница» и открывает катанье. Те самые парни, которые привезли ее на гору, садятся в сани, а прочие прикрепляют к саням салазки и целым поездом с хохотом, визгом и криком несутся по обледенелой горе вниз. Катанье обыкновенно продолжается до самого вечера, после чего «сударыня-масляница» снова водворяется в сарай.

На следующий день, в субботу, «масляница» снова появляется на улице, но теперь уже в сани вместо парней впрягают лошадь, увешанную бубенцами, колокольчиками и украшенную разноцветными лентами. Вместе с «сударыней» опять садится девушка, но уже не одна, а с парнем, при чем у парня в руках четверть водки и закуска (купленная в складчину). За сани же, как и прежде привязывают салазки, на которых попарно сидят девушки и «игровые» парни. Эта процессия с пением едет по селу, при чем парни пользуются всякой остановкой, чтобы выпить и закусить. Веселье продолжается до вечера, при чем в катанье принимают участие не только девушки, но и женщины, для того, чтобы «зародился длинный лен». В воскресенье вечером «масляница» сжигается, о чем мы будем говорить ниже.

Своеобразный масляничный поезд существовал также в Сибири, при чем там местами,—заметим кстати,—вместо блинов пекли и подавали особое пирожное из теста на масле—«хворост». Сколачивали несколько огромных саней и устраивали на них корабль с парусами и снастями. Туда садились «ряженные», медведь и «госпожа-масляница». В сани впрягали до 20 лошадей и водили по улицам в сопровождении огромной толпы из детей и взрослых. Назывался весь этот поезд «честной масляницей», при чем встречался и провожался веселыми песнями, шутками и прибаутками.

Кроме него там же толпы «ряженных» в масках, вывороченных шубах и т. п. ходили или ездили на санях из дома в дом по деревням, путая и смешая обывателей. Последний обычай ряжения был и до сих пор местами остался также и во многих местностях европейской части нашего Союза, например, во Владимирской губернии, где девушки ряжутся цыганками, медведями и т. п., ходят из дома в дом и собирают «даiania»: продукты и деньги, после чего справляют один оригинальный обычай, который мы приведем дальше.

8. Царские карнавалы XVIII века.

Было бы большою ошибкой думать, что все эти масляничные увеселения интересовали и привлекали к себе только простую крестьянскую и мещанскую массу: в них принимала участие также и аристократия с царским двором во главе. Цари, заинтересованные в хотя бы временном отвлечении внимания и сознания широких эксплуатируемых масс от их бесправного политического и бедственного экономического положения, не раз вступали на путь устройства широких публичных «зрелищ», стоивших огромных денег, но зато и привлекавших к себе массу зрителей. Устраивали они их и для потехи себя самих со служилой аристократией и придворной кликой, не останавливаясь здесь ни перед какими расходами, благо их покрывали те же трудовые массы. Разумеется, здесь ими широко использовалась, как предлог, и масляница с ее бытовым содержанием. До нас дошло несколько описаний царских «потех», особенно—масляничных карнавалов, первой половины и середины XVIII века.

Так, мы уже отмечали, что Петр I официально начинал масляницу некогда своим качанием с офицерами на общественных качелях в Москве, у Красных ворот. Грандиозные масляничные увеселения с невиданным дотоле маскарадом и санным катанием он устроил в четверг на маслянице 1722 г. в Москве по случаю Нейштадтского мира со Швецией. Согласно приведенному М. Забышиным из «Северной Пчелы» (1833 г. №№ 123 и 125) описанию этих петровских увеселений, последние происходили следующим образом:

«В этот день началось движение большого поезда из села Всесвятского, где еще с вечера собрано было множество морских судов разной величины и вида, около сотни саней, запряженных разными зверями. По сделанному ракетой сигналу, сухопутный флот, напоминающий собою флот Олега, на полозьях и санях потянулся длинной вереницей от Всесвятского к Тверским Триумфальным воротам. Шествие открывал арлекин, ехавший в больших санях, в которые были впряжены пять лошадей гусем, украшенных бубенчиками и побрякушками. На других санях ехал князь—папа Зотов, облеченный в длинную мантию из красного бархата, подбитую горностаем, а в ногах его восседал Вакх (бог вина) на бочке; за ним свита, замыкаемая шугом, который сидел в санках, запряженных четырьмя свиньями.

Потом началось шествие самого флота, коим предводительствовал сам Нептун (морской бог), сидевший на колеснице с трезубцем в руках, везомый двумя сиренами. В процессии находился и князь-цезарь Ромодановский в царской мантии и княжеской короне; он занимал место в большой лодке, везенной двумя живыми медведями. Наконец, появилась громада, 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущенного в воду в марте 1721 г. в С.Петербурге: он имел три мачты и полное корабельное вооружение даже до последнего блока. На этом корабле, везенном шестнадцатью лошадьми, сидел сам Петр I, в одежде флотского капитана с морскими генералами и офицерами и маневрировал на нем, как на море, во время шествия.

За этим кораблем следовала раззолоченная гондола (лодка) императрицы, которая была в костюме остфризской крестьянки, а свита состояла из придворных дам и кавалеров, одетых по-арабски. За гондо-

люю появились настоящие члены маскарада, под именем «неугомонной обители»: они сидели в широких длинных саях, сделанных на подобие драконовой головы, а наряжены были волками, журавлями, драконами, представляя в лицах эзоповы басни и т. п. Такое пестрое маскарадное шествие через Тверские ворота потянулось в Кремль при пушечных выстрелах, куда и достигло к вечеру. На следующий и на третий день и 2 февраля сбор назначен был у ворот, построенных тогда купечеством. Этот маскарад окончился великолепным фейерверком и пиришеством. В продолжение четырех дней московского карнавала, участвовавшие в нем особы переменяли по несколько раз свои костюмы.

Так потешал «народ» и потешался Петр после своей войны со Швецией, стоившей огромных денег и унесшей массу жертв. В последующие десятилетия особенно в этом отношении отличались его преемники. Императрица Анна Ивановна (1730—1740) на маслянице собирала у себя гвардейских офицеров с женами и тешила с ними различными народными забавами. Она же в 1739 г. перед масляницей устроила дикое бракосочетание шута в знаменитом «ледяном доме»—дворце между адмиралтейством и Зимним дворцом, в Ленинграде. В брачном поезде фигурировали в своих национальных костюмах представители всех народностей тогдашней России, гвардия, весь двор с самой Анной и ее фаворитом-временщиком Бироном, при чем на жене последнего одних только бриллиантов было надето на два миллиона рублей по тогдашнему курсу.

Елизавета Петровна (1741—1761) не отставала от нее и проводила масляницу в катании на лыжах и саях со своими придворными в любимом своем селе Покровском. Екатерина II (1762—1796) после своей коронации устроила грандиозный «народный маскарад» в Москве, на маслянице 1763 г., при чем программу этого маскарада составил знаменитый тогда актер Волков, который лично распорядился им, не жалея своего здоровья, за что и поплатился жизнью.

Самый маскарад длился три дня, назывался «Торжествующей Минервой» и распадался на девять отделений сатирического характера, с осмеянием различных пороков, хоровые части для чего были написаны придворным «пиитом»—А. Сумароковым. В первом отделении этого маскарадного шествия в стихах и лицах осмеивались «слабомыслие и дурачество»; в нем фигурировали рыцари на деревянных конях с «хвастуном-забиякой» во главе, «старик-пустохвал» в шутовском одеянии, «надутый педант»—с грудой книг, «дикари», «арлекин», различные маски и сам «Момус»—римское божество смеха.

Второе отделение осмеивало «пьянство» и имело знаком виноградные листья с козлиной головой и с надписью: «смех и бесстыдство»: здесь двигался греческий бог природы—Пан со своей свитой из божества вина—Бахуса, Силена, сатиров и толпы пьяниц, тапавших на винной бочке толстого откупщика с прикованными к ней «корчемниками и целовальниками с меркой». Третье отделение изображало «действие злых сердец», где ястреб терзал голубя, паук спускался на лягушку, лисички душили петуха, кошка—мышь; одетые в костюмы животных певцы и музыканты пели и играли, «кто в лес, кто по дрова». Четвертое отделение с надписью: «пагубная прелесть», бичевало «обман», образно изображенный в виде толпы цыган и цыганок, колдунов, чертей, аферистов и прожектеров.

Пятое отделение было направлено против «невежества», символически представленного в виде неопыря, черных сетей и ослиной головы; само «невежество» сидело на осле, свита его—«ленивые» поминутно зевали, а хор состоял из слепых, ведущих друг друга. Шестое отделение выводило «всеобщую пагубу», знаком коей была окруженная крапивой, крючками, денежными мешками и поломанными весами чудовищная гарпия. В этом шествии дефилировали «ябедники» и «крючкотворцы», подъячие со знаменем с надписью — «завтра», «взяточники», «сочинители ябед» с сетями, «хромая правда» на костылях, гонимая сутягами и «аферистами» с денежными мешками, «лихоимство» и «криводушие», два судьи-приятеля: «Кривосуд Обиралов» и «Взятколюб Обиралов», и, наконец, «обобранные тяжущиеся» с пустыми мешками.

Седьмое отделение изображало «мир на выворот», при чем его участники имели одежду на-изнанку и как бы шли задом; здесь ехали на верблюдах трубаки, на быке—литаврщик, слуги везли в карете лошадь, «щеголи» тащили на себе карету с обезьяной, карлицы спешили за великанами, в детских люльках везли спеленутыми старика со старухой, за которыми присматривала девочка с розгой, в оркестре животных соло пел осел, козел играл на скрипке, Диоген, Гераклит и Демокрит олицетворяли смех и горе, а шесть ветряных мельниц—«любителей пустословия». В восьмом отделении со знаком павлиньего хвоста осмеивались «тщеславие и спесь», которая ехала в пышной карете, окруженная большой свитой из пажей, скороходов и литаврщиков.

Последнее, девятое отделение с «опрокинутым рогом изобилия», откуда сыпалось золото в сор, и с надписью: «беслечность о добре», бичевало «мотовство» и «бедность». В этом шествии шли маски—игральные карты и картежники, за ними нищие. Затем ехала колесница с божествами любви—«Венерой» и «Купидоном», в сопровождении толпы из богатых, нищих, мотов, скруг. Далее следовали «кузницы» и изображение огнедышащей горы Этны, где изготовлялись громовые стрелы. За ними тянулась колесница с верховным божеством—«Юпитером-громовержцем», сопровождаемая пастухами, пастушками и детьми, воспевавшими «золотой век». «Двадцать четыре часа» были одеты в золотые одежды.

На золотой колеснице ехала богиня справедливости, окруженная лавреатами-поэтами, земледельцами, науками и искусствами, художествами и славными героями. За ними шли «законодатели» и «философы», а также весь «Парнас с музами» и «Аполлон» на особой колеснице. Заканчивала шествие сама «торжествующая Минерва» (богиня мудрости) на другой колеснице, с изображениями «победы и славы», при чем впереди ее двигался хор детей с зелеными ветками в руках и с венками на головах. Заканчивало все это «гора Дианы», озаренная светом. Во всем карнавале участвовало около четырех тысяч масок и 250 колесниц; стоил он колоссальных денег, расходов и преследовал политическую цель превознести новую императрицу и укрепить ее власть, под сенью которой сулилось всем установление «золотого века».

9. Осада снежных городов и кулачные бои.

Из других увеселений «широкого четверга» следует отметить распространенную во многих местах у нас, например: в Пензенской, Сим-

бирской и Тульской губерниях, забаву-игру ребят в осаду снежных городков. На реке, пруду или поле строят из снега «городок» с башнями и двумя воротами, между которыми сделана прорубь. Ребята разделяются на две партии,—на конницу и пехоту, при чем последняя берет на себя защиту городка, та—нападение, осаду. Выстроившись в боевой порядок, конница бросается на городок и старается прорваться в ворота; гарнизон защищает их и, вооруженный поленами и метлами, старается испугать и отпугнуть лошадей.

Наконец, ктонибудь из конных прорывается в ворота—«берет городок». Победителя купают в проруби, угощают вином всех «отличившихся» с обеих сторон, разрушают крепость и с песнями возвращаются в деревню. Осада эта происходит обычно в четверг или субботу, при чем в некоторых местах она разыгрывается проще: ребята делятся на две партии, из которых одна снежками и просто силой старается взять охраняемый городок-крепость и разрушить его. Сопровождается все это смехом, шутками, но иногда дело не обходится и без подбитых глаз, разбитых носов и основательных увечий.

Более серьезные и печальные последствия имело часто другое масляничное увеселение, которое некогда было одним из наиболее любимых и в котором часто принимали участие все возрасты: кулачные бои или «стенка», в тот же четверг или в субботу. Что они представляли из себя, можно судить по примеру недавнего прошлого, взятому из масляничного обихода Пензенской губернии, Краснослободского уезда. «В последний день масляницы,—читаем мы об этом,—происходит ужасный бой. На базарную площадь еще с утра собираются все крестьяне, от мала до велика. Сначала дерутся ребятинки (не моложе 10 лет), потом женихи и, наконец, мужики.

Дерутся, большею частью, стеной и «по мордам», как выражаются крестьяне, при чем после часового, упорного боя бывает передышка. Но к вечеру драка, не взирая ни на какую погоду, разгорается с новой силой и азарт бойцов достигает наивысшего предела. Тут уже стена не наблюдается: все дерутся, столпившись в одну кучу, не разбирая ни родных, ни друзей, ни знакомых. Издали эта куча барахтающихся людей очень походит на опьяненное чудовище, которое колыхнется, ревет, кричит и стонет от охватившей его страсти разрушения.

До какой степени жарки бывают эти схватки, можно судить по тому, что многие бойцы уходят с поля битвы почти нагишем: и сорочки, и порты на них разодраны в клочья».

Несколько иначе эта дикая «забава» протекала в Олонецкой губ., где она соединялась с игрой в мяч. Молодежь и пожилые крестьяне нескольких соседних деревень сходились вместе, чаще—на реку, делились на две партии, человек по тридцать, и назначали места, до которых следует гнать большой кожаный мяч. Затем мяч бросался, и обе партии старались загнать его ногами в свою сторону. Сначала дело шло мирно. Но затем страсти разгорались, и противники пускали в ход кулаки, чтобы захватить мяч хотя бы с бою. Завязывалась форменная кровавая драка, так как проигрыш навлекал на партию презрение, над нею целый год смеялись, издевались, а победитель делался героем дня и «предметом» тайных дум многих девушек. Этот род упрощенного, примитивного масляничного футбола тоже оставлял после себя на снегу или льду лужи крови и клочья одежды.

10. Коледование, похороны каморы, братчина.

Кроме вышеприведенных обычаев и забав, в ряде мест имеются еще другие, тоже совершаемые, чаще всего, в широкий четверг—разгудьяй. Так, в Ярославской губернии бытует, например, «коледование», которое в других местах обычно имеет место в рождественские святки. Собирается толпа молодежи с балалайками, рожками, бубнами и т. п. и отправляется «петь Коледу». Для этого она заходит из дома в дом, поздравляют домохозяев с праздником и с их согласия поет коледку:

Уж как шли ребята коледовщики.
 Виноград красно-зеленая моя!
 Коледовщики, все фабричники.
 Виноград, зеленая моя!
 Мы искали двор господина своего;
 Господинов двор на семи верстах,
 На семи верстах, на осьми столбах.
 Посреди двора, посреди широка,
 Стоит три терема.
 Три терема златоверхие;
 В первом терему—красно солнышко,
 Во втором терему часты звездочки;
 Сам хозяин в дому, господин в терему,
 Хозяюшка в дому, госпожа в високом,
 Молодые девушки в дому, что орешки в меду.
 Виноград, красно-зеленая моя!

Последний припев о «винограде» поется после каждого стиха. Хозяин в ответ на это коледование угощает пришедших вином и дарит деньгами, после чего те, в знак благодарности, поют в заключение:

Благодарствуй, хозяин, на хлебе, на соли и на жалованье!
 Виноград, виноград, красно-зеленая моя!
 Напоил, накормил, со двора спустил.
 Виноград, красно-зеленая моя!

Мы вряд ли ошибемся, если к этому же коледованию отнесем владимирский обычай «хождения по масляницу». Ряженые или в своем обычном костюме, дети и молодежь ходили толпой по домам и «собирали масляницу». Подойдя к дому, они пели перед вырубленной в виде иконы ледышкой по адресу домохозяев:

«Славите, славите,
 Сами бога знаете,
 Напойте вином,
 Накормите пирогом,
 Дайте по рублю,
 Сам уйду.
 Не жалейте гроши,
 У вас девки хороши:
 В лапти обуваются,
 Гулять здобляются
 К Ваньке—татарину
 По репу, по парену.
 Подавай, не ломай,
 Не закусывай,

Хоть кисленького
Да пшенисенького:
Вам поспорее,
Нам поскорее.

В это время дети ходили под окнами с мешками, торбочками, корзинками и пели:

Ах ты, Домнушка,
Красно солнышко!
Вставай с печи,
Гляди в печь,—
Не пора-ли
Блины печь?

Если хозяйка скупа и плохо подавала, ребята уходили с криком: «Паршивые блины—по аршину длины». Иногда они ходили с украшенной лентами соломенной куклой и пели:

Сисинька, ясинка,
Подай, тетушка,—
Желанная, бескарманная,
Тонковолосица, тонкопрядица!
У тебя в кармане-то горошинка,
Сама-то ты хорошинька.

Или:

Масляница, полизуха Борисьевна,
Полизала до поехала,
А опять то не приехала.
Дотяни-тко до велика дня,
В велик день яичко дадут,
А яичко-то красненькое,
Куличика-то здобненькая...
Подавая, не ломай,
Во весь каравай.

После пения один из них входил в избу и просил «подать широкой маслянице». Собранные блины и пироги они обменивали потом на сласти и сообща угощались ими.

Оригинальный четверговый обычай имеется в некоторых деревнях в той же Владимирской губ., Истринского района. М. Смирнов описывает его следующим образом:

«В четверг с утра «барышни», как зовут с недавнего времени деревенских девушек, рядятся цыганками, медведями и пр., ходят из дома в дом и собирают пироги, сахар, чай, деньги и пр., кто чем подаст, а подают им все; в конце концов у них получают корзины припасов, из которых они устраивают поминальную трапезу. Ей предшествует похоронный обряд. Девушки берут зыбку (люльку) или бельевое корыто и по размеру их делают большую куклу. Кладут ее, как в гроб, одетую в саван, подхватывают снизу полотенцами на плечи и несут по всей деревне.

Впереди идет наряженная попом девушка, с льняной бородой, одетая в ситцевую рясу, в руках у ней пустой половник или на веревочке конфорка от самовара, изображающая кадило; несколько позади попа подобный же дьякон и дьячек, а сзади гроба группа девушек, оплакивающих покойника. «Церковный причт», главную роль в котором играет

«поп», поет похоронные песнопения: «Вечную память»..., но к этому вместе с тем присоединяются еще разные шутки вроде следующих: «Хороним покойника и с ногами и с руками, и с телячьей головой». Обычно поп импровизирует и смешит всех своими выдумками. Время от времени останавливается по деревне и служит панихиды. В промежутки между службой причта плакальщицы, в свою очередь, «вопят» по покойнике. В текущем году (1927 г.) они оплакивали умершего «камору»,—так называют там возлюбленного.

Дойдя до проулка, в который выносят из деревни покойников, они останавливаются, «погребают покойника» и тут же его поминают: едят пироги и выпивают вино. Особенно угощают пона с дьяконом. Затем возвращаются в деревню следующим образом: сажают церковный причт на санки (салазки), поп взади, дьякон с кропилами в середке, дьячек правит спереди, а все девушки, запрягшись гусем, везут их на «старшее подворье», где готова яичница и выпивка. Последняя начинается с того момента, как под'едут к дому: тут же, на «мосту», т. е. на крыльце или в сенях, вышивают первые стаканы, а затем продолжают номинальный обед в доме».

В заключение отметим еще один масляничный обычай, бытующий в ряде наших местностей и справляемый также в другие крупные «народные» праздники. Это, так называемая, братчина. Заключается братчина в том, что собирается компания, группа крестьян и вскладчину варит вместе пиво, которое потом сообща распивается. Иногда в этом принимает участие целая деревня, при чем не только в выпивке, но и в самом процессе варения, изготовления пива, не говоря уже о сборе соответствующих продуктов и денег для него. Справление братчины засвидетельствовано, например, для Сольвычегодска, Костромской губернии, и др. мест. Чаще же делается так, что пиво варит для себя и для гостей каждый домохозяин отдельно, у себя. Приурочивается все это как к широкому четвергу, так и к другим дням масляницы, при чем часто не довольствуются пивом, а присоединяют еще сюда и водку или «самогонку».

11. Пятница—тещины вечерки и суббота—золовкины посиделки; целовник.

Масляничная пятница—тещины вечерки получила такое народное название потому, что в этот день, помимо обычных масляничных увеселений и обычаев, происходит угощение своих тец зятьями,—приглашение их «на блины». Приглашения бывают почетные, со всею родней, к обеду, или запросто, на один только ужин. В былые времена этикет требовал, чтобы зять лично еще накануне, с вечера, приглашал тещу к себе, а на следующее утро посылал за ней нарядных «зватых». Чем больше посылались таких зватых, тем больше почета оказывалось теще. Чаще всего с такой миссией посылались дружка или сват, которые за это отдаривались обеими сторонами: зятем и тещей, не говоря уже об их угощении ими.

Следующий день—суббота, или «золовкины посиделки»,—помимо всего прочего проходили в том, что молодая невестка приглашала к себе в гости и угощала своих родных. Если золовки были еще в девушках, тогда невестка сзывала старых своих подруг-девиц; если они бы-

ли уже замужем, то она приглашала родню замужнюю и со всем поездом развозила гостей по золовкам. Невобрачная невестка обязана была одаривать своих золовок подарками. В этот же день местами, например, в Вятской губ., справляется особый обычай—«целовник». Заключается он в том, что подгулявшая молодежь раз'езжает по «молодухам», которые живут замужем первый год. Молодуха, встретив этих гостей, угощает каждого из них ковшом пива, а тот трижды целуется с ней. Обычай этот в некоторых местах совершается в воскресенье, а не в субботу.

12. Воскресенье: проводы и сожжение масляницы; колотка.

Последний, седьмой день масляницы, воскресенье, проходил под знаком ее проводов и заключал в себе целый ряд новых обычаев и увеселений. Одним из них, наиболее распространенным, были «проводы» и «сожжение масляницы», имевшие много местных разновидностей. Наиболее типично происходило все это таким образом: молодежь днем сносила за околицу селения старые плетни, разбитые бочки, дегтярницы, ненужные дровни, солому и т. п. горючие материалы и складывала их в кучу для костра. Вечером туда торжественно направлялся «масляничный поезд», раз'езжавший все праздничные дни по улицам и описанный нами выше.

На передних, украшенных санях везли самое «масляницу»,—одетое в женское платье соломенное чучело. Процессия носила одновременно веселый и печальный характер, при чем девушки пели жалобные песни со словами: «Сударыня-масляница, потянися!». Под'ехав к костру, чучело ставили на него, затем снимали с прикрепленной к ней елочки или сосны ленты и платки, делили их между девушками и пели расставанные песни, после чего поджигали костер. Кроме соломенной «масляницы» на него бросали и сжигали также остатки масляничной снеди: блины, лепешки, пироги, яйца и пр., а пепел от костра иногда затем зарывали в снег.

В Ярославской губ. на это воскресенье собирался огромный «обоз» или «околок» из нескольких сот саней и верховых, при чем некоторые из последних наряжались для этого в соломенные колпаки и кафтаны. Вечером молодежь обоего пола брала по снопу соломы с каждого двора, с песнями несла за селение и сжигала на костре. В некоторых местах на Украине тогда же по улицам с песнями носили соломенное чучело или возили деревянное изображение женщины с распущенными волосами, в пестрой одежде,—олицетворение масляницы. Толпа детей сопровождала это шествие с криком и бросала в чучело снежки, снежные комья. Затем оно или бросалось в воду, или сжигалось.

В Переславль-Залесском районе, Владимирской губ.,—по словам Смирнова,—в «прощеное воскресенье» днем дети собирают солому, хвосты, веники и несут их за село, иногда процессией с веником на шестике впереди толпы. Придя на место, строят крытый соломой шалаш, обтыкивают его вениками, «как можно чуднее», по местам приносят сюда чучело или же просто сваливают весь горючий материал в кучу. В сумерки его зажигают и поют.

Маслиница, обманница,
Обманула, провела,
Погоулять нам не дала.
Маслена неделя

В Ростов полетела,
 На пенечек села,
 Будет светлый день,
 Будем яйца красить,
 С собой пасочку носить.
 Оладышек с'ела,
 Другой закусила,
 Домой потрусила.

Этим и заканчиваются проводы масляницы. Старшие в это время внушают детям: «молоко сторело», или—«в Ростов улетело»; в с. Шепелеве для большей убедительности выносят на улицу крынку с молоком и зажигают около нее пучек соломы. В д. Погост жгут соломенное чучело два раза: первый—в мясное заговенье,—«мясо провозают»; второй—в молочное (на маслянице)—«молоко провозают».

В других местах вместо чучело сжигали расписанное изображениями «нечистой силы» колесо или расставленные по дороге шесты с насаженными на них пучками соломы. Растапливали также и масляничную снежную или ледяную гору, для чего на нее наваливали соломы и хворосту и поджигали. Сопровождалось все это песнями, шутками, играми, смехом, а местами и взаимоутощением. Сюда же, к этому кругу обычаев, надо отнести и украинскую «колотку» или «колодку, колодай», охватывающую собой всю масляничную неделю. Совершается она таким образом...

В понедельник, на масляной, женщины-крестьянки собираются в корчму, берут палку или полено, кладут на стол и пеленают куском холста, что значит: «колетка родилась», затем покупают водки, пьют и выкидывают различные «номера». То-же они делают и все остальные дни масляницы, при чем говорят, что во вторник новорожденная колотка крестится, в среду—ее покрестбины, в четверг—она умирает, в пятницу—ее хоронят, в субботу—оплачивают, в воскресенье—молодежь «волочет» ее, и бросают. В некоторых местах там же, рядом с этой деревянной колоткой, фигурирует еще особая женщина, которую те ежедневно возят в тележке в корчму.

Наконец, в то же воскресенье, после сцены с колоткой, девушки пришивают или привязывают парням палки, украшенные лентами, или куклы, что на их языке называется: «почепить колотку». За это парни угощают их водкой. Ленточку девушка должна развязать сама, но только на празднике пасхи, когда она подарит парню определенное количество яиц, что никогда, конечно, не исполняется.

13. Отдаривание и прощание.

Все вышеприведенные обычаи масляничного воскресенья носят более общественный характер, но кроме них имеются здесь также обычаи родственного и семейного порядка. К числу последних относится, например, отдаривание. Заключается он в том, что новобрачные в этот день ездили по своим родным отдаривать тестя с тещей, сватов и друзей за свадебные подарки, при чем отвозили им, кроме обычных подарков, также излюбленные лакомства: вяземские коврижки, белевские медовики, тульские пряники, испещренные узорами и надписями: «Кого люблю, тому дарю», «От милого подарок—дороже золота», «Чин чи-

на почитай, а подарок не забывай», и т. п. Тогда же ездили и к куму с кумой, отдаривали их за «ризки» и «зубок», при чем, кроме неизменных пряников, почетными подарками считались для кума—полотенце, для кумы—брусок мыла.

Другим подобным, но являющимся одним из наиболее характерных и главных обычаев этого дня было прощание с родными и знакомыми, почему день этот и носит название также «прощенного воскресенья» и «прощенного дня». Обычай этот—старинный и казался странным иностранцам, наблюдавшим его у нас. В дошедшем до нас описании его Маржеретом (начало XVII века) читаем:

«На масляницу русские посещают друг друга, целуются, прощаются, мирятся, если оскорбили друг друга в чем либо в продолжение года словом или делом, встретясь даже на улице, и хотя бы никогда прежде не видались, приветствуют друг друга взаимным поцелуем. «Простите меня пожалуйста»,—говорит один; «Бог тебя простит»,—отвечает другой. При этом нужно заметить, что не только мужчины, но и женщины считают поцелуй знаком приветствия, когда готовятся в путь или встретятся после долговременной разлуки. По окончании масляницы все идут в баню».

Ритуал прощания с тех пор, фактически, не изменился, хотя удержал только домашний, непубличный характер. После вечера по избам начинают ходить родственники и соседи, при чем, придя в избу, кланяются в ноги и говорят: «Прости, Христа ради, в чем я перед тобой согрешил», на что слышит в ответ: «Прости и ты меня!» и взаимно целуются. Местами соблюдается при этом особый ритуал: «пришедший просить прощения становится около дверей на колени и, обращаясь к хозяевам, говорит: «простите меня со всем вашим семейством, в чем я нагрубил вам за этот год». Хозяева же и все, находящиеся в хате, отвечают: «бог вас простит и мы тут же».

После этого пришедшие прощаются встают, и хозяева, облобызавшись с ними, предлагают им угощение. А через какойнибудь час прощаться идут уже сами хозяева, при чем весь обряд, с угощением включительно, продлевается сначала. Так, перекочевывая из избы в избу, ходят до света, при чем, проходя по улице, и мужчины, и женщины считают долгом, что есть мочи, кричать: «Сударыня-масляница, потянися!». Или: «Мокрогубая масляница, потянися!» (С. Максимов).

Обычай этот еще недавно строго соблюдался в семейном кругу. После ужина, перед отходом ко сну, дети кланялись в ноги своим родителям и просили у них прощения за весь год. Иногда здесь соблюдалась определенная последовательность. Например, в Саратовской губернии после ужина с обязательной яичницей вся семья молилась богу, затем, начиная с младшего и дальше, в порядке старшинства, каждый по очереди кланялся более старшим, получал прощение и отходил в сторону... Последней просила прощения, и то только у мужа, хозяйка, глава же семьи никому не кланялся.

Просили прощения не только у живых, но и у умерших, при чем некогда делали это все, а позднее, главным образом, только женщины. С этой целью они собирались группами, человек по 10—12, и в глубоком молчании шли на кладбище,—«на могилки», с блинами и водкой... Придя туда, каждая из них разыскивала родную могилу, становилась перед ней на колени, била три земных поклона и со слезами на глазах

шентала: «прости меня (имя рек), забудь все, что я тебе нагрубила и навредила». После этого молились, оставляли принесенные подарки на могилах и в молчании возвращались обратно, домой, теми же группами, что и пришли. Если на третий день с могилы исчезали оставленные на ней блины и водка, женщины делали вывод, что покойнику живется на «том свете» хорошо, и что он не гневается, не сердится на принесенную угощение.

14. Прощеные дни в Новгороде и у Московских царей.

Занимая видное место в народном быту, обычай масляничного прощания перед великим постом был освящен у нас самой церковью, а также широко исполывался и поддерживался княжескою и царскою властью. Касаясь этой стороны масляницы, Н. Степанов, в качестве примера, приводит описание обычая и обряда прощания «владыки» Великого Новгорода в эпоху Руси Московской. «В поучение народу,—пишет он,—чтобы не забывал высокого значения этого дня, не прибегал к суеверным обычаям и помнил те церковные обрядовые приемы, которые ему присвоены, православная церковь, в лице своих старейших представителей, открыто и всенародно являет наглядный пример чествования.

В Великом Новгороде, например, готовяли святителю место среди церкви, покрывали его ковром, ставили кресло с изголовьем и полагали орлец. После вечерни совершалось прощание. К этому времени новгородский владыко успел уже поездить по монастырям, обложившим город со всех сторон, для поклонения (прощаться). Везде, заранее предупрежденные о прибытии владыки, монастырские власти в мантиях с крестом и кадиллом, всем наличным числом иноков, встречали его в святых вратах. По выходе его из саней предварительный благовест превращался в звон во вся.

Перед вратами прибывший владыко молился в церкви, творил обычные поклоны и слушал молебен, который пели настоятели: архимандриты или игумены. Старших благословлял крестом, остальных рукой. После обедни, которую слушал, в трапезе он принимал стол (садился с братией кушать). После обеда заходил в церковь поклониться св. мощам. В четверг, на сырной неделе (маслянице), сами настоятели монастырей приезжали в Новгород для прощания с перепойными «оловяники» (оловянными сосудами с разным вином), и владыко в погребной палате давал стол им и Софийскому собору. Каждый получал по ковшу питья, и святитель прощался, благословляя рукой, а духовные лица его целовали в клобук.

В Софийском соборе, после вечерни, владыко прикладывался к местным иконам на правой стороне, потом ходил к прочим придельным иконам, ко всем мощам и гробам почивших в соборе. Перед ним шел ключарь с витой свечью, а иподьякон с лампадою; за ним следовал московский боярин, воевода, дьяк и народ. Святитель клал три земных поклона, оборотясь к народу, осенял его и читал поучение русского митрополита Никифора (1104—1121) по списку, приложенному в уставе. Во время всей церемонии на клиросах пелись покаянные стихирьы».

У новгородского «владыки» прощеные дни начинались с масляничного понедельника и заканчивались в воскресенье. Еще торжествен-

нее, конечно, отмечали эти дни и справляли обычай прощания цари московские, начиная его со среды. В этот день царь посещал монастыри и монастырские подворья, находившиеся в самой Москве,—так называемые, городские (Чудов, Вознесенский и др.), где «прощался» с братней, больничными старцами и наделял их денежной «милостыней».

В четверг и пятницу то же самое он проделывал в монастырях загородных (Новоспасском, Андрониковом, Новодевичьем и др.), причем в Новоспасском монастыре прощался у гробов родителей. В пятницу, субботу или в воскресенье он с боярами и патриарх с духовенством ходили прощаться с царицей, которая принимала их всех в своей «Золотой палате» и «жаловала к руке» бояр и специально приглашенных боярынъ—своих родственниц.

В воскресенье утром, перед обедней, приходил прощаться с царем патриарх в сопровождении высших духовных чинов и соборного ключаря, несшего впереди крест и «святую воду». Царь принимал их в «Столовой избе», причем, отпустив патриарха, совершал обряд прощения с чинами дворовыми и служилыми, коих он «жаловал к руке». Вечером он шел с боярами и другими чинами в Успенский собор, где патриарх служил обряд прощения «по чину», по церковному уставу, после ектении и молитвословий царь, «прощение говоря», подходил к патриарху и прикладывался к кресту, а за ним проделывали это остальные.

Из собора он с чинами шел прощаться к патриарху, в его «покой», где к этому времени в богато убранном зале собирались все высшие духовные власти. После торжественной встречи и двукратного благословения рассаживались по особым лавкам; в сенях стоял приготовленный царский «питейный поставец» с заграничными винами: романей (красное), ренским (белое), бастром (род ликера), и русскими медами—красным и белым. Затем происходило угощение,—при чем начинали с вин: с соблюдением особого чина—церемониала подносили по три кубка вин всем присутствующим, начиная с царя и патриарха, за винами шли меды—красный из золотых ковшов, белый из серебряных.

После этих «прощальных чаев» царь с патриархом, удалив из залы всех, оставались и беседовали наедине «о духовные», происходило нечто вроде исповеди. Затем удаленные снова приглашались в залу; патриарх стоя говорил—«Достоينو» и «прощение»—прощальную молитву («Владыко многомилостиве») и благословлял царя со всеми присутствующими светскими и духовными чинами. От патриарха царь шел затем прощаться у мощей и у гробов своих родителей в Чудов и Вознесенский монастыри, в Архангельский и Благовещенский соборы. Вернувшись во дворец, в одной из приемных палат он прощался, напоследок, с «комнатными» людьми, т. е. с различного ранга и чина придворными, и служащими при его дворе.

Точно также обряд прощания совершался в этот день на половине царицы, которая в своей Золотой палате прощалась с самыми близкими родственниками из бояр и других чинов и со всем своим «двором»—придворным штатом, «жаловала к руке» мам, верховых боярынъ, казначей, постельниц, мастериц и др.

В этот же прощальный день московские цари соблюдали еще один обычай: освобождали из тюрем некоторое число заключенных. Для отбора последних утром или вечером начальники всех приказов делали

царю доклады о «колодниках, которые в каких делах сидят многие лета». После и на основании этих докладов царь постановлял, кого освободить,—«простить», при чем под эту амнистию подводились только осужденные за маловажные преступления,—только те, «которые сидели не в больших винах», и отнюдь, конечно, не «политические»: для последних прощенные дни не существовали в календаре московских царей.

15. Чистый понедельник—полоскозуб; великопостное воздержание.

Прошли, промелькнули дни «широкой масляницы — разорительницы», с «чистого понедельника» начинается великий, многодневный пост с его совершенно иным церковным и бытовым содержанием и укладом. Упорно держащиеся за старину верующие переходят на великопостное положение, что прежде всего отражается на питании: после масляничных яств и пиршеств на столе появляется тертый хрен с квасом и солью, не варят и не пекут ничего горячего. Больше того, считая остатки предшествующей обжорной «сырной» недели уже «скоромными», «погаными», их тщательно собирают и бросают или отдают домашним животным, посуду тщательно отмывают, а некоторые даже «освящают» жилища с помощью рясника и водосвятия.

Особый обычай существовал еще на Украине: в «чистый понедельник» крестьяне на целый день забирались в корчму и пили там «горилку»—«полоскали зубы», чтобы между зубами не осталось ничего сырного—«скоромного»: частиц, крошек от масляничной еды. Отсюда день этот получил там название «полоскозуба». Характерно, что масляничному сыру местами приписывали особое магическое значение: утверждали, что с помощью его можно увидеть в страстной четверг или в пасхальную утреню ведьм, если только на следующий день после заговенья вынуть из зубов кусочек сыра, крепко зашить его в кожу и носить под левой рукой до страстной недели.

Несомненно, особое значение приписывали некогда также традиционным блинам, и их пекли еще в субботу на первой неделе великого поста, причем ели с подсолнечным или коноплянным маслом; называлось это «тужилкою по честной госпоже—маслянице».

С чистого понедельника, когда у многих верующих еще трещала голова с пьяного угара предыдущих дней, великий пост окончательно вступал в свои права, при чем наиболее темные, отсталые и фанатичные его почитатели педантично, сурово выполняли все соответствующие церковные предписания касательно воздержания от некоторых родов пищи, а также от брачных сношений. Отмечая эту сторону пощения С. Максимов пишет:

«Считается большим грехом плотское сожителство с женой в постное время, и виновные в таком проступке не только подвергаются строгому внушению со стороны священника, но выносят не мало насмешек от своих односельчан, так как бабы до тонкости разбираются в таких вещах и по дню рождения младенца прекрасно высчитывают, соблюдали ли супруги «закон» в посты.

Особенно зорко следят бабы, чтобы «закон» соблюдался деревенским причтом: считается несмыслаемым срамом для всей деревни, если в беззаконии будет уличен пономарь, дьячек, дьякон, а особенно—свя-

ценник. У Глеба Успенского приведется случай, когда мужики чуть-ли не всем «обчеством» потребовали объяснения у батюшки, которого бабы изболчили в нарушении правил великого поста.—«Что же это ты батя?—укоризненно покачивая головой, спрашивали мужики; все-то ты говоришь нам—«абие», «абие», а у самого-то у тебя выходит олно «бабие».

Насколько далеко заходили в своем фанатическом «пощении» некоторые верующие, можно судить по тому, что они не только не ели в дни великого поста ничего мясного, молочного, яиц, но даже не пили чая с сахаром, считая последний скоромным, так как он, якобы, делается из костей животных, а женщины отнимали от груди грудных детей и кормили их постной пищей, чем увеличивали детскую смертность. Впрочем, смертность подымалась тогда и среди взрослого населения на почве резкого перехода от «обжорной», обильной всякими яствами, масляницы к голодному посту с его неудобоваримой пищей.

16. Масляница и великий пост в народных примерах и поговорках.

Характерно, что в отношении различного рода народных примет, поговорок и прибауток масляница и великий пост, сравнительно бедны, хотя календарно они тянутся целыми неделями и еще недавно занимали такое видное место в городском и сельском быту. Из этих примет одни связаны с метеорологическими наблюдениями, с погодой. Гадая о ней, крестьяне отмечают, что «Какова пестрая, такова и масляница», «Какова всеедная погодой, такова и масляница», «Если на всеедной будет хорошая погода, то и масляна будет тепла», при чем «пестрой» неделей они называют предшествующую масляничной «мясопустную» неделю (конец мясоедения), а «всеедной»—неделю о блудном сыне, предшествующую пестрой.

Про самое же масляницу с ее бытовым содержанием, разгулом и расходами, крестьяне говорят, что она—«широкая, веселая, честная», «семь дней гуляет»,—«Не житье, а масляница—неделю гулять», «Масляница—обедуха, деньгам приберуха», «Хоть с себя что заложить, а масляну проводить», «Пили о масляну, а с похмелья ломает на радуницу», «Масляна широка—затопила и великий пост». Вместе со всем этим делаются ими и предостерегающие советы—замечания касательно будущего: «Не все коту масляница,—будет и великий пост»; «Масляна не на век достается»; «Пируй и гуляй, баба, на маслянице, а про пост вспоминай»; «Бойтся масляна горькой редьки да пареной репы» (великопостной пищи). Что же касается бытового начала и конца масляницы, то сюда относятся такие, например, поговорки и замечания: «Без блинов—не масляница»; «На масляной первый блин за упокой»; «Отдают почтение на сырной в воскресенье»; «В прощенный день, как на пасху, все целуются», и т. п.

Погода на маслянице, по мнению крестьян, дает возможность предвидеть будущий урожай и обилие тех или иных продуктов питания, а также вообще хозяйственное благополучие: «Какой день масляницы красный, в такой сей по весне пшеницу»; «Як на маслянице у четверг будет сояшно,—сей лен»; «Оттепель с заморозками (или ненастью) на прощенный день—к урожаю грибов»; «Если на маслянице в субботу снег,—уродится орех и греча; если снег тихий,—год будет легкий;

если снег будет комками,—год будет тяжелый»; «Если в прощальное воскресенье тепло, хлеб будет»; «Если—ветер, рожь осыплется»; «Если снег, будут орехи и хмель»; «Если в продолжение масляницы ясно, во время сенокоса будет ясно; если выюга,—во время сенокоса ненастье».

Такого же характера приметы и поговорки наших крестьян и насчет великого поста, как такового, т. е. соответствующих пищевых запретов. Здесь мы имеем: «Пришла редька да хрен, да книга Ефрем» (покаянные молитвы); «Заговеться на редьку, на хрен, да на белую капусту»; «В великий пост, как узлом затянет»; «Кто все четыре поста постит, за того все четыре евангелиста»; «Великий пост прижмет хвост». Настаивая, вслед за церковью, на строгом соблюдении этого поста крестьяне, в то же время, говорят, что «пост не мост, можно и об'ехать»; «В год хлебородный пост не голодный»; «Не бойся того поста, когда в закромах нет пуста, страшен и мясоед, когда в амбаре хлеба нет»; «Никто на Руси с поста не умирал».

Из метеорологических примет большинство относится к дням первой недели поста, например: «Если в один из дней первой недели будет капель, то во время заморозков (сева ярового) весной одну неделю будет мороз; если два дня капель—две недели будет мороз»; во вторник «яркие звезды, безоблачное небо—лето сухое и грозное»; «На востоке облака и туман,—лето холодное», «Снег и буря—лето дождливое»; в среду, «Если в шуме воды (в реках, ручьях, родниках) слышится как бы человеческий голос, лето будет благополучное», «Если вода шумит, как жернов на мельнице, будут летом большие дожди и грозы», и т. п.

17. Происхождение и смысл масляницы.

Таково богатое, многообразное старобытовое содержание масляницы. Познакомившись с ним, ставим сами собою напрашивающиеся вопросы: каковы ее происхождение и смысл, ее, т. е., самого праздника и составляющих его обрядов?

Ответ на это кроется в седой древности славянского язычества, в социальных условиях жизни тогдашних славян. По своему происхождению, масляница—многодневный праздник, отмечавший собою для древних славян конец зимы и начало весны. Будучи и до сих пор переходящей подвижной, не закрепленной за каким либо определенным днем и месяцем, и лишь искусственно, церковью, поставленная в календарную связь с таким же подвижным весенним праздником—пасхой, она приходится у нас как раз на ту часть зимы, когда уже ощутительно и явственно становится заметным конец последней, делается теплее, бывают оттепели, день увеличивается, подрастает; короче,—когда ряд этих и других признаков метеорологического и прочего порядка отмечает скорое наступление весны.

Этот момент, считавшийся древними славянами как раз концом зимы и началом весны, имел для них большое производственное, хозяйственное значение и требовал от них надлежащей, соответствующей подготовки к ответственным тяжелым весенним и летним работам. Будучи таковым, он, поэтому, и отмечался ими своим многодневным и разносторонним праздником, празднеством, при чем первоначального, древне-

славянского названия его до нас не дошло, не сохранилось. Характерно, что христианская церковь у нас, после «крещения Руси» поглотившая и присвоившая себе, введшая в свой праздничный обиход, так много славяно-языческих праздников и их отдельных обрядовых и других моментов, а иные затерши совсем, ничего не могла поделать с масляницей: ни присвоить себе, ни выбросить из народного быта, и праздник этот до сих пор остался неприкрыто «языческим».

Итак, масляница отмечала собою конец зимы и начало весны. В этом отношении и потому она носила и носит двойной, двойственный, двусторонний характер: с одной стороны,—она закарпчивает собою праздничный зимний цикл, а с другой—открывает цикл весенний, концом которого служит такой же двойной, весенне-летний «семик честной» с троицей и духовым днем. Справляя ее, славяне на своих общинных собраниях обсуждали свои хозяйственные вопросы касательно предстоявших полевых и других работ, подводили итоги истекавшей зиме, учитывали продовольственные запасы, состояние сельско-хозяйственного мертвого и живого инвентаря, а также заботились о своих умерших сородичах, старались обезопасить себя и хозяйство от козней «нечистой силы» и путем различных обрядов обеспечить себе на будущее урожай и т. д., короче—хозяйственное благополучие.

Пережитки всех этих ее сторон, далекие, не раз менявшиеся на протяжении веков в силу менявшихся социальных условий и обросшие рядом позднейших наслоений, и составляют ее современное старобытовое содержание, в чем нетрудно убедиться путем анализа последнего.

Начинается масляница, как мы видели, со «встречи» ее летворой, призывающей и приветствующей ее особым причитанием-приветствием, как дорогую, желанную и долгожданную гостью—«широкую боярыню». Здесь пред нами не что иное, как былое, полуизглаженное и многократно передельывавшееся, магическое «закливание»—призывание масляницы, т. е. конца зимы и начала весны, олицетворенной в образе красивой и богатой боярыни (наслоение из эпохи феодальной Руси).

Древние славяне, подобно всем малокультурным народам, верили, что человеческие слова и действия обладают особой магической-колдовской, волшебной силой и что, поэтому, при помощи и путем заклинания—призывного заклинания можно вызвать, призвать желаемое явление, как в данном случае—переход зимы в весну. Раньше, в древности, заклинания эти произносились, конечно, взрослыми, чаще—старейшинами или волхвами—жрецами и носили, следовательно, обрядовой, священнодейственный характер, но потом постепенно смысл их забылся, и они выродились в шуточные детские песенки-причитания.

Кроме масляницы, подобные былые магические заклинания весны сохранились местами у нас на праздниках Евдокии (1 марта), сорока мучеников (9 марта) и благовещения (25 марта). Что же касается олицетворения ее в виде молодой боярыни (а семика—в виде богатого молодца), то это часто встречается в народных праздничных песнях, и, как пример, можно привести еще, хотя бы, следующий отрывок из одной белорусской волочебной песни, где перечисляются, коротенькими характеристиками, церковные праздники с декабрьского рождества:

«Свято Рожство напярод прышло,
Святое Василле на Новы рок,

А на Новы рок поздрауляецца,
 Святое Крещенне на Ердань ходзиць,
 На Ердань ходзиць, воду свенциць,
 Святыя Громници (сретенне) свечи сукаюць,
 Свечи сукаюць, на прыстау стауляюць,
 Святы Збор ляды разбиваець,
 Ляды разбиваець, воду пушаець,
 Свята Вербница вербу свяцила,
 Благовещенне лемеші йстрила,
 Вороным конем, золотой сохой,
 Золотой сохой да правой рукой.
 Свято Величко (пасха) з красным яечком,
 Старым и малым яечки качаць,
 Яечки качаць, святцау провожаць», и т. д.

Долгожданный переломный период, переход зимы в весну, в силу, якобы, специальных магических заклинаний—призывов наступил, пришел. Непременной и обязательной, при том—одной из главных, составных частей всякого славяно-языческого праздника, а, значит, и масляницы, кроме общинных собраний, были общинные, совместные пиршества, тянувшиеся все дни празднества и поглощавшие огромное количество продуктов. В эти дни среди славян царило форменное обжорство и дикое пьянство, при чем вызывалось оно рядом причин.

Здесь играли свою роль и длительная предшествующая вынужденная зимняя полуголодовка с таковой же после масляницы, «великим постом», объясняемые отсталостью и малопродуктивностью примитивного натурального хозяйства с его убогой техникой; и взаимоугнетение по случаю радостной встречи после долгой разлуки; и необходимость путем усиленной еды набраться физических сил для предстоявших тяжелых работ; и желание задобрить души умерших сородичей; и стремление магически обеспечить себе в будущем обилие продуктов питания.

На последних двух моментах необходимо несколько остановиться...

Для древнего славянина, как вообще для первобытного человека, всякая еда и выпивка, а тем более празднично-пиршественная носила «священный», священнодейственный, обрядовой характер. Над употреблявшимися здесь продуктами предварительно производились различные магические обряды, якобы, придававшие им особую магическую силу—«святость», пережитком чего до сих пор еще является; например, пасхальное «освящение» куличей, пасох, яиц и т. д.

Поэтому считали, что вкушение всего этого—обряд, наделяющий и самих вкушающих этой силой—благодатью, святостью. Кроме того, существовало верование, что, чем больше будет съедено и выпито на данном празднике, чем сытнее и пьянее будет проведен он, тем больше будет магически обеспечено соответствующих продуктов в результате последующих работ, т. е. тем обильнее будет урожай хлебов, приплод скота, его молочность, и т. д. Праздничная еда и выпивка, якобы, оказывали магическое действие на увеличение всех продуктов питания и впредь. Таким образом, наедались и напивались, помимо ряда других причин и целей, также и с целью магического воздействия на свое хозяйственное благополучие.

Но этого мало. Праздничные пиршества славян, в том числе и масляничные, носили одновременно и характер жертвенных тризны, угощения умерших сородичей, их душ, духов. Славяне верили, что души умерших выходят из своих мрачных обителей, незримо присутствуют среди живых и принимают активное участие, положительное или вредное, во всех их делах; присутствуют они, якобы, и на их праздничных пиршествах. Поэтому, взаимоугощаясь, они в то же время старались угостить и эти души, для чего выделяли им особые, лакомые части, порции, носили последние на могилы или пировали на кладбищах, оставляли столы с кушаньями накрытыми круглые сутки, пили и ели «за здоровье» умерших.

Касаясь этой стороны славянских праздников, В. Рोजицын в своем «Рождестве христове» пишет:

«По взглядам древних славян и германцев, сущность святок (т. е. праздников) именно в том и заключалась, что приходили родные мертвые, духи предков, таинственные существа подземного мира, вступали в общение с живыми родственниками, пили и ели на их пиршествах, гостили в их жилищах, вдыхали в природу способность рождать растения, давали плодородие женщинам. Живые ели и пили за предков, а позже, вместе с развитием частной собственности и богатства, зажиточные крестьяне, бояре и цари исполняли обряд кормления предков, подавая милостыню нищим.

Мы теперь уже не в состоянии понять это: как может быть сыт один, если за него ест или пьет другой? Однако, до сих пор в нашем обиходе сохранилось выражение: «пить за чье нибудь здоровье». Древние славяне и германцы пили и ели за здоровье своих предков и были уверены, что вокруг них толпятся тени и призраки мертвых, кормящиеся за пиршественным столом. Кроме того, когда кончался пир, праздничные яства оставлялись на столе при широко раскрытых дверях: в отсутствие живых всю ночь духи должны были поглощать жертвенную пищу» (стр. 36; 1925 г.).

То же самое отмечает и наш этнограф Е. Аничков. Разбирая наши, направленные против славянского «язычества», древне-русские церковные «поучения» и отмечая, что в последних особенно «обличаются» «пиры и игрища», он пишет:

«Пир одновременно и жертва. Трудно проследить, в какой мере и всегда ли, но нельзя сомневаться в том, что почти каждое «моление», каждая жертва, каждое справление того или иного праздника или просто обряда—все это было сопряжено с пиршеством. Для нас особенно важно вникнуть в это застарелое чувство, по которому принесение обильной жертвы и самая возможность совершать великое моление составляют главную надежду и центральную религиозную заботу человека. Это чувство не исчезло: оно лишь претворилось. Обилие праздничного стола—показатель довольства, источник радости, предмет гордости и в нынешнее время. Праздничный разгул, в котором часто обвиняют крестьян и который кажется безумным, исходит из этого древнего бытового пиршества, когда не жалели запасов» («Язычество и древняя Русь», стр. 160—161; 1914).

И здесь же он показывает, что эти праздничные пиршества в древней Руси, Руси уже внешне христианизованной, имели в виду главным

образом души умерших предков и родственников, предназначались «на-вьям (покойникам), роду и рожаницам».

Чем же угощались славяне и угощали своих умерших сородичей и предков в дни масляничных пиршеств?

Особого изобилия и разнообразия здесь быть не могло: примитивная сельско-хозяйственная техника с ее мотыжной, затем сошной подсечной и переложной системами давала низкий урожай хлебов, скотом славянин был беден всегда, и редко резал его на мясо, охота давала последнее чаще, но он не умел в те времена долго его хранить, так же обстояло дело и с рыбой. В силу всего этого ко времени масляницы, к началу весны, славяне приберегали (урезывая до того) муки, скот давал молоко, творог, сметану и масло, куры начинали нести яйца, в небольшом количестве сохранялось соленое, копченое или вяленое мясо, да какие нибудь сушеные фрукты и орехи. Главное место среди всего этого занимали хлеб и молочные продукты, при чем хлеб выпекался тогда просто в виде плоских лепешек—блинов, на раскаленных камнях или золе,—первоначальный, древний способ хлебопечения.

Праздничным кушаньям, как мы уже отметили выше, приписывали священнодейственное значение и магическую силу, к тому же—праздничный, как и вообще весь религиозный, ритуал, обрядовый обиход, консервативен, переживает, удерживается долгое время после того, когда породившие его социальные условия уже изменились или отмерли совсем, отжили. После всего этого нам становится понятным целый ряд других, интересующих нас, масляничных элементов.

Так, понятен теперь бесшабашный масляничный разгул с его обильным взаимоугощением, хождением друг к другу в гости, неумеренной едой и пьянством,—пережитки бывшего славяно-языческого общинного пиршества. Понятно, почему фигурируют здесь, главным образом, молочные продукты, по которым вся эта неделя и называется «масляницей», а в церковном календаре—«сырной седмицей». Понятно происхождение «блинов»,—этого традиционного и типичного масляничного блюда. Понятны обычаи—отдавать первый блин нищим «на помин усопших» или класть его на слуховое окно для них,—для душ умерших родителей и родственников, да и вообще употреблять при «поминовении» умерших и на «поминках». Понятно, наконец, почему самое приготовление ее на снегу и при свете месяца отражает магическое поверие, что блины оттого будут рыхлы, белы и круглы, т. е. удачны.

Бряд ли стоит добавлять, что ко всему этому надо присоединить еще «братчину»—совместное изготовление пива (и самогонки) «миром» и взаимоугощение им. Это—пережиток все того же славяно-языческого пиршества, где, действительно, видное место занимало затирание хмельного напитка из ячменя—пива или браги, а также и других спиртных напитков из меда, различных фруктов и т. д. Этот обычай фигурирует в сельском быту не только на маслянице, но и, часто, в ряде осенних праздников, начиная с семенова дня,—после уборки всего урожая.

Общинные пиршества и заботы об умерших, о душах предков и родственников, являются непрменными, обязательными существенными сторонами каждого крупного славяно-языческого сезонного праздни-

ка,—в том числе—и масляницы, замыкающей собою зимний период и открывающей весенний. Сюда же, к этим сторонам,—собственно, ко второй из вышеперечисленных, надо отнести также общее поминовение родителей пред самой масляницей, в так называемую «родительскую субботу», и хождение «на могилки» в прощенное воскресенье.

Все эти заботы об умерших, об их духах, объясняются тем, что славяне (и их потомки—современные крестьяне) приписывали душам умерших (а ранее и вообще покойникам, мертвецам) особую силу, могущество и участие во всех сторонах жизни их живых потомков или сородичей. Они полагали, что духи эти могут оказать живым могущественную действительную помощь в хозяйственной и личной жизни или, наоборот, причинить ущерб, вред, смотря по отношению к ним живых.

Поэтому, начиная весну, подготавливаясь к предстоящим ответственным весенним работам, славяне путем угощения и других обрядов и действий старались задобрить, благорасположить к себе души умерших и тем обеспечить себе на будущее их помощь и поддержку.

Кроме вышеуказанных пиршеств и забот об умерших, третьей непрременной существенной стороной масляницы (как и каждого крупного славяно-языческого праздника) были и являются обряды магического и прочего очищения, связанные с тревогами, опасениями и заботами о том, как бы «не встретилось каких либо помех на пути к достижению целей, преследуемых в это время года», т. е. весною. Иначе говоря, славяне с помощью различных иных магических и прочих действий, приемов, обрядов старались обезопасить себя и все свое хозяйство на весну от каких либо зловредных явлений, чаще всего, якобы, причиняемых и насылаемых «нечистой силой»: злыми духами и их служителями—колдунами и ведьмами. Из этих обрядов на первое место следует поставить «очищение огнем», считавшееся искони всеми первобытными народами одними из самых действительных магических очистительных средств.

Славяне верили, что зима, мрачная, холодная и голодная зима, с ее морозами, вьюгами, метелями,—время наибольшего разгула «нечистой силы», старающейся причинить людям и их хозяйству всякий вред, и ей, этой нечистой силе, они приписывали все свои беды, несчастья. Поэтому, если вообще желательно избавиться от этой «нечисти» все время, то особенно это необходимо по соображениям хозяйственного, производственного порядка,—думали они,—в самом начале весны, перед ответственными сельско-хозяйственными работами, тем более, что к этому времени нечисти собиралось за зиму особенно много и она была особенно зла, зловредна. Но как от нее избавиться, чем отделаться? Чего она больше всего боится?

Огня, света, так как она привыкла жить во мраке, в темноте и действовать главным образом по ночам и в темные, мрачные дни, при чем гнздиться, прятаться всюду в избе и хозяйственных постройках, особенно в пустой, обмолоченной соломе, вениках, брошенных старых, ненужных вещах и вообще во всяком мусоре,хламе и грязи. Поэтому, чтобы избавиться от нее, славяне в дни масляницы, в самом конце зимы и начале весны, сносили в кучи за селения охалки соломы и всякий хозяйственный хлам и сжигали его в уверенности, что таким путем они сжигают, уничтожают и прогоняют от себя и хозяйства зловредных ду-

хов, адскую нечисть. В костры эти они бросали также можжевельник, бересту, дубовую и липовую кору, а также обрывки кожи, кости и т. п., чтобы вызвать побольше дыма и смрада, вони, каковые, якобы, тоже неприятны злым духам и заставляют их бежать дальше от людей, селений и полей,—чем больше огня, дыма и вони, чем дальше они видны и слышны, тем дальше бегут, спасаются от них демоны, бесы, а также колдуны и ведьмы.

Шли еще дальше...

Славяне, подобно другим, полагали, что таким путем, с помощью таких костров, всей нечисти от себя не прогонишь, не уничтожишь,—нечисти и причиняемой, творимой ею «скверны», зла, понимаемого в физическом, материальном смысле, как то: болезней людей и скота, и т. п. Поэтому они прибегали еще к другому, более радикальному средству: изготовляли из соломы или дерева человеческое изображение, чучело, путем магических приемов, обрядов загоняли в него, собирали в него всю, накопившуюся за зиму, нечисть, несли за околицу и там уничтожали: сжигали, разрывали или топили, бросали в воду. Таким образом, по их верованиям, магически уничтожалась ими вся, собравшаяся вокруг их и их хозяйств, нечистая сила и скверна последней и они начинали свой хозяйственный год,—а начинали они его именно с весны,—чистыми, избавившимися от злых духов и их козней.

То обстоятельство, что этому сжигаемому, утопляемому или разрываемому на части соломенному и деревянному чучелу придавали форму человека, выдает нам, что еще раньше у славян дело обстояло несколько иначе и данный обряд носил более жестокий характер: сжигали, топили или разрывали настоящего, живого человека, которого перед тем путем магических действий, приемов делали носителем и воплощением всей нечистой силы, ее обрядовым заместителем. Примеров подобного человеческого искупительного или заместительного человеческого жертвоприношения знает много история религий, но мы на этом останавливаться не будем, так как разбор данного мотива завел бы нас слишком далеко и занял бы слишком много места, желающих же познакомиться со всем этим обстоятельно мы отсылаем к основному, капитальному труду английского этнолога Д. Фрэзера—«Золотая ветвь».

После всего вышесказанного становятся понятными шуточные обычаи масляничного воскресенья—проводы и сожжение масляницы. При описании последних мы видели, что в наших сельских местностях они как раз и заключались, главным образом, в том, что за околицей селений устраивался молодежью костер из старых плетней, разбитых бочек, дегтярниц, поломанных саней, охапок соломы и т. п., на котором вечером торжественно сжигали соломенное или деревянное чучело—изображение масляницы. Чучело это,—как мы теперь уже знаем,—первоначально олицетворяло и магически замещало не масляницу только, а всю зиму, весь уходящий зимний период, со всею ее «нечистью», т. е. зловредными духами и их скверной: болезнями и т. п. Что это, действительно, так, видно из другого местного варианта этого обычая: сжигали расписанное изображениями нечистой силы колесо.

Правда, в описанном нами виде обычай «сожжения масляницы», а перед тем—торжественного ее катания по селениям выступает пред нами уже в своем позднем, искаженном и усложненном, виде: чучело изо-

бражует собою уже только масляницу, как веселый и разгульный праздник, при чем оно одновременно символизирует и уходящую зиму, и наступающую весну, что подчеркивается также нахождением рядом с ним на саях или вместо него девушки с зеленой веткой в руке,—на чем мы остановимся дальше, но первоначальный смысл и вид данного обычая, а некогда обряда, был именно такой, как мы указали выше. Что же касается того, что при проводах масляницы тучело ее местами не сжигали, а топили в воде или разрывали на части, то это тоже уже понятно из вышесказанного: человеческую жертву иногда тоже умерщвляли подобным образом,—путем утопления или разрывания.

Таково масляничное «очищение огнем». Чтобы не возвращаться более к очистительным обрядам—обычаям, отметим кстати, что в круг этих переходных зимне-весенних обрядов, как их далекий пережиток, входит и обычай наших домашних хозяек «в чистый понедельник» очищать жилища от всяких остатков масляничных кушаний, отмывать посуду и даже «освящать» их с помощью рясника и водосвятия, а также «прибирать» в комнатах перед началом праздника. Сюда можно отнести то, что пишет Е. Аничков, главным образом, о подобном весеннем очищении жилищ перед пасхой и юревым днем:

«Почти у всех народов весной назначается такой день или такая неделя, когда производится полная чистка всего хозяйства. Зимой, когда люди боятся холода, ни мести, ни мыть хорошенько неудобно. Весной, напротив, как только откроются окна и двери, даже самая первобытная гигиена требует, чтобы накопившуюся за зиму грязь вымыли, вычистили, вытрясли. Это простое мытье, отвечающее чисто практической цели, народное воображение понимает шире, оно придает ему уже и религиозное значение» («Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», I, стр. 240; 1903 г.).

Все эти очистительные масляничные обычаи, бывшие некогда обрядами магико-религиозного характера, имели ранее целью избавиться от нечистой силы и ее козней, зловердных деяний и напастей, чтобы спокойно встретить весну и начать ее полевые и прочие работы. Такого же порядка,—скажем теперь,—было некогда и ряжение, переряживание, тоже фигурирующее в числе масляничных увеселений молодежи и детворы.

Славяне полагали, что в дни масляницы с ее общинными пиршествами, собраниями и т. д., злые духи особенно тянутся к людям и их жилищам, особенно стараются причинить им какой либо вред и особенно злы, да и души умерших, чем-либо недовольные живыми, тоже не прочь тогда отомстить последним. Отсюда возникала необходимость как то еще избавиться или спастись от них, отпугнуть их от себя, отогнать или сделаться для них неузнаваемым, остаться не узнаваемыми ими, обмануть их. Но как?

Переряживанием.

И вот, славяне рядились для того в чужие одежды или шкуры, надевали на себя различные маски или мазали чем либо лица (сажей и т. п.), старались казаться страшными, отпугивающими и надеялись, что благодаря всему этому духи их не узнают или испугаются их страшного вида и убегут, не тронут. Впрочем, на ряду с этим переряживание вообще делалось и с другой целью: рядясь под тех или иных животных,

зверей или под духов хлеба, растительности, старались магически повлиять на размножение этих животных и на урожай полей и лугов, т. е. продельвали все это в магиико-производственных целях. Позднее, с оживлением сношений с Византией, оттуда тоже был занесен шуточный обычай-забыва—надевать маски и переряживаться.

Благодаря всему этому обычай переряживания удержался в праздничном обиходе и вылился в шуточную забаву, увеселение масляницы (и рождественских святок), хотя церковь упорно и яростно с ним боролась и грозила ряженым суровыми наказаниями. Например, в «Номоканоне», в статье «о забавах», отмечалось, что «предававшиеся танцам на свадьбах, или надевавшие на себя в каких нибудь собраниях налечники (маски), или наряжавшиеся мужчины в женскую одежду, а женщины в мужскую, подвергались: миряне—отлучению от церкви, а духовные—лишению священнического сана».

Наконец, к числу средств против нечистой силы, кроме выше разобранных, принадлежали также у славян шум, грохот, треск. В дни своих праздников, в том числе и на масляницу, они с помощью всякого рода предметов старались производить около себя и селений с полями как можно больше шума, грохота, полагая, что обитатели мрака и тишины—злые духи испугаются и убегут от них. Среди масляничных увеселений это пережиточно сохранилось как в самом шумном проведении ее вообще, так и, в частности, в навешивании на лошадь при катании массы звонких бубенцов и колокольчиков,—в пресловутом, традиционном масляничном катании на лошадях «с бубенцами».

Переходя теперь к разбору других масляничных обычаев, надо сказать, что многие из них носят, опять таки, магический характер, при чем часть их обращена в сторону зимы, часть связана с наступающей весной, и все это—под углом зрения хозяйственных, производственных интересов.

Как известно, один из принципов первобытной магии гласил, что «подобное вызывает подобное», т. е. что для получения, вызова желательного действия необходимо воспроизвести его, подражать ему в обряде.

Для древнего славянина зима—тяжелый, холодный и мрачный период, относительно сытный в начале, когда еще не иссякли летние и осенние припасы и запасы и становящийся все скуднее и голоднее к концу,—к весне. Неудивительно, что он с нетерпением ждал конца зимы и старался путем личного вмешательства в ход и жизнь природы ускорить этот конец. Мог он это сделать, якобы, при помощи надлежащих, соответствующих магических приемов, обрядов.

Но как?

Характерной принадлежностью зимы являются снег и лед, покрывающие собою кормилицу—землю и богатые рыбой реки, озера и т. д.; необходимо как то повлиять на их таяние, сломать, разбросать, растопить их, а также усилить теплотворную силу солнца. Отсюда ряд магических обрядов над снегом, льдом и солнцем, обрядов, превратившихся позднее, опять таки, в знакомые нам масляничные забавы, увеселения: в осаду снежных городков детьми, в растапливание снежных гор и в игру в мяч молодежи.

Дети на масляницу лепят из снега городок и, разделившись на две партии, осаждают и защищают его, чтобы в конечном итоге его разру-

пить, а одного из своих выкупать в холодной воде. Под этой игрой скрывается в измененном виде былой славяно-языческий масляничный обряд разбрасывания, разметания снежного холма или городка с целью таким путем вызвать и ускорить ломку льда на реках и таяние снега, снежных сугробов на земле, при чем купание при этом кого-либо имело целью способствовать разливам рек и обеспечению полей и лугов дождями весной и летом.

Еще более явственно, наглядно эту цель выдает и местный воскресный обычай—растапливать снежную или ледяную гору с помощью разложения на ней костра из соломы и хвороста, при чем огонь здесь должен был соответствующим образом магически повлиять и на теплотворную деятельность солнца. Кроме этого на солнце старались повлиять, заставить его быстрее идти на весну и лето также с помощью подбрасывания мяча (ранее—просто надутого пузыря), откуда развилась встречавшаяся нам масляничная игра молодежи в мяч, и катания на каруселях (ранее—просто кружения вокруг себя).

Все эти обычаи—былые обряды, как видим, имеют целью ускорить конец зимы и освободить землю с водными источниками от снега и льда. Более многочисленны и разнообразны масляничные обычаи, направленные в сторону весны и последующих времен года с их ответственными сельско-хозяйственными работами и заботами о хозяйственном благополучии и достатке. Сюда надо, прежде всего, отнести уже разбиравшийся нами центральный масляничный обычай—возить «масляницу» в виде чучела, или одетого в женское платье крестьянина, или в виде красивой девушки. Все они олицетворяют и воплощают в себе как самый праздник, так и, в частности, весну, приносящую с собою радость, веселие и сытость, а также духа весны.

Характерная деталь, что иногда около «масляницы» на праздничном возу прикрепляют зеленую древесную ветку, является далеким пережитком былого культа деревьев и духов растительности, коим приписывали положительное влияние на всяческое плодородие в мире растительном, животном и в человеческом обществе. Верили, что ветка эта, как и вообще все и всякое или отдельное дерево, а также, позднее, его дух, пребывающий в нем, вносимые в селение приносят туда с собою плодородие и обеспечивают хороший урожай хлебов, трав и плодов, приплод у скота и чадородие у женщин.

Выступая слабо в масляничном обиходе, пережитки этого культа деревьев особенно хорошо сохранились у нас и выступают на празднике троицы с ее традиционной березкой, венками и пр. (подробнее см. об этом в нашей брошюре—«Вознесение, троица и духов день»).

Другие масляничные обычаи—увеселения, как-то: катание с гор и на лошадях с песнями и музыкой, качели, гигантские шаги, кулачные бои, колядование, хождение по масляницу, посещение балаганов, игра скоморохов и т. д., а также и большинство выперазобренных, помимо своих узко-специальных целей имели и одно общее назначение,—вызвать как можно больше смеха, веселья, радости, повышенного настроения, а это, в свою очередь, тоже имело особое значение и назначение, носило магический характер.

Дело в том, что древние славяне (и другие народы) приписывали смеху особую магическую силу—способствовать поднятию и усилению

производительных сил природы, тому же урожаю хлебов, трав, плодов, умножению животных и т. д. Верили, что, чем больше будет смеха и чем громче будет он, тем богаче будет природа в наступающем году, тем больше она народит и даст человеку продуктов питания. Отсюда смех носил тогда, в праздничные дни, и магико-обрядовое значение: он должен был магически повлиять на природу и заставить ее тоже «смеяться». Таков был первоначально характер и смысл масляничного смеха, таков был,—заметим кстати,—и смех на пасху, получивший даже специальное название «пасхального смеха».

Познакомившись с этим общим назначением и смыслом масляничных увеселений, скажем несколько слов и о их специальном характере.

Катание на лошадях,—сравнительно поздний обряд-обычай, ибо масса древних славян была бедна рабочим скотом (он был только у князей, бояр и т. п.), имело магической целью усиление роста хлебов и трав.

Катание с ледяных и снежных гор на санках, как отмечают и сами крестьяне, помимо простой детской забавы имело целью магически способствовать росту льна: чем дальше кто съедет с горы, тем длиннее уродится лен в хозяйстве его родителей. Качание на качелях, а отчасти также на гигантских шагах, якобы, должны были магически способствовать лучшему росту хлебов и трав: чем выше подняться, тем выше будут они. Характерно, что такое же поверье существует у крестьян в Сиаме, где при храмах имеются даже постоянные священные качели, на которых в определенные земледельческие праздники качаются жрецы-брамины с целью вызвать лучший урожай хлебов.

Не забавой и не развлечением некогда были у нас и масляничные кулачные бои, а преследовали собою тоже производственные цели. Славяне в древности, и тоже подобно некоторым другим первобытным народам, пролитою воды, а также, и особенно, крови, приписывали магическую силу вызывать и обеспечить поля и луга необходимой для последних влагой, дождями. Поверье такое имелось, еще, напр., у древних евреев и хананеев, полуизглаженный след чего сохранился в библейской сказке о кровавом жертвоприношении на горе Кармиле при мифическом пророке Илии (об этом см. нашу брошюру «Пророк Илия»).

В одной местности Абиссинии существовал особый обряд—обычай: чтобы обеспечить нивы и луга дождем, жители соседних деревень в продолжение целой недели, в январе, устраивали между собой кровавые побоища, или «стенка на стенку». Когда Менелик задумал было отменить, запретить этот обычай, но случилось бездождие, поднялось возмущение, и ему пришлось уступить, ограничив побоище двумя днями. Точно такого же характера, как этот абиссинский обычай, были первоначально и масляничные кулачные бои славян, которые таким образом, путем взаимного кровопускания, кровопролития, надеялись магически обеспечить своим полям и лугам весенние и летние дожди, влагу.

Что же касается тоже входящих в данный круг масляничных увеселений обычаев детворы и молодежи ходить по дворам с колядой и «по масляницу» с поздравлением домохозяев и сбором с них продуктов и денег, то все это является сглаженными пережитками бывшего сбора продуктов для общинного пиршества, а с другой стороны, некогда преследовало целью путем произнесения различных благопожеланий, коему

приписывали магическую силу, принести в каждый отдельный дом всяческое хозяйственное благополучие на начинавшийся год, т. е. урожай хлебов, приплод скота, здоровье семье и т. д. В масляничном обиходе эти славяно-языческие пережитки слабее, а резче они выступают в старобытовом содержании рождественских святок и пасхи.

В заключение нам остается теперь разобрать масляничные элементы в связи с семейными и брачными взаимоотношениями.

При описании соответствующих масляничных обычаев мы видели, что там большое место занимали «молодые, молодожены», посещение ими своих родителей и родственников по браку и обратно, и как то слабо выступал момент половой, эротический в забавах, играх и песнях молодежи, чего больше, чем достаточно, в некоторые другие народные праздники, как то: на пасху, троицу и т. п.

Объясняется это тем, что в силу экономических соображений древние славяне на масляницу и последующие недели («великий пост») налагали табу—запрет на половые сношения, ибо забеременевшая в это время женщина становилась неспособной к работе в конце лета и начале осени, т. е. как раз тогда, когда рабочие руки и силы особенно дороги, нужны в крестьянском хозяйстве вследствие трудности и ответственности тогдашних сельских работ: уборки сена, хлеба и т. д. Поэтому они, регулируя под этим углом зрения своих хозяйственных интересов, запрещали браки и вообще половые сношения в разбираемый нами период, а отводили под них сроки или более ранние (святки), или более поздние (около пасхи).

Позднее, с распадом общинного уклада и с выделением отдельных семейств в самостоятельные хозяйственные, производственные единицы, сюда привнесивались еще и другие соображения: родители не желали, им было невыгодно отдавать дочь за-муж в начале весны, перед весенними работами и лишаться таким образом рабочей силы. Поженившиеся же незадолго до того—молодожены, естественно, первое время поддерживали более тесные сношения со своими родителями и обратно, последние с ними, дабы дать возможность лучше наладить молодое, новое хозяйство и поддержать его словом и делом: советом и материально.

Что же касается воскресного масляничного обычая отдаривания и взаимопрощения, то они, думается, сложились под влиянием двух моментов, являются видоизмененными пережитками двух элементов славяно-языческого праздника: славяне после него расходились для подготовки и начала весенних работ, при чем наделяли друг друга припасами и т. п. и «прощали» друг другу обиды, оскорбления, при чем, может быть, здесь фигурировал и общинный суд, общественное разбирательство различных тяжб с примирением тяжущихся сторон, как это было обычно в дни праздничных собраний. К этому присоединялось еще и весеннее магическое «очищение» всех и всего, причем путем изложения своих вин—«грехов» надеялись магически очиститься «внутренно» морально.

18. Масляница и церковь.

Выяснив происхождение и былой смысл старобытового масляничного содержания, скажем теперь несколько слов о том, как использует масляницу церковь, духовенство.

В церковном календаре, где «все расписано» и все направлено к надлежащей идеологической «обработке» темных трудовых масс на протяжении всего годового периода, масляница, называемая там «сырной седмицей», является завершением четырех, так называемых, подготовительных недель к великому посту. Первая из них именуется на церковном языке «неделей о мытаре и фарисее» по соответствующей евангельской притче (Лука, 18, 10-14), которая читается тогда на литургии. Богослужение всей этой недели направлено к тому, чтобы внушить вышеуказанным массам идею о необходимости крайнего смирения, сознания человеком ничтожества своих сил и необходимости возлагать все свои надежды только на помощь «свыше» и творить «плоды покаяния».

За ней идет «неделя о блудном сыне», называемая так тоже по соответствующей, читаемой на литургии, евангельской притче (Лука, 15, 11-32). Она—новый предлог для пропаганды реакционной поповской «педагогике», где в ярких красках рисуются и расписываются «призывание грешных, образ покаяния и величие милосердия божия».

Церковный автор Г. Дебольский в своих «Днях богослужения православной кафолич. вост. церкви», говоря об этой неделе и притче, пишет:

«В этой притче господь... ясно открыл нам, что источник жизни святой, достойной и блаженной заключается только в богатом союзе с богом (и церковью). Блудный сын... изображает грешников, которые, удаляясь от отца небесного, тратят дары природы, общества и благодати и с этою тратою неминуемо истощают и теряют все блага жизни мирной, достойной и полезной... Нищета, голод и унижение сии лишения и меры небесного правосудия и милосердия, наказующего и исправляющего нас—сокрушили и смирили блудного, нищего, голодного, униженного и погибавшего; он пришел в себя, почувствовал крайнюю степень своего заблуждения; решился возвратиться из страны дальней и греховной» в свой отчий кров к отцу, т. е. к церкви и богу (т. II, стр. 65—67; 1901 г.).

Церковь, как видим, пользуясь этой неделей и притчей о «блудном сыне», не только проповедует необходимость покаяния и всегдашнего пребывания в ее «единоспасающем лоне», но и дает свое объяснение социального зла: бедности, нищеты, рисуя последние «божественными лишениями и мерами небесного правосудия и милосердия»,—мерами и карательного и воспитательного порядка. С помощью такого толкования и проповеди рясники искони затемняли классовое самосознание темных трудовых масс, стонавших под гнетом крайней нищеты и эксплуатации со стороны паразитарных классов и слоев общества.

Продолжая далее свою мракосезную «педагогику» и «полит-экономия», церковь на третьей подготовительной к великому посту неделе, называемой ею «мясопустной», а в просторечии—«пестрой» (по средам и пятницам запрещается есть мясо, мясное), рисует пред верующими картину «страшного суда», живописует в мрачнейших красках его ужа-

сы и призывает к милосердию к бедным, а также к некоторому воздержанию в пище.

«Напоминая о последнем неподкупном и страшном суде,—пишет тот же Г. Дебольский,—православная церковь... устращает и побуждает всех нас к покаянию и указывает на милосердие к бедным, как на средство помилования от вечного за грехи осуждения на страшном суде, внушая, что никто не должен чрезмерно надеяться на великое милосердие божие, представляемое в неделю о блудном, потому что милосердый господь есть и праведный судья, имеющий воздать каждому по делам, и что покаяние и благочестие наше должны непременно сопровождаться благотворением ближним...

Побуждая и располагая нас к посту и покаянию изображением будущего страшного суда, церковь в неделю мясопустную приготовляет нас к приближающемуся пощению сокращением пищи и страха ради судного: ибо прародители за невоздержание изгнаны были из рая и подверглись осуждению» (там же, стр. 68).

Итак, на этот раз, на этой неделе, церковь, ссылаясь, опять таки, на евангелие (Матф., 25, 31-46), извлекает из своего арсенала свое испытанное оружие против трудовых масс—ужасы сказочного, мифического «страшного суда» и путем призыва к милосердию «разрешает» вековечный социальный вопрос о бедности, нищете. Иными словами, и здесь, чрез богослужение этой недели, ряски затемняют классовое самосознание масс, призывают их покорно мириться с эксплуатацией со стороны паразитирующих богатых классов и довольствоваться жалкими подачками, «милосердием и жалостью» с их стороны.

За этой неделей идет, наконец, интересующая нас масляничная неделя, или, на языке церкви, «седмица сыропустная, потому что ею оканчивается пред четырьдесятницею (великим постом) ядение сырной пищи». Седмице этой церковь отводит у себя еще более видное место, чем трем предшествующим, что объясняется близостью ее к великому посту и, у нас, слиянием ее с большим, знакомым нам уже, славяно-языческим праздником, наделившим ее богатым старобытовым содержанием.

Установление запрета есть мясо она возводит к ранним временам христианства, отмечая, однако, его тогдашнюю неовсеместность, обязательным же для всех он, якобы, сделался только с первой половины седьмого века при участии здесь светской власти в лице Константинопольского императора Ираклия (610—640) в эпоху тяжелых для Византийской империи годин упорной борьбы с Персией.

Собственно говоря, древняя церковь не установила этот временный запрет на мясо, а оформила и «осветила» уже существовавшее положение вещей, вызывавшееся экономическими, хозяйственными причинами: невыгодностью для древнего земледельца резать скот на мясо в это время года,—в период его тельности, молочности и обилия (на юге) кормовых трав.

Сюда присоединились, как видим, позднее и мотивы политического порядка. Установила церковь и, знакомый уже нам, запрет заключать брак на этой неделе, подводя под это мотив необходимости, в качестве подготовки к великому посту, очищения души и тела, а особо видное место отвела прославлению различного рода аскетов и постников, «просивших пощением».

В отношении идеологической обработки верующих «своим богослужением, постановлениями и обычнностями в седмицу сырную церковь внушает нам, что эта седмица есть уже преддверие покаяния, предпразднество воздержания, светлое предпутие поста, седмица предочистительная. В эту седмицу церковь очищает нас телесно и духовно предварительным воздержанием и пощением, соответственным времени богослужением и примирением взаимным или обычаем взаимного прощения...

Изобразив вкратце дела божии от начала мира и приблизив нас к вратам св. четырёхдесятницы, церковь в воскресный день сыропустной седмицы приводит нам на память изгнание прародителей из рая за непослушание и невоздержание, представляя в утрате ими невинного блаженного состояния достойный предмет для слез и покаяния в св. четырёхдесятницу; а бедствием, в которое низвергла человечество страсть себялюбия и плотоугодия, внушая: как важны в деле благочестия и спасения пост и прочие дела самоотвержения, и как опасны чувственные греховные удовольствия...

На литургии в воскресный день сыропустной седмицы словами евангелия церковь благовествует нам о том, что нужно нам для получения от бога прощения грехов во время поста и как должно поститься (Матф., 6, 14-20). Она научает нас, что для получения от бога прощения наших грехов нам самим надобно прежде простить ближних, согрешивших против нас... Пост... есть время, удобнейшее для стяжания духовных сокровищ подобно тому, как бывает иногда особенно удобное время для собирания и приращения временных благ» (Дебольский, назв. соч., II, стр. 70—71).

Отметив это, названный автор добавляет далее, что во исполнение евангельского призыва к взаимному прощению обид египетские отшельники, пустынники в масляничное воскресенье собирались вместе для совместной молитвы и взаимопрощения, после чего расходились по пустыне до вербного воскресенья для великопостного пощения; и что это обыкновение испрашивать друг у друга прощение до сих пор держится в церкви как в самом богослужении последнего дня седмицы, так и в быту. Таково церковное объяснение происхождения этого масляничного обычая, под которым мы попытались выше найти у нас более «мирскую» подкладку.

Итак, основные идеи, проводимые церковью на маслянице в своем богослужении, воздержание, пост и прощение обид,—идеи, хорошо отвечающие интересам эксплуататоров трудовых масс, выгодные паразитирующим классам, для которых желательно такое внушение рясниками этим массам необходимости мириться с тяжелым своим экономическим и политическим положением и прощать, даже любить и благословлять своих классовых врагов.

В этом отношении, как видим, и масляничная неделя служит для рясников днями усиленной обработки темных трудовых масс по линии затемнения их классового самосознания. Что же касается отношения церкви, рясников к старобытовому, неприкрыто—«языческому» содержанию этой недели, то она, не освящая его целиком и полностью, в то же время и не прилагает особых усилий к его искоренению, а, наоборот, использует в своих материальных интересах, «подрабатывает» на нем.

Не освящает же она это содержание потому, что лежащий в основе масляницы славяно-языческий зимне-весенний переходный праздник календарно не пришелся у нас и не связался ни с каким церковно-христианским праздником, как это случилось, напр., с декабрьским рождеством, пасхой и троицыным днем: там календарное совпадение было и «освящение» произошло (см. нашу брошюру—«Происхождение пасхи»).

19. Социальная роль масляницы.

Мы познакомились с богатым старобытовым содержанием масляницы, выяснили ее и его происхождение, выявили ее роль и место в церковно-поповской практике, при чем сознательно, нарочно, дабы не усложнять темы и не увеличивать размера работы, не коснулись того, как она празднуется на Западе, за рубежом, где она тоже является одним из крупнейших «народных» праздников и носит обычно название карнавала. В заключение нам остается только несколько остановиться на социальной роли ее и показать, имеет ли она право на существование в нашем новом быту.

В этом отношении масляница, входя в годовой круг церковных и старобытовых праздников, ничем существенным не отличается от всей массы последних и вместе с ними приносила и приносит ежегодно огромный вред, является социально-вредным наследием тяжелого проклятого прошлого. Вредная для трудовых масс искони, она особенно вредна теперь, в настоящее время,—в годы колоссального роста и развития у нас в деревне и городе социалистического строительства.

Тринадцатый год рабочий класс и широкие слои трудового крестьянства нашего Союза во главе с Советской властью и под неуклонно-четким руководством коммунистической партии, получив тяжелое наследство в виде разрушенных мировой и гражданской войнами промышленной и сельского хозяйства, в неизмеримо-тяжелых условиях враждебного капиталистического окружения извне и подрывной работы остатков паразитарных классов внутри, выполняют великую историческую миссию пролетариата—строят социализм. И вот, в числе массы элементов, факторов, тормозящих у нас это строительство социализма, социалистическое строительство в деревне и городе, является религия и старый быт с их праздниками вообще, масляницей—в частности.

Чем же и в каком отношении масляница вредна? Каким образом и почему же она является одним из реакционных пережитков старого, прошлого и одним из тормозов на пути нашего социалистического строительства? Отвечая на это и беря лишь общие, основные социальные стороны, мы должны признать, что вредна она и в политическом отношении, и в хозяйственно-производственном, экономическом, и в культурно-бытовом.

В политическом отношении масляница вредна тем, что на ней и с помощью ее церковь, эта исконная и постоянная опора и защита паразитарных, эксплуатирующих классов, проповедует темным трудовым массам необходимость взаимопрощения «обид», прощения эксплуатации, кабалы и гнета со стороны классовых врагов этих масс, призывает

последние к забвению, прекращению классовой борьбы и к любви к классовым врагам трудящихся. Таким образом она затемняет классовое самосознание трудовых масс, мешая окончательной ликвидации у нас кулачества в деревнях и нэпманов в городах, как класса, а в области внешней политики—содействует и облегчает организацию против нашего Союза новой войны, «крестового похода» мировой буржуазии, «благословляемой» на это римским папой, архиепископом кентерберийским и прочими мракобесами.

Такова, в общем, политическая роль масляницы теперь, в настоящее время; таковой же, вредной для крестьян и рабочих, она была и раньше, служа для затемнения их классового самосознания и для облегчения их эксплуатации помещиками, капиталистами и их прихвостнями—духовенством. Как использовывали ее, напр., князья и цари,—мы видели это на примерах масляничных карнавалов и «прощенных дней».

Вредная политически, не менее вредна масляница и экономически, хозяйственно. Развертывая все шире и шире нашу промышленность, стараясь в этом отношении догнать и перегнать окружающий нас, враждебный капиталистический мир, ускоряя темпы нашего промышленного строительства путем изыскания новых источников и средств, мы переводим все новые и новые предприятия на непрерывку и пятидневку, бросаем на индустриальный фронт все новые и новые кадры, железные фаланги ударных бригад, проводим кампании по социалистическому соревнованию, понижению себестоимости и улучшению качества продукции, повышению производительности труда и т. д.

И вот, и здесь, в деле нашего социалистического строительства на фронте промышленном, индустриализации страны, одним из тормозов является, опять таки, масляница, как церковный и старобытовой праздник. Она держит еще в плену некоторые отсталые слои рабочего класса, отчего в дни ее замечаются у нас прогулы, невыходы на работу, увеличение порчи материалов и машин, понижение качества продукции и т. п. Правда, в этом отношении масляница далеко уступает другим крупным церковным и старобытовым праздникам: рождеству и пасхе, но все же экономический вред от нее, несомненно, был и есть.

Вредна масляница также для нашего сельского хозяйства и крестьянства, где она держится крепче, чем в городах, среди рабочей массы, и медленнее отмирает, сходит со сцены. Не говоря уже о непроизводительной трате на нее ежегодно отсталыми крестьянами огромной массы продуктов и денег, остро необходимых деревне на ее хозяйственные и культурные нужды, масляница еще вредна тем, что она чрез церковное богослужение и свое старобытовое содержание отвлекает крестьян от их непосредственной, ударной хозяйственной задачи—своевременной подготовки к весеннему севу и прочим сельско-хозяйственным работам.

Она поддерживает здесь у них, насаждаемое попами, вредное настроение и убеждение, будто хозяйственное благополучие: урожай и пр., зависит не от своевременной и лучшей обработки земли, не от посева очищенных, протравленных и отборных семян, не от применения минерального удобрения и машин и не от лучшей организации формы труда—работы коллективом, а от молитвы, от помощи «свыше», от воли и каприза «небесного хозяина» и его «святых».

Это вреднейшее настроение и убеждение отсталых крестьян нашло, как известно, свое выражение в целом ряде их поговорок, как то: «за-сеешь, обмолясь, хоть голым песком, так будешь целый год с куском», «хлеб сей, благословясь»; «сеять-то сей, да на небо смотри, станет ра-сти, богу молись», и т. п. Благодаря всему этому масляница тоже еже-годно приносит нашему сельскому хозяйству большие убытки, мешает его рационализации, тормозит развивающееся стихийно, могучим пото-ком колхозное движение, короче: подрывает и замедляет наше социали-стическое строительство в деревне по линии сельского хозяйства.

Вредна масляница, наконец, и в культурно-бытовом отношении, где она несет с собою непроизводительную трату народных денег, про-дуктов и сил, обжорством и пьянством, разгулом вредит народному здо-ровью, и сопровождается руганью, хулиганством, драками, поножевщи-ной, ранениями, убийствами, изнасилованиями и т. п. Всем этим она по-нижает культурный уровень масс, тормозит нашу культурную револю-цию, мешает выработке и укреплению нового, культурного быта.

Ограничиваясь, хотя бы, этими только, общими замечаниями и установив, таким образом, многосторонний социальный вред масляни-цы для широких трудящихся масс и для всего нашего социалистиче-ского строительства, мы тем самым получаем ответ и на вопрос,—имеет ли она право на существование в нашем быту.

Нет, нет и нет!

Масляница—вреднейший, реакционный пережиток и наследие про-клятого прошлого. В настоящее время, под влиянием меняющихся соци-альных условий и благодаря упорной работе всех наших культурных сил деревни и города, она сходит со сцены, отмирает в быту; справляют-ся не так уже широко, разгульно и долго, один за другим исчезают, за-бываются ее отдельные элементы, все меньшие и меньшие массы рабо-чих и крестьян ее справляют, но, тем не менее, она, все же, еще суще-ствует и продолжает приносить свой вред.

Отсюда—одна из задач, стоящая пред всеми антирелигиозниками и культурниками вообще,—всемерно содействовать тому, чтобы и мас-ляница вместе со всеми другими церковными и старобытовыми празд-никами, а также со всей и всяческой религией, как можно скорее были выброшены, выметены из нашего быта: ей и им там не место *).

*) За неимением под руками порайонной географической карты Союза мы, к со-жалению, при указании местностей были вынуждены в данном наборе удержать номенклатуру старого административного деления его на губернии, уезды и волости. Прим. автора.

Апостолы у людоедов.

От редакции.

Данная переводная статья С. Рейнака взята нами из его сборника „Культы, мифы и религии“ (Reinach—„Cultes, Mythes et Religions“, т. I, 1922 г.). Она полезна тем, что показывает, из каких материалов и как ранние христиане фабриковали свою литературу „Деяний“ о различных мифических апостолах мифического Иисуса и пытались таким образом заполнить зияющие пробелы о них в канонических „Деяниях“ и евангелиях. Церковь впоследствии отбросила эту литературу, признала ее „апокрифической“—отреченной, „небогословственной“ и в то же время удержала оттуда массу различных мифов, фигурирующих еще и поныне в официальных „Житиях святых“ и полагаясь ею же самой в историческую основу отдельных праздников в честь того или иного апостола. Что же касается мифического апостола Андрея, то из тех же его апокрифических „Деяний“ „и на их основе православная“ церковь сфабриковала и усиленно насаждала у нас сказку о том, что именно он проповедал христианство на юге нашего Союза и даже воздвиг крест на горах Киева, предсказав позднейшую христианизацию Руси отсюда.

Гай Плиний Секунд, которого мы называем Плинием Младшим, был в 112-ом году по р. х. римским правителем Вифинии, то-есть северо-западной части Малой Азии. Едва водворившись здесь, он принужден был выслушивать жалобы владельцев скота и торговцев этим товаром. Их торговля страдала, так как больше не покупали уже скота для жертвоприношений: новая религиозная секта—христианская—настолько размножилась, что языческие храмы потеряли своих клиентов и опустели ¹⁾.

Восемьдесятю годами позже, около 200 года, Тертуллиан, священник в Африке, говорил, что христиане уже наполнили весь мир несмотря на то, что явились так недавно ²⁾. Выражение это кажется несколько преувеличенным, но свидетельства Плиния и Тертуллиана подтверждают одно другое. Распространение христианства в римском

¹⁾ Подлинность этого письма Плиния более, чем сомнительна, и оспаривается многими независимыми исследователями. Прим. ред.

²⁾ Тертуллиан, Апол. XXXVII: „Какую бы нацию мы ни взяли: будь то мавры маркомнаы, парфяне,—может ли она быть многочисленнее, чем нация, границы которой—границы вселенной? Мы существуем лишь со вчерашнего дня, но уже заполняем все: ваши города, ваши острова, ваши местечки, муниципии, комитии, ваши поля, трибы, дворцы, сенат, форум; вам мы оставляем только ваши храмы“.

мире шло чрезвычайно быстро. В начале II-го века христиане были уже настолько многочисленны в Азии, что затрагивали интересы язычников; к концу века они считают за собой большинство; еще столетием позже они становятся хозяевами империи.

Как совершалось это распространение? Что касается второй половины II-го века,—эпохи, относительно которой имеются уже многочисленные христианские свидетельства, то мы в достаточной мере знаем это; но относительно I-го—века, эпохи, имеющей решающее значение, мы не знаем почти ничего. У Иисуса, говорят, было двенадцать учеников, именуемых апостолами, которым он повелел распространять его учение во всем мире. Но из этих двенадцати апостолов биографии только двух—Петра и Иоанна—известны нам в общих чертах. Сюда, естественно, надо прибавить еще Павла, апостола язычников; призвание его произошло (якобы) после смерти Христа но благодаря своим „посланиям“ и „Деяниям“ он известен нам больше других ³⁾. Зато, что знаем мы о Филиппе, Андрее, Матфие, Иакове, Варфоломее и пяти остальных апостолах? Ничего, кроме их призвания и их имен.

Наша неосведомленность в этом отношении объясняется не только тем печальным фактом, что христианская литература II-го века не дошла до нас целиком. Евсевий, епископ Кесарийский, писавший около 300-го года и располагавший одной из самых богатых библиотек Азии, знал об этом не больше нас. В начале III-ей книги своей „Истории церкви“ он говорит: „Святые апостолы и святые ученики спасителя разошлись по всей земле. Фоме, как мы знаем это от отцов наших, достался в удел край парфян, Андрею—земля скифов, Иоанну—Азия“. Затем он говорит о миссии Петра и Павла и добавляет: „Ориген передает все это в третьей книге своих комментариев на „Бытие“. Ориген, александрийский христианский автор, жил с 185—254 г.; ему-то и обязан Евсевий теми скудными сведениями, которые сообщает нам. Других источников по этому вопросу, достойных веры, он не знал.

Евсевий был ученый и безропотно покорился тому, что знать всего нельзя. Но люди необразованные, простые, толпа не желали так легко отказаться от догадок. В каждой стране, где ко II-му веку распространяется христианство, появляются легенды относительно местного происхождения этого движения. Вполне естественное соперничество побуждало местные церкви заявлять, что они имеют прославленных основателей. А какие же основатели могли быть более славны, чем апостолы, получившие учение (якобы) прямо из уст Иисуса? „Деяния апостолов“, являющиеся продолжением наших евангелий, занимаются только Павлом и Петром. Поэтому принимаются за составление других „Деяний“, повествующих о деятельности других апостолов. За отсутствием точных данных дается свободный ход воображению, достоверность возмещается чудесным. Церковь смотрела на появление этих творений с тем большею недоверчивостью, что учение их бывало часто подозрительно; секты, столь многочис-

³⁾ Апостол Павел, подобно остальным новозаветным апостолам и самому Иисусу Христу,—личность тоже мифическая. Приписываемые ему послания—произведения первой половины II в. Прим. ред.

ленные в первые времена христианства, имели каждая свою благочестивую литературу: евангелия, Деяния, послания, насквозь пропитанные их духом. Тем не менее, церковь, одержавшая к IV-му веку победу над язычеством, не могла заставить совершенно исчезнуть творения, которых она не одобряла; сделать это было вообще чрезвычайно трудно: настолько широко распространены были эти чудесные рассказы. Довольствовались тем, что вычеркивали или смягчали то, что в речах, приписываемых Иисусу или апостолам, слишком явно задевало ортодоксальное учение, но самые истории считались безвредными. Мы обладаем на различных языках (греческом, латинском, коптском, сирийском, арабском) громадным количеством таких историй, называемых апокрифическими. Не проходит, можно сказать, года, чтобы не было открыто новых отрывков, но все это до сих пор еще не опубликовано. Это очень любопытная и даже поучительная литература. Само собой разумеется, мы не узнаем из нее, каковы действительно были дела и мысли учеников Иисуса ⁴⁾, но она говорит нам, что думали по этому поводу уже с IV-го века в низших слоях христианских общин, а также, какая странная смесь благочестия и романтики заполняла воображение тех времен.

Я приведу один из таких рассказов, озаглавленный: „Деяния Андрея и Матфия в области людоедов“. Чтобы легче было уловить точный характер его, я передам его, не прерывая, без комментариев, и только в конце приведу кое-какие собственные соображения относительно происхождения и источников этого анонимного произведения, встречающегося во многих манускриптах, на различных языках и даже в одном древнем англосаксонском предании.

Апостолы, собравшись в одном месте, бросили жребий, чтобы поделить между собой страны, в которых должны были проповедывать христианство. Область людоедов досталась Матфию, заменившему Иуду после предательства Христа. Людоеды,—по словам нашего памятника,—были ужасные люди: они не ели хлеба, не пили вина, а употребляли в пищу мясо и кровь людей. Когда к ним заходил чужеземец, они выкалывали ему глаза и давали какое-то волшебное средство, отнимавшее у него разум. Как только Матфий вошел в ворота их города, они схватили его, ослепили, напоили своим средством и отвели в тюрьму. Для еды ему принесли травы, но Матфий не ел ничего и в горести воссылал горячие мольбы к Иисусу.

В то время, как он молился в своем заточении, вдруг он увидел яркий свет и услышал голос, говоривший: „Возлюбленный Матфий, обрети снова зрение!“ И тотчас же он снова стал ясно все видеть. Затем тот же голос увещевал его мужаться и обещал, что он будет спасен апостолом Андреем, который прибудет через двадцать семь дней и освободит его из мучительного плена.

Матфий уселся и стал петь. Когда вошли палачи, ища жертв, предназначенных на этот день, Матфий закрыл глаза, чтобы они подумали, что он попрежнему слеп. Ему привязали к правой руке ярлык с обозначением дня его заключения; как откармливаемое на убой животное, он должен был ждать, таким образом, пока минет тридцать дней, после чего уведут его, чтобы убить и изрезать на куски.

⁴⁾ Автор стоит на ошибочной, ненаучной точке зрения, что Иисус и его ученики—апостолы, фигурирующие в новом завете,—личности исторические. Прим. ред.

На двадцать седьмой день господь явился Андрею и повелел итти ему со своими учениками к людоедам, чтобы освободить Матфия. Надо было сделать это в трехдневный срок. Апостол отвечал, что он готов в путь, но что страна людоедов отстоит слишком далеко, что невозможно попасть туда в такой короткий срок и что будет лучше, если господь пошлет ангела для этой миссии. „Повинуйся,“—отвечал ему господь. „Встань пораньше и отправляйся на берег со своими учениками: там ты найдешь барку“. И, благословив Андрея, господь поднялся на небо.

На следующий день утром, в первом часу, Андрей и ученики спустились с берега и увидели небольшую барку, в которой сидело трое людей.—„Куда направляетесь вы, братья?“—спросил их Андрей.—„В страну людоедов“.—„Я также“,—сказал Андрей.—„Все избегают тех мест; зачем же ты отправляешься туда?“—„У меня есть там дело,“—отвечал Андрей,—и мне хотелось бы, чтобы ты взял к себе в барку меня и товарищей моих!“—„Идите“,—отвечал хозяин судна.

—„Прежде чем войти,“—возразил Андрей,—я должен сказать тебе, что у нас нет денег заплатить за проезд; у нас нет даже хлеба с собою“.—„Как же тогда вы думаете доехать?“—спросил хозяин.

—„Слушай, брат! Мы—ученики господа Иисуса Христа. Благой господь повелел нам итти проповедывать, но запретил брать с собой деньги, пищу, даже одежду для смены ⁵⁾. Если хочешь взять нас такими, как мы есть,—скажи; если нет, мы должны будем искать другого средства“.—„Если таково повеление, полученное вами от господа, я счастлив принять вас к себе на судно, гораздо более, чем тех, кто дал бы мне золото и серебро; потому что для меня великая радость—видеть у себя на барке апостола господня“. Андрей поблагодарил его, благословил, и они вошли на судно.

„Поди, принеси из трюма три хлеба,“—сказал хозяин одному из матросов.—„Надо, чтобы наши пассажиры поели; им легче будет перенести качку и морскую болезнь“.

—„Пусть господь,“—сказал на это Андрей,—сделает тебя участником трапезы небесной“.—„Если ты действительно ученик Иисуса,“—заметил хозяин судна,—расскажи о чудесах твоего учителя своим ученикам, чтобы они возрадовались в сердце своем и перестали бояться моря“.

Судно уже отчалило от берега. Ученики Андрея испытывали беспокойство и чувствовали себя плохо. Андрей напомнил им, как некогда, когда они были на озере с Иисусом, поднялась сильная буря и господь укротил ее. Затем Андрей стал молиться, а учеников уговорил заснуть. И не успел он еще кончить молитвы, как они уже глубоко спали.

Барка, как стрела, неслась по спокойному морю.—„Как ты управляешь своей баркой?“—сказал Андрей хозяину.—„Я плаваю по морю с шестнадцати лет и никогда не видел такого искусного кормчего!“—„Мы также много плавали, много преодолели опасностей; но, так как ты ученик Иисуса, море узнало, что ты праведный человек;

⁵⁾ Матфей, X; 9—10: „Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания“.

смотри: на нем нет ни одной бурной волны".—„Благодарю тебя, господи,—воскликнул Андрей—что ты послал мне человека, прославляющего имя твое!“

—„Скажи мне, ученик Иисуса: твой учитель не творил других чудес, кроме тех, о которых рассказывают?“ Андрей после некоторого колебания согласился удовлетворить любопытство моряка. Однажды вместе с двенадцатью учениками своими Иисус вошел в языческий храм, перед которым находилось два сфинкса. Иисус повелел одному из сфинксов сойти со своего пьедестала и пойти убедить жрецов в его божественной миссии. Сфинкс повиновался и заговорил человеческим голосом. Потом Иисус велел сфинксу отправиться в страну Ханаанскую, в долину Мамврийскую, поднять из могилы Авраама, Исаака и Иакова и привести их в храм. Сфинкс опять повиновался и вернулся с тремя патриархами. После этого Иисус отослал патриархов и велел сфинксу занять прежнее место у двери храма. „Он совершил много и других чудес, прибавил Андрей, но, если бы я стал тебе рассказывать о них, у тебя не хватило бы терпения слушать мою болтовню“⁶⁾.

—„Ты ошибаешься,—отвечал моряк,—я люблю слушать полезные рассказы“.

Тем временем барка приблизилась к берегу. Кормчий склонил голову на плечо одного из матросов и оставался в молчании. Андрей также молчал и задремал. Увидя, что он заснул, кормчий сказал своим матросам: „Протяните руки под тело его и перенесите его и учеников к городу людоедов; потом возвращайтесь ко мне.“ Матросы развернули свои крылья, которые прятали до того, исполнили, что было приказано, и вернулись. Тогда Иисус,—вы, конечно, догадались, что кормчий таинственной барки был сам Иисус,—поднялся снова на небо вместе с матросами—ангелами.

На рассвете Андрей проснулся на земле и увидел вокруг себя спящих учеников.—„Вставайте,—сказал он,—и знайте, что нас сопровождал сам господь: он снизошел до того, что принял вид моряка и подверг нас испытанию“. Потом он стал молиться и просить господя явиться ему. Иисус явился ему в образе младенца замечательной красоты. Андрей просил простить его за то, что не узнал его в барке. „Этим ты не согрешил,—ответил Иисус,—но ты усумнился, что в три дня можешь достичь страны людоедов, и вот я показал тебе, что я могу сделать все. Теперь иди в темницу, где Матфий, и освободи его, а также и всех чужеземцев, находящихся с ним. Тебя будут жестоко мучить, кровь твоя прольется потоками, но ты не умрешь, так как жителям этого города предназначено стать верующими“. И, произнеся это, он поднялся на небо.

Андрей с учениками, никем не замеченные, пробрались до самой тюрьмы. Ее окружало семеро стражей. Андрей помолился,—и те пали мертвыми. Он сотворил знамение креста над дверью,—и дверь открылась. Они нашли Матфия поющим и обняли его. Обещание господя Матфию исполнилось до истечения тридцати дней.

В той же тюрьме находилось много мужчин и женщин. Они были наги и жевали траву. Все это были откармливаемые чужеземцы;

⁶⁾ Иоанн XXI, 25: „Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг“.

дикари лишили их разума и ослепили. Андрей вернул им зрение, коснувшись их глаз, и разум, коснувшись их груди. Таким образом апостолом было освобождено двести семьдесят мужчин и сорок девять женщин. Андрей велел им выйти из города и сесть под большой смоковницей, плоды которой чудесным образом умножались, так что их хватало на всех. Потом он повелел спуститься облаку, и оно унесло Матфия и учеников Андрея на гору, неподалеку от местопребывания святого Петра. Андрей остался один в городе. Он заметил бронзовый столб со статуей на нем и устроился позади столба, чтобы наблюдать за всем происходящим.

Палачи, придя в тюрьму за жертвами, увидели, что стражи мертвы и помещение пусто. Они донесли об этом начальникам, которые были сильно удручены.

— Вернитесь к тюрьме, — сказали они палачам, — и притащите трупы стражей; мы съедим их сегодня же. Потом мы соберем стариков нашего города и будем бросать между ними жребий, чтобы ежедневно съедать из них семерых. Этого нам хватит на некоторое время, а между тем мы снарядим корабли и наша молодежь может отправиться в экспедицию, чтобы привезти пленников для еды“.

Палачи сделали, что им было приказано; но, когда они начали резать трупы на куски, ножи их вдруг упали и руки онемели. — „Горе нам! — кричали власти города, — здесь замешались чародеи, чтобы погубить нас. Идите скорее и приведите стариков!“.

Сказано — сделано. Собрали двести семнадцать стариков и по жребию взяли семерых, чтобы съесть их в тот же день. Один из них умолял палачей освободить его и предложил вместо себя сына и дочь. Начальство приняло его предложение. Бедные дети жалобно вопили и с плачем просили дать им еще подрасти. Но, не взирая на это, их потащили на место казни, где находилась печь для поджаривания мяса и бассейн для крови. Но ножи снова выпали из рук палачей. „— Горе нам!“ воскликнули власти. „Что же, мы должны умереть с голоду?“.

Когда они гуревали так, явился к ним дьявол в образе маленького старичка. — „Ищите по всему городу, — сказал он им, — некоего чужестранца, по имени Андрея, и умертвите его; потому что это он освободил ваших пленников и своим колдовством доведет вас до смерти“. Но Андрей был невидим. Заперли ворота города, искали везде, но все напрасно. Тогда господь явился Андрею и сказал: „Встань и покажись теперь этим людям“. — „Вот я! — воскликнул Андрей, — я тот, кого вы ищите!“ В одну минуту множество народа окружило его, и началось совещание относительно рода казни для него. Просто убить его было слишком мало: надо было заставить его долго мучиться. Один человек, в которого вошел дьявол, посоветовал привязать веревку вокруг его шеи и таскать его так по всем улицам и закоулкам, потом уж убить его и съесть. Толпа одобрила предложение, и начались пытки Андрея.

Тело апостола было все изрезано камнями, и кровь текла из его тела, как вода. Но он не умер, и, когда настал вечер, его бросили в тюрьму, связав руки за спиной.

На следующее утро его снова начали таскать по улицам, а он не переставал молиться богу.

— „Ударьте его по рту,—сказал дьявол,—чтобы он замолчал!“ Наступил вечер. Андрея опять привели в тюрьму. Дьявол с семью демонами водворился здесь же, чтобы всячески оскорблять его и постараться его убить; но они не могли близко подойти к нему, так как на челе его была печать господа.

На третий день пытки возобновились снова, и вечером снова бросили его в тюрьму. Андрей изнемогал от усталости и весь был покрыт ранами. Господь явился ему, взял за руку и вернул ему силу. Андрей поднялся и увидел посреди тюрьмы столб, на котором стояла алебастровая статуя. Хотя текст ничего не говорит об этом, это была, вероятно, одна из тех статуй, помещаемых у фонтана, у которых вода льется через рот; тип этот был очень распространен в римскую эпоху и представлен многочисленными образцами в наших музеях. Андрей повелел статуе лить воду изо рта, чтобы наказать жителей нечестивого города. Статуя тотчас повиновалась и начала выпускать потоки воды. Это была ядовитая вода, от которой тело покрывалось язвами, и текла она, не переставая.

Когда наступило утро, жители увидели, что город затоплен, и пустились бежать по всем направлениям, ища убежища в других местах. Тогда Андрей стал молить бога: „Не оставляй меня, господи! Пошли архангела Михаила в облаке, чтобы зажечь пожар вокруг города; тогда не ускользнет никто“. И тотчас же город был окружен огнем, а вода, поднимавшаяся уже до шеи, точила тело людей.— „Горе нам!—говорили жители.—Все несчастья обрушились на нас из-за этого чужестранца, запятого в тюрьме. Пойдемте и освободим его; иначе мы все погибнем“.

И они бросились к тюрьме, отчаянно крича: „Бог чужестранца избавь нас от этой воды!“ Андрей слышал их крики и, видя их отчаяние, сказал алебастровой статуе: „—Перестань выбрасывать воду; кажется, жители этого города хотят обратиться в истинную веру. Я построю здесь церковь и поставлю тебя в эту церковь в благодарность за услугу, оказанную мне“. Статуя перестала лить воду. Жители подошли к тюремным дверям и смиренно просили бога чужестранца сжалиться над их бедственным положением. Андрей вышел и направился к ним; когда он шел, вода расступалась перед ним. Толпа умоляла его сжалиться над ними. Был тут и старик, предавший сына и дочь.— „Как можешь ты взывать к моей жалости,—сказал ему Андрей,—ты, поступивший так безжалостно со своими детьми? А потому говорю тебе: как только вода войдет в бездну, вместе с нею уйдешь туда и ты, а также и четырнадцать палачей, ежедневно убивавших людей“.

Андрей возвел глаза к небу, земля разверзлась, и вода ушла в пропасть вместе со стариком и палачами.

„Человек этот приходит от бога!“—воскликнули дикари. Он сейчас убьет нас, найдет пожар, чтобы сжечь нас!“— „Не бойтесь, дети мои!“—отвечал Андрей и прежде всего вернул к жизни всех мужчин, женщин и детей, потопленных наводнением. Затем наметил он план церкви и велел выстроить ее, потом крестил всех и проповедывал учение Иисуса. Свершив все это, он решил уйти отсюда. Тщетно просили его жители остаться с ними. „Я должен,—гово-

рил Андрей,—найти своих учеников“, и он ушел из города, оставив новообращенных в большом горе.

Тогда явился Андрею Иисус в образе младенца и сказал:

— „Почему не уделишь ты этим людям еще несколько дней? Их крики и плач дошли на небеса до меня. Возвращайся в город и оставайся там семь дней, пока сердца их не утвердятся в вере. Ты будешь проповедывать им мое евангелие и выведешь на свет тех, которые в бездне“. Андрей воздал благодарение господу, из'явившему таким образом волю свою, чтобы все души были спасены. В городе его приняли с большой радостью, и он оставался здесь семь дней, проповедуя слово божие. Когда он уходил из города, все провожали его, от маленьких детей до стариков, говоря: „Один есть бог, бог Андрея, и один господь Иисус; ему же подобает слава и сила во веки. Аминь!“

Выясним прежде всего географию этого странного рассказа.

В следующем за ним рассказе, озаглавленном: „Мученичество святого апостола Андрея“, город людоедов называется Мирной, другие авторы называют его Мирминой или Мирмидоной. Гутшмид под этими искаженными названиями узнает Мирмикион в Херсонесе Таврическом, то-есть, в Крыму. Со времен Геродота греки полагали, что некоторые области нынешней России были населены людоедами ⁷⁾. Само собой разумеется, что в эпоху, к которой относится приведенная история, людоедов в Скифии уже не было, но я хочу доказать, что история эта основана на легенде мореплавателей, которая должна быть целыми веками древнее. Пункт отправления Андрея и его товарищей—азиатский город на берегу Черного моря, вероятно, Синоп. Из Синопа в Крым, даже при очень благоприятном ветре, судно не может добраться в три дня. Этим и об'ясняется, в начале рассказа, сомнение Андрея. Если он совершил это путешествие меньше, чем в день, то только потому, что ехал на барке, руководимой Иисусом.

Можно ли сказать, что легенда эта зародилась в Крыму, в каком-нибудь городе, где находится церковь с алебастровой статуей, церковь, посвященная апостолу Андрею и, будто-бы, основанная им? Конечно, легенда эта могла стать здесь общеизвестной, но невероятно, чтобы она вышла отсюда. Действительно, в рассказе, который передает Андрей Иисусу на барке, идет речь о храме, охраняемом сфинксами. Единственная страна, где подобная подробность для всех понятна, это Египет ⁸⁾. Уже со времен Птолемея египетские мореплаватели были прекрасными знатоками морей, а еще раньше моряки Финикии на службе у египетских царей должны были занести в их страну тысячи необыкновенных рассказов: их, как известно, еще со времен Улисса-Одиссея любят рассказывать мореплаватели.

⁷⁾ Геродот, IV, 106 (ср. IV, 18 и 53): „Нет людей с более дикими нравами, чем людоеды. Им неизвестны ни законы, ни правосудие; они кочевники. Одежда их походит на одежду скифов, но язык совершенно особый. Из всех народов, о которых я говорил, они одни едят человеческое мясо“.

⁸⁾ Я должен, однако, напомнить текст Геродота (IV 79) относительно дворца, окруженного сфинксами и грифонами, построенного по приказу царя скифов-Скиласа.

Я прихожу к заключению, что в основе истории об Андрее лежит какой-нибудь рассказ моряка, посетившего берега Черного моря, где обитали людоеды, и что аналогичные истории, лишенные еще христианского элемента, должны были циркулировать в Александрийском порту ⁹⁾

Из всех народов, принявших христианство, египтяне обладали самым древним собранием записанных рассказов—сказок. Кроме собранных Геродом, до нас дошло еще некоторое число их. Они переведены Масперо, и в них можно различить много элементов популярных (народных) рассказов, распространившихся по всему миру. Некоторые из них, наверно, древнее 1400 года до р. х.

Я мог бы пополнить свои доказательства, показав ту громадную роль, которую сыграл Египет в образовании цикла легенд, окружающих первые века христианства. Но это завело бы меня чересчур далеко. Моя цель была—предложить образчик литературы, некогда чрезвычайно популярной, в настоящее же время совершенно забытой, которой, однако, история религии пренебрегать никак не должна.

⁹⁾ Аббат Леже указал мне на аналогию истории Андрея с историей Цирцеи в Одиссее. Форма последней грубее: здесь волшебница превращает людей в животных и пускает их на откорм, чтобы съесть в свое время.

Еретики.

От редакции.

Статья — перевод брошюры, первой части труда Г. Крамера — „Ужасы святой инквизиции“ (G. Kramer — „Die Greuel der Heilige Inquisition“ — Die Ketzer; 1924), выдержавшей за границей много изданий и относящейся к серии народных брошюр Союза свободомыслящих Германии и Австрии. В ней просто и ясно показывается, как „проповедница любви и всепрощения“ — церковь, возглавляемая римскими папами, чей преемник в настоящее время вдохновляет, освящает и организует „крестовый поход“ против нашего Союза под флагом защиты религии и цивилизации, направляется во все времена с инакомыслящими, — с „еретиками“: дается ряд красноречивых цифр и описание пыток. К сожалению, автор не вскрывает с достаточной ясностью всех тех социальных факторов, какие здесь играли решающую роль.

Уже в первом веке хр. эры сильно спорили друг с другом христиане из иудеев и язычников, а в четвертом и пятом столетиях проклинали и преследовали друг друга афанасианцы и ариане. Уже в первых веках были прокляты церквью секты гностиков, монтианов, донатистов, манихеев, несториан и т. д. Уже в царствование первого христианского императора Константина (IV век) еретиков подвергали также и светским карам: ссылке, конфискации имущества и лишению гражданских прав. По наущению епископа Итация был казнен императором Максимумом в 385 году в Трире за свое учение добропорядочный Присциллиан, а два его собрата по служению были подвергнуты пытке и сожжены на глазах у Итация. — Это были первые, понесшие такое наказание. Августин, — епископ, знаменитый отец церкви и святой, принявший крещение в 387 году после распутной жизни, — объявил похвальным делом наказание еретиков вплоть до смертной казни. В 415 году в Александрии неистовствующие монахи затаскили в церковь Ипатию, бласферодного языческого философа, убили ее, рестерзали на куски до костей и затем сожгли, в чем был виновен главным образом епископ Кирилл.

Начиная, приблизительно, 1100 г. стала распространяться секта катаров. Она стремилась к восстановлению чистого евангелия и придавала особенное значение добродетельному образу жизни. Родственной ей по духу была секта вальденсов, названная так по имени ее основателя, французского купца, Вальдуса (1170). Такою же была секта альбигойцев, получившая название по имени города Альби, в южной Франции.

Созванный папой Александром III в Монпелье (Франция) в 1162 году церковный собор постановил, что всякий светский правитель, уклоняющийся от наказания еретиков, сам обрекает себя на проклятие, как

еретик. Под влиянием того же Александра церковный собор в Туре приказал, под угрозой церковного проклятия, всем епископам препятствовать всякой попытке оказывать еретикам помощь или давать им приют. Никто не должен иметь с еретиками сношений, они должны быть лишены всякого утешения. Все имущество должно быть у них отобрано, а сами они должны быть строго наказаны. Церковный собор в Реймсе установил для них жестокие наказания, напр: прижигание раскаленным железом. После того, как по епископскому приказу уже были сожжены еретики в Орлеане в 1022 г., в Камбре в 1077 г., в Везеле в 1167 г. и в Реймсе в 1180 г. (две женщины), сообщение от 1183 года гласит: „Многие, в том числе дворяне, мещане, священники, крестьяне, девушки, женщины и вдовы, были преданы по приговору архиепископа (г. Реймса) и графа (Фландрии) смертной казни через сожжение, а имущество их перешло к епископу, частью к графу“.

В Италии монах Арнольд из Брешии проповедывал против испорченности нравов и мирской суетности церкви и папы. Он был отлучен от церкви папой Адрианом IV, выдан последнему императором Фридрихом Барбароссой, затем передан городскому префекту Рима, задушен на столбе и сожжен (1155). Состоявшийся в 1184 г. в Вероне по созыву папы Люция III, в присутствии императора церковный собор постановил: „Епископ должен заставить трех или четырех мужчин, пользующихся хорошей репутацией, или даже все население окрестности (подозреваемого в ереси места) присягнуть, что они назовут ему имена всех еретиков, приходящих на тайные собрания, и тех, кто выкажет странное поведение (!) по отношению к верующим... Светские власти должны, наконец, дать обет, под страхом лишения своих должностей и чинов, что они приведут в исполнение все постановления против еретиков и все назначенные им наказания. Все же покровители еретиков должны быть заклеимлены бесчестьем до самого гроба...“ Так церковь „облагораживала души“ до жесточайшей бесжалостности!

Настоящим основателем инквизиции обыкновенно считается могущественный папа Иннокентий III, придавший ей характер всеобщей церковной организации. В 1209 году он созвал в Авиньоне (в южной Франции) церковный собор и призвал светскую власть на помощь для борьбы с еретиками. Каждый епископ должен был в каждом городском или сельском приходе обязать двух или трех мирян доносить на еретиков и на тех, которые их скрывают или оказывают им помощь. Те же из светских властей, которые выкажут халатность в этом „служении богу“, должны быть подвергнуты большому отлучению от церкви, а их округа проклятию. Покровителей еретиков следует „избегать, как окончательно проклятых церковью“. В своей Папской области Иннокентий сам заботился об искоренении ереси. Так, в 1207 году в Витербо дома еретиков были сравнены с землей, а их имущество конфисковано. Также им были посланы два монаха, Рейнер и Гюи,—один в Испанию, а другой во Францию, чтобы „изловить и убить этих маленьких лисиц—вальденсов, катаров и патаренов“. По его мнению, даже признанная противниками нравственная чистота еретиков является с их стороны особенной подлостью, чтобы вводить в заблуждение верующих.

Папа Александр III проповедывал еще в 1180 году крестовый поход против альбигойцев, первый, предпринятый христианами против

христиан. По описанию одного очевидца с папской стороны, эта война оставила за собой „повсюду опустошенную страну, разрушенные города и села, картину смерти“. В 1208 году Иннокентий вновь проповедывал крестовый поход. Он является „настоящим палачем альбигойцев“. 1) Крестовой армией командовали папские легаты. Альбигойцы защищались с мужеством отчаяния. Их бесжалостно уничтожали, как вредных насекомых. При взятии Безье было убито 20.000 мужчин, женщин и детей. Когда папского легата спросили, как отличать правоверных от еретиков, он ответил: „Убивайте всех! Бог сам разберет своих“. 2) В церкви Марии Магдалины было убито 7.000 беглецов. В Каркассоне сожгли 400 еретиков, а 50 повесили. Месть божия,—так с торжеством докладывали легаты „наместнику Христа“,—чудесным образом уничтожила еретиков. Папские отряды, будто бы, „с необычайной радостью“ занимались резней. Великий собор в Риме в 1215 году, на котором были представлены также почти все христианские дворы, предал проклятию альбигойцев и объявил нечестивыми в гражданском и церковном смысле всех тех, кто будет сопротивляться постановлениям собора. Папа Гонорий III собрал новую крестовую армию, которую сопровождали многие тысячи священников и воспламеняли для новых ужасов. 14 марта 1244 года, после взятия Монсежюра, были живьем сожжены 200 еретиков. Папа Мартин IV отменил для еретиков также право убежища, т. е. их можно было убивать даже при алтаре. Посланный папой Григорием XI францисканский инквизитор Торелли убивал во Франции вальденсов сотнями. 29 мая 1393 года в церквях города Амбрэн были приговорены к смерти через сожжение 230 вальденсов. В XV веке, по распоряжению легата папы Иннокентия VIII, Альберта из Кремоны, были преданы смерти огнем, дымом и мечом 1500 вальденсов, нашедших убежище в одной большой пещере. Война на уничтожение тянулась столетиями.

Такая же судьба, как альбигойцев во Франции, постигла свободное крестьянское племя штедингенцев в Германии. За нежелание подчиниться власти бременского архиепископа они были истреблены в страшной битве при Альтенеше посланной папой Григорием IX крестовой армией, при которой находился цвет немецкого дворянства и его княжеских родов. Свыше 6000 храбрых крестьян было бесжалостно зарублено. Духовенство с крестом и флагом стояло на возвышении и при избиении пело благочестивые песнопения!

Начиная с 1214 года, по Германии носился патер Конрад из Марбурга, дьявольски свирепое чудовище, в сопровождении всякого сброда, ловившего для него жертвы; он произносил проповеди и сжигал еретиков. Без разбора арестовывали подозрительных людей, без доказательств присуждали их к смерти и предавали светским судам для сожжения. 12 июня 1227 года папа Григорий IX поощряет Конрада „вырвать сорную траву из нивы господней“. К сожалению, инквизиции покровительствовали император Фридрих II Гогенштауфен (ум. в 1250) и его сын Генрих, сами ведшие жестокую борьбу с папами. Но из „Руководства“ доминиканца Бернарда Гюн (ум. в 1311 г.), сжег-

1) Hoensbroech—«Das Papstum», народн. изд.

2) Засвидетельствовано монахом-историком, Цезарием фон-Гейстербахом. Книга 5, глава 21 его «Истории», Кельн, 1591.

шего, в качестве инквизитора, 637 еретиков и бывшего доверенным лицом папы Иоанна XXII, мы узнаем, что ужасные законы Фридриха против еретиков были обязаны своим проклятым существованием ходатайству папы. Указ императора устанавливал, что дети еретиков имеют право на наследство только в том случае, если они донесли инквизиции на своего собственного отца! Какая трясина противоестественной безнравственности! Генриха подстрекало к поддержке Конрада обещание имущества еретиков. Пораженному ужасом народу Конрад и его сыщики говорили: „Мы сжигаем сто невинных, если только среди них оказывается хоть один виновный!“ Обвиняемому не давали времени для защиты. Если он тотчас признавал себя виновным, его постригали, как кающегося, и он должен был выдать своих единомышленников. Если же он этого не делал или отрицал свою виновность, — его сжигали. Согласно постановлению папы Григория IX от 1231 года, никакой адвокат не должен был оказывать услуги еретика, в противном случае он навсегда лишался своей должности. О деятельности Конрада сказано в одном старом сообщении: „Поразительно, как в то время усилился огонь против рода человеческого. Бесчисленное множество людей погибло в Германии на костре“. После того, как в 1233 году, наконец, несколько рыцарей убили это чудовище, папа Григорий в послании к епископам от 21 октября 1233 г. посвятил ему восторженный некролог, называя его мужем „совершенной добродетели“ и „глашатаем христианской веры“! В Австрии Леопольд VI „славный“ (1194—1230) велел варить в кипятке еретиков, а в Вене было сожжено в 1285 году 102 еретика.

В 1284 году папа Иннокентий IV передал инквизицию доминиканцам (названы так по имени Доминика, основателя ордена). Их поэтому называли также „ищейками Доминика“ (игра слов: по латински canis = собака). Монашеская инквизиция постепенно вытесняла епископскую. С дьявольски-сладострастной свирепостью посвятили себя мрачные монахи пыткам и убийству ненавистных им еретиков. По просьбе Людовика „святого“, который стал королем Франции в возрасте 11 лет и был воспитан своей матерью-испанкой в совершенном ханжестве, папа Александр IV (1254—1261) назначил одного доминиканского монаха генеральным инквизитором Франции. Франциск I усердно преследовал сторонников Реформации, а его сын Генрих II по дарственному акту уступил наперед своей любовнице Диане Пуатье часть имуществ еретиков, которая должна была перейти к государству. Сторонники Реформации назывались во Франции гугенотами. Благодаря преследованиям гугенотов Франция была ввергнута в гражданскую войну, продолжавшуюся с XVI до XVIII столетия и причинившую стране тяжелые раны.

В ночь на 24 августа, день св. Варфоломея, по раздавшемуся с королевского двора набату католики напали на ничего не подозревавших гугенотов, собравшихся в Париже по случаю свадьбы сестры короля Карла IX. Три дня и три ночи свирепствовала резня (Варфоломеевская ночь 1572 года), перекинувшаяся затем также и в другие города. 25.000 человек лишились жизни, христиане были убиты христианами во имя бога и Христа! Впоследствии было доказано, что незадолго перед тем умерший папа Пий V знал о плане этого злодейства. Его

преемник, Григорий XIII, от радости установил для христианского мира торжество, велел в память этого события написать картину, отчеканить медаль и издал для христианского мира поучение, в котором указывал, что эта кровавая баня последовала по совету и при помощи бога. Короля же Карла он увещевал энергично продолжать начатое.

Утверждение защитников папства, что в Риме не было казней еретиков, неверно. Иезуит Петр Санта пишет: „В Риме никто не наказывается смертью за первую ересь, если он не был ересиархом (главой еретиков)... Только те присуждаются к смерти, которые обратно впадают в ту же ересь, но их не сжигают живыми, а вешают и затем сжигают, если они перед смертью раскаиваются и отказываются от своих заблуждений. Но если они упорствуют, то их, конечно, сжигают, но это делают не из жестокости, а в надежде выварить из них упорство и посредством усиленного наказания побудить их к признанию настоящей веры“. Граф Генсбрех в своем „Папстве“ на основании документов указывает имена и даты: в 1432 году, например, был сожжен в Риме, как еретик, монах Томас Конекте, в 1558 г. был казнен проповедник вальденсов—Джалодовико; в 1567 г. Карнесеккли, и т. д. Самой знаменитой жертвой римской инквизиции был великий философ Джордано Бруно, сожженный живьем в 1600 году в Риме. Знаменитый астроном Галилей избег той же участи только благодаря тому, что он, большой старец, отрекся перед римскими инквизиторами от своих взглядов. Хотя и не в Риме, но, все же, по указанию безразличного папы Александра VI, в 1498 году, Савонарола, после ужасных пыток, был повешен и затем сожжен.

В Нидерландах инквизиция, потребовавшая много жертв в царствование Карла V, с особенной силой свирепствовала во времена Филиппа II. Папа Климент VII увещевал Карла искоренить ересь огнем и железом. Климент назначил в 1525 году трех священников инквизиторами в Нидерланды, имевших доминиканцев в качестве помощников. Сам Карл объявил, что он с корнем вырвет заразу ереси. В 1536 году было сожжено много женщин в последний периоде беременности. Доносчикам на еретиков Карл обещал половину имущества осужденных. Самым ужасным, однако, было деспотическое правление герцога Альбы, посланного в Нидерланды Филиппом II. На протяжении трех месяцев взошли на эшафот 1800 человек. Повешенные вдоль больших дорог трупы еретиков заражали воздух. Историк Гуго Греций определяет число принесенных в жертву при Карле V и Филиппе II еретиков в 100,000. а принц Оранский—в 50,000. И если бы их было только 25,000,—какое это страшное число для маленькой страны за такое короткое время!

В Германии 1 мая 1318 года был обнародован ряд папских булл на имя князей, епископов и магистратов Мейсена, Кракова, Богемии, Бреславля, Моравии, в которых объявлялось о назначении папских инквизиторов и настойчиво требовалось ревностной поддержки. Епископ Генрих I из Бреславля приказывал в 1315 году монахам в Швейднице сразу сжечь 50 еретиков. Из многих других местностей северной и южной Германии также сообщалось о сожжении еретиков в ту эпоху. Одним из злейших царственных преследователей еретиков был импе-

ратор Карл, IV в XIV столетии. Он издавал полные ненависти указы, которые утверждал папа Григорий XI. В булле от 9 июня 1371 года последний воздает Карлу высшую похвалу.

На церковном соборе в Констанце в 1415 году чешский реформатор Гус претерпел смерть через сожжение. Хотя император Сигизмунд обещал ему безопасность, но по совету попов он нарушил свое слово. Немного позднее умер на костре также и друг Гуса Иероним Пражский. Следствием этого позорного злодеяния были гуситские войны, стоившие жизни тысячам и принесшие опустошение многим немецким областям *). Мрачный дух инквизиции также зажег пламя 30-летней войны (1618—1648), от ужасных последствий которой Германия могла оправиться лишь спустя столетия.

Наиболее ужасным образом инквизиция свирепствовала в Испании. Ее деятельность была направлена особенно против евреев и мавров, оставшихся после арабского владычества магометан. В 1391 году имел место кровавый еврейский погром. 35.000 человек спаслись путем поспешного крещения. Но и им приходилось сильно страдать. В 1472 году в Кордове им была устроена кровавая баня. Движение перекидывалось из города в город. По просьбе архикатолической королевской четы, Фердинанда и Изабеллы, возбужденной по инициативе папского нунция, папа Сикст IV послал к ним в 1478 году в качестве инквизитора пресловутого доминиканского монаха Торквемаду. Сопротивление пришедшего в ужас населения было столь же тщетным, как и в других странах. Торквемада раз'езжал по стране с 250 всадниками. Где бы он ни появлялся,—там пылали костры и заполнялись тюрьмы. Какое дело было кровожадным монахам до того, что наиболее дельные и трудолюбивые жители, об'ятые ужасом, уезжали тысячами, и страна опустошалась? Королева Изабелла писала в Рим: „Я причинила большое несчастье: я обезлюдилла города и области, провинции и королевства, но все это я сделала из любви к христу и матери божией“. Когда Филипп IV вступил на престол, в 1621 году, Испания имела только 6 миллионов населения против 10 миллионов 70 лет раньше. Ужасно свирепствовал, особенно против мавров, также кардинал Хименес (ум. в 1517 г.), духовник Изабеллы, назначенный папой великим инквизитором. Испанский историк Льоренте, бывший секретарем инквизиции в 1789 году, определяет число сожженных у столба за время его правления в 3564 человека. За время же правления Торквемады (1481—1498) было сожжено 10225 человек и сослано на галеры 97371 человек. По данным инквизитора Парома, в одной Севилье за время с 1480 по 1520 г. было сожжено живьем 4000 человек. Папа писал Торквемаде, что его деятельность наполняет его сердце величайшей радостью; если он будет продолжать, то приобретет его высшее расположение. Посленик Торквемады, августинский монах Петр Арбуэс, убитый в 1485 году заговорщиками за его жестокость, был канонизирован в 1867 году папой Пием IX. Печальную известность получила Испания благодаря ее

*] Гуситские войны были не следствием казни Яна Гуса, а являлись одним из моментов длительной, классовой и национальной борьбы на Западе, ведшейся под религиозным знаменем [прим. ред.]

ауто-да-фе,—церковным празднествам, во время которых сжигали более или менее значительное количество еретиков в присутствии высших властей и народа. На октябрьское ауто-да-фе в Вальядолиде в 1559 году, на котором присутствовали король со двором, представители властей и дамы высшего общества, по свидетельству секретаря инквизиции—Диего Симанкаса, стеклоь около 200000 человек. На этом ауто-да-фе были сожжены 14 еретиков, среди них 5 женщин. На декабрьском ауто-да-фе в Севилье в 1569 году были сожжены живьем 13 еретиков и три в изображении.

Инквизиция свирепствовала также в Португалии, равно как в испанских и португальских колониях в Америке и в Азии.

Рассмотрев кровью написанную историю инквизиции, попытаемся теперь изобразить отношение бессердечных судей к своим несчастным жертвам. Судопроизводство представляло собою насмешку над правосудием и человечностью, хотя и сопровождалось отвратительным набором пышных благочестивых фраз. Нигде мы не встречаем столь противного и отталкивающего лицемерия, как именно у инквизиции. На это указывает даже само название всей этой организации: *Sanctum Officium*, т. е. „Святая служба“.

Как только инквизитор приезжал в какой-нибудь город, он прежде всего призывал к себе магистрат и заставлял его дать присягу в том, что он всячески будет поддерживать инквизицию и исполнять ее приговоры. Отклонение такой присяги угрожало отрешением от должности и отлучением от церкви. За этим следовала торжественная проповедь инквизитора перед народом. Всякому, кто добровольно донесет сам на себя, обещалось легкое наказание. Обыкновенно поступали тайные доносы, авторы которых оставались неизвестными обвиняемому. Это давало возможность удовлетворения низменной и подлейшей жажды мести. Но делались доносы также из страха, так как укрывательство еретиков влекло за собою наказание. Сын и дочь обязаны были доносить на родителей и наоборот; брат на брата или на сестру, муж на жену и наоборот. Семейные и родственные узы значения не имели. Если поступало недостаточное количество доносов, инквизиция предпринимала расследования, которые никогда не оставались безрезультатными, ибо каждое свободное слово, сказанное в интимном кругу или в веселом задоре, всякое подозрительное в отношении церкви поведение или поступок становились известными путем подслушивания и допроса. Если когонибудь схватывали, то он, конечно, должен был иметь сообщников. Если он не может их назвать, то это—запирательство, против которого имелись средства. Подозреваемого отправляли в тюрьму. Тюрьмы были частью надземными, частью подземными. Некоторые бесследно исчезали, а ближайшие их родственники не осмеливались спрашивать о них, чтобы самим не подпасть под подозрение. Десятки тысяч честных людей, мужчин и женщин, томились в отвратительных тюрьмах годы, десятки лет, подчас всю жизнь,—никто не заботился о том, чтобы им помочь. В одной записке испанской Хунты Карлу II сообщается, что одна женщина в Гренаде, которая должна была быть арестована, из боязни тюрьмы выбросилась из окна и сломала обе ноги. Католический священник областной тюрьмы во Фрейбурге, Карл Краус, тщательно использовав

источиники, дает изображение тюремного режима. Отсюда, между прочим, узнаем мы, что в тюрьме предписывалось строгое молчание. Если ктонибудь плакал или вслух молил бога о помощи, то надзиратель безжалостно его избивал; даже приступы кашля подавлялись побоями. Огня нельзя было зажигать. В подземных камерах заключенные часто проводили годы в полнейшей темноте. Григорий IX должен был увещевать инквизицию не давать заключенным погибать от голода. — Случаи умопомешательства и самоубийство были, конечно, не редки. И такая тюрьма называлась в Испании „каса санта“, т. е. святой дом! Один француз, прежде чем лишиться себя жизни, написал из тюрьмы инквизиции следующие потрясающие слова: „О боже, я посылаю тебе обратно мою душу раньше времени, чтобы бежать от зверей, называющих себя людьми! Прими ее милостиво, ибо тебе известна чистота помыслов, всегда меня воодушевлявших!“ Сколько таких пламенных, но тщетных молитв восходило из благочестивых сердец к „милосердному“ богу! Если бы таковой вообще существовал, то именно здесь он должен был бы проявить милосердие и помощи!

Чтобы добиться признания, обещали помилование. Инквизитор Сицилии Диана пишет: „Инквизиторы могут, с целью добиться от обвиняемого правды, обещать ему уменьшение наказания, но без обязательства это обещание исполнить“. Истинно-католическая мораль! Свидетелем мог быть всякий негодяй. Благоприятные показания не имели значения. Детей можно было заставлять показывать против отца и матери. Для осуждения достаточно было трех свидетелей, так что три врага могли отпирать на костер самого достойного мужа и самую чистую женщину. При подозрении, что свидетели высказывают не все, что они знают, их можно было подвергать пытке. Под муками пытки они тогда указывали на своих знакомых, как на соучастников, лишь бы избавиться от мучений. Если они потом отказывались от своих показаний, то это было бесполезно. Защита обвиняемого одним из членов инквизиции являлась шутовской комедией. Если защитник считал обвиняемого еретиком, то он обязан был отказаться от „защиты“. Обвиняемый имел право отвода свидетеля, если он был его смертельным врагом. Но он не знал вообще, кто свидетель. Очная ставка между свидетелем и обвиняемым не допускалась.

Так как инквизиторы не могли получить от обвиняемых достаточных признаний, то применение пытки стало нормальным явлением. Пытка производилась в подземных помещениях, так что крики не проникали наружу. Книга—„Священный арсенал“ доминиканского инквизитора Томаса Менгини, напечатанная в 1693 году в типографии „пресвященной Апостолической Камеры“ и посвященная папе Иннокентию XII, отводит пытке 26 страниц и делит ее на четыре разряда: 1. Пытка огнем Голые ступни обвиняемого или обвиняемой смазывают свиным салом и спускают на сильно раздутый огонь. Если пытаемый сильно кричит, то между его ногами и огнем продевают доску и спрашивают его, хочет ли он признаться. Если он этого не делает, то доску вынимают, и пытка начинается вновь. 2. Пытка посредством ножных винтов Обвиняемому надевают железные башмаки, которые посредством завинчивания винтов делают все теснее и теснее. 3. Пытка посредством кусков камыша. Обвиняемому связывают руки и между

пальцами вкладывают кусочки камыша. После этого палач сжимает руки. 4. Бичевание несовершеннолетних детей. Если пытаемый впадает в обморочное состояние, то его следует опрыскать водою или зажечь серу под его носом, после чего пытка может возобновиться.— Запрещение пытать обвиняемого два раза обходили тем весьма простым способом, что не признавали второй, третьей и т. д. пытки, а знали тольк одну продолжающуюся.

Основанное на долголетнем опыте описание другого вида пытки,— вывиха суставов, мы находим в инквизиционном руководстве францисканского ордена от XVI столетия. Приведем только следующие выдержки: „Так как ты продолжаешь упорствовать“,—говорит дальше достопочтенный патер,— „то бесполезно жалеть тебя. Я еще раз предлагаю тебе высказаться,“ и т. д. Она отвечает: „Мне нечего сказать“. Тут достопочтенный патер приказывает ее раздеть и связать веревками. В это время он ей говорит: „Обращаю твое внимание на то, что эта пытка никакого отношения не имеет к уже сделанным тобою признаниям. За них ты понесешь предписанное наказание. Но мы хотим, чтобы ты нам сказала...“ Ее ответ должен быть записан. После этого почтенный патер приказывает поднять вверх обвиняемую, связанную в обнаженном виде веревками. Когда она висит, он ей предлагает сознаться в своем преступлении. Но она или кричит: „О боже мой! Это ужасно, я умираю!“ или молчит. Все, что она говорит или делает во время пытки, должно быть записано самым добросовестным образом. В виду ее молчания достопочтенный отец приказывает привести веревки в движение. Она опять вскрикивает: „О, боже мой! Пресвятая дева, приди ко мне на помощь! Святой Франциск, помилуй!“ После того, как обвиняемая некоторое время висела на высоте (продолжительность указана), достопочтенный отец приказывает ее спустить. Тогда обвиняемой вправляют суставы и отводят обратно в тюрьму.—На следующий день ее опять приводят в комнату для пыток. Высокопочтенный патер говорит ей: „Так как мы не удовлетворены твоими ответами и так как мы видим, что вопреки многим признакам и показаниям свидетелей ты, все таки, не желаешь признаться, то мы решили вновь подвергнуть тебя пытке, но на этот раз более болезненной. Поэтому советую тебе сказать нам...“ Если обвиняемая остается при своих прежних показаниях, то почтенный патер опять велит связать ее обнаженной веревками и еще раз спрашивает: „Хочешь сказать правду?“ Если она отвечает: „Я уже сказала ее“, то ее поднимают вверх и опять спрашивают. Но она все время кричит: „Ах, боже мой! Вы меня убиваете!“ Когда высокочтимый патер видит, что обвиняемая упорствует в своем отрицании, он велит ее спустить. Если она теряет сознание, то это так должно быть отмечено в протоколе: „Обвиняемая, вися на веревках, бледная, покрытая холодным потом, беспрестанно кричала: „О, боже мой!“ и т. д. Высокочтимый патер велел положить ее на скамью и дать ей вдохнуть пары укуса и серы. Если состояние обвиняемой остается таким же, то призывают врача, который должен исследовать, находится ли она действительно в обмороке. Если врач объявляет, что она действительно в обмороке, то она должна быть отведена обратно в тюрьму, где должны заботиться о ее здоровье. Если это только мнимый обморок и пытка может быть продолжена, то об этом

должно быть отмечено в протоколе так: вследствие этого достопочтенный патер приказал опять поднять ее на высоту. Случается, что обвиняемая засыпает во время пытки или остается нечувствительной к боли; тогда в протокол должно быть занесено следующее: так как обвиняемая оказалась нечувствительной к боли и так как достопочтенный патер заподозрил в этом хитрость дьявола, то он отдал приказ раздеть обвиняемую до гола и поискать у нее под мышками, в орту, в волосах и в других частях тела, не спрятано ли там какое нибудь средство, вызывающее такое состояние. Также срезавают ей волосы на всем теле. В таком виде, совершенно голую и остриженную, ее опять поднимают на высоту. Так гласит благочестивое руководство.

На сентябрьском ауто-да-фе в Севилье, в 1559 году, первой была сожжена Изабелла де-Ваена, богатая женщина, в квартире которой собирались евангельски настроенные верующие. Ее дом был сравнен с землей и на его месте был воздвигнут позорный столб с соответствующей надписью. На том же ауто-да-фе была задушена и сожжена Мария де-Баркузе, молодая девушка 21 года. Она имела обширную библиотеку, понимала латинский язык и знала наизусть большую часть нового завета. Она старательно избегала давать какие нибудь показания, но под муками пытки у нее сорвалось с языка, что ее сестра— Иоанна никогда не порицала ее за ее религиозные убеждения. Еще в ночь перед ее смертью патеры безуспешно пытались обратить ее. Когда железное кольцо при столбе уже охватило ее шею, ей предложили произнести символ веры; она это сделала и прибавила к нему толкования. Тогда ее задушили, заставив таким образом замолчать, и зажгли костер. Затем арестовали ее сестру Иоанну за то, что она не донесла на Марию. Так как она должна была вскоре стать матерью, ей позволили поместиться в надземной камере тюрьмы. Через восемь дней после рождения у нее отобрали ребенка, мальчика, а еще через восемь дней ее перевели в темную камеру. Так как она не могла сознаться в том, в чем ее обвиняли, то ее подвергли пытке. Руки и ноги ей связали жесткими веревками, которые врезались глубоко в мясо при повороте колеса, а суставы были вывихнуты посредством под'емника. Но она не признавалась. „В таких случаях необходимо перейти к пытке в более чувствительных местах“,—сказано в одном руководстве по искусству пытать. Тогда перевязали ей груди тонкой острой веревкой,— и ее физические страдания усугубились муками оскорбленной стыдливости. Случай положил конец этому дьявольскому действию: при спуске одной задвижки обрушились подмости и придавили лежавшей на них жертве несколько ребер,—кровь потекла из носа и изо рта. Несчастную отнесли обратно в камеру тюрьмы, где смерть принесла ей избавление после недельной болезни. Часто у осужденного сдирали кожу с тела, посыпали ободранное тело солью и серой и вешали на железных цепях над раскаленными угольями. Инквизиционный монах, Иоанн де-Рама, во Франции насильно заставлял несчастных одевать башмаки, наполненные горячим кипящим салом; и это постриженное чудовище смеялось при душу раздирающих криках истязуемых. Женщины и дети подвергались тем же мучениям, как и мужчины. В 1552 г. по неосновательному обвинению заключили в тюрьму одну старушку

85 лет. Ее держали 5 лет. Так как не нашлось свидетелей, то ее, девяностолетнюю, подвергли пытке. Смерть вырвала ее из рук помазанных душителей.

Один из самых отвратительных видов пытки состоял в том, что обвиняемому вкладывали в глотку кусок шелковой материи, на который медленно лили воду, так что несчастный, не имея возможности глотать, должен был все время бороться с удушьем, как утопающий. Нет ничего удивительного в том, что при помощи такого дьявольского мучительства всегда удавалось „устанавливать“ ересь. Льюренте замечает, что на 1000 или 2000 приговоров едва встречается один оправдательный. При осуждении еретик терял все свое состояние, которое переходило к инквизиции или частью также к светскому правительству. От инквизиционных дел разбогатели доминиканцы и францисканцы. Не один был обязан своим осуждением жадности попов! Премники и даже наследники теряли свою часть наследства, если впоследствии умершему приписывались грехи ереси. Его кости, выкопанные из могилы, сжигали, а его объявляли задним числом нечестивым. Его семья считалась клейменной. Сравнительно мягким наказанием для еретиков было сечение розгами при собравшемся народе во время церковного торжества, или же еретика, часто почтенного обывателя, гнали через город под ударами плети. Другим видом наказания было ношение покаянной одежды, обвешанной крестами (в Испании такая одежда называлась „санбенито“); или еретик должен был стоять у церковных дверей в покаянной одежде и умолять верующих о заступничестве,—некоторые в течение 10 лет во все воскресные дни во время поста.

Само собою разумеется, что осужденный лишался всех гражданских прав,—он, его дети и внуки. Некоторых замуровывали или, в виде „помилования“, присуждали к пожизненному заключению в тюрьме. Особенной милостью считалось, если приговоренного к сожжению предварительно подвергали удушению, если последние увещания приводили к раскаянию. Но если он „упорствовал“, то его сжигали живьем, иногда на медленном огне. Чтобы помешать особенно неукротимым говорить, им засовывали в рот кусок дерева, прикрепленного к затылку ремнем, что придавливало язык книзу.

Но довольно об ужасах.

Возражая против довода, что инквизиция была возможна только в старое время, мы должны напомнить, что в Испании инквизиция была окончательно отменена лишь в 1814 году. Еще в 1826 году в Валенсии один еврей был сожжен и один учитель, подозреваемый в квакерстве, повешен. В Португалии отмена инквизиции последовала в 1821 г. В Италии папа Пий VII восстановил инквизицию в 1814 году, после того, как Наполеон отменил ее в 1808 году. Еще в 1852 году супруги Мадьян были приговорены к ссылке на галеры за переход в протестантизм. Лишь в 1859 году инквизиция была там окончательно устранена, но все таки продолжает существовать еще и до сих пор в виде одной из римских кардинальских конгрегаций. Дух инквизиции живет и сейчас в католической церкви.—Журнал „Analecta ecclesiastica“, руководимый одним из придворных прелатов папы Льва XIII, писал в январе 1895 г.: „Отбросьте пустые разговоры о прошлом времени, о

жестокости нравов, о чрезмерном усердии,—как будто наша святая мать церковь, будь то в Испании или в других местах, нуждается в прощении за деяния святой инквизиции... О, благословенное пламя костров! Через тебя, после уничтожения немногих (1), окончательно испорченных людей, тысячи и тысячи душ были спасены из пронасти заблуждения и вечной муки... О, светлая и достойная память о Томасе Торквемаде!" и т. д. Профессор Мартенс в VIII томе „Архива по католическому церковному праву“ старается доказать, что, согласно папскому изречению, сжигание еретиков является делом святого духа. И такого человека государство назначает профессором и платит ему жалованье! Профессор Шрёрс в Бонне называет инквизицию „благотельным учреждением со спасительной для мира деятельностью“! В Испании, на праздновании второго столетия Кальдерона, в Мадриде, ученый Менендес Пелаго, „светило науки“ современной Испании, провозгласил восторженный тост в честь инквизиции.

Высокопочитаемые еще и поныне отцы церкви, как Фома Аквинский (1225—1274), одобряют сжигание еретиков. Монах Леписье, профессор догматики в Риме, утверждал еще недавно, в XX столетии, что церковь имеет право умертвить еретика. Никто из пап даже новейшего времени не отверг инквизиции! Иезуит де-Лука, профессор церковного права Германской Коллегии, в Риме, знаменитнейшего иезуитского учебного заведения для высших священнослужителей Германии,—этот де-Лука, которого особенно хвалил и рекомендовал папа Лев XIII в бреве от 18 октября 1898 года, одобряет в своем обширном сочинении по церковному праву мнение кардинала Беллармина о том, что единственное исцеляющее средство для еретиков—это отправить их скорее на тот свет. Светская власть, по нему, должна беспрекословно служить церкви; светские правители и судьи должны, под страхом отлучения от церкви, немедленно приводить в исполнение приговоры, как только обвиненный передается в руки светских властей. В другом месте де-Лука перечисляет наказания, налагаемые церковью: денежный штраф, тюрьма, пытка, сечение, ссылка, конфискация имущества. Как видно, этот мрачный дух нуждается только во власти, чтобы действовать по прежнему.

Издатель:
Общество по изданию атеистической
литературы „Атеист“

Ред. Совет: И. Вороницын, Е. Грекулов,
проф. В. Т. Дитякин, проф. С. А. Каменев,
проф. Н. П. Каменьщиков, проф. С. Г. Лозинский,
проф. В. К. Никольский, Н. Румянцев,
И. А. Шпицберг (отв. ред.).